

Стефани Лоуренс

Нелегкая победа

Стефани Лоуренс

Еженедельные скачки на знаменитом ипподроме Ньюмаркета были для Гэрри Лестера не только приятным времяпрепровождением, но и отличным способом хоть ненадолго избавиться от светских матрон, ищущих женихов для своих дочерей. Но судьба готовит убежденному холостяку неожиданное испытание: сможет ли он устоять перед очаровательной вдовушкой Люсиндой Бэббакум, отправившейся инспектировать принадлежащие ей гостиницы и едва не подвергшейся нападению разбойников? А может, вовсе и не разбойников, а тех, кто по неизвестной причине строит козни против богатой вдовы...

Глава первая

— От кого мы бежим? От дьявола?

Вопрос, хотя и заданный самым кротким тоном, заставил Гэрри Лестера вздрогнуть.

— Хуже, — бросил он через плечо своему слуге и главному доверенному лицу Долишу. — От маменек, сватающих своих дочерей.

Гэрри слегка натянул поводья, но скорость на повороте сбавлять не стал, не видя причин замедлять бешеную скачку. Пара серых лошадей, мощных и холеных, без усталости и даже как-то радостно мчала двухколесный экипаж. Впереди лежал Ньюмаркет.

— И это не бегство, а стратегическое отступление.

— Неужели? Ну, я не виню вас. Кто бы мог представить, что господина Джека заарканят. И, если верить Пинкертону, ваш брат не очень-то сильно сопротивлялся. Он совсем растерялся, Пинкертон, — угрюмо проговорил Долиш и, не дождавшись ответа, добавил: — Вполне понятно, учитывая его положение.

Гэрри фыркнул.

— Ничто не разлучит Пинкертона и Джека, в том числе и жена. Пройдет время, и Пинкертон дроглотит эту пиллюлю.

— Да... может быть. Все-таки не могу сказать, что с удовольствием подчинился бы миссис...

Губы Лестера дрогнули. И тут же, осознав, что Долиш не может видеть его лица, Гэрри поддался порыву и широко улыбнулся. Долиш находился рядом с ним всю его сознательную жизнь. Пятнадцатилетним парнем он привязался ко второму сыну старшего Лестера, как только малыша впервые посадили на пони. Как говорила старая повариха, они нашли друг друга. Смыслом жизни грума были лошади, и с тех пор, как Долиш признал в молодом Лестере родственную душу, он следовал за ним по пятам.

— Можешь не беспокоиться, старый ворчун. Уверяю, я не намерен ни по принуждению, ни добровольно поддаваться чарам самых соблазнительных сирен.

— Легко говорить, — проворчал Долиш. — Но когда это случается, похоже, сопротивление бесполезно. Стоит только взглянуть на господина Джека.

— Лучше не смотреть, — отрезал Гэрри. Размышления о том, как внезапно и быстро брат увяз в сетях брака, вполне могли поколебать его уверенность. Так что лучше не стоило предаваться такого рода мыслям. Имея двухлетнюю разницу в возрасте, они с Джеком вели очень похожую жизнь, с налету освоившись в городе, с его наслаждениями, более десяти лет назад. Конечно, надо признать, что у Джека было меньше причин подвергать сомнению существование истинной любви, но тем не менее его брат, как верно зметил Долиш, стал уж слишком легкой добычей. И этот факт раздражал Гэрри.

— Вы собираетесь до конца жизни держаться вдали от Лондона?

— Я искренне надеюсь, что до этого не дойдет. — Гэрри придержал лошадей на пологом спуске. Впереди лежала поросшая вереском пустошь, а где-то за ней — жизнь, свободная от дуэний и предприимчивых светских мамаш. — Несомненно, мое исчезновение будет должным образом отмечено. Если повезет, к следующему сезону они забудут обо мне.

— Странно, что они вообще вами заинтересовались, учитывая ту репутацию, которую вы так энергично зарабатывали. Гэрри скривился.

— Деньги, Долиш, помогают простить любые грехи.

Гэрри ждал ответной сентенции Долиша. Чего-нибудь мрачного. В том смысле, что если светские дамы способны пренебречь грехами Гэрри Лестера, то никто не может считать себя в безопасности. Но никаких замечаний не последовало. Устремив невидящий взгляд на уши коренника, Гэрри с сожалением подумал о том, что богатство, недавно свалившееся на него и братьев — Джека и Джеральда, — в состоянии служить оправданием любой беспутной жизни.

Гэрри не питал никаких иллюзий, прекрасно понимая, что он собой представляет: повеса, один из светских хищников, прожигатель жизни, превосходный наездник и незаурядный коннозаводчик, достойный внимания боксер-любитель, прекрасный стрелок, страстный охотник — и не только на дичь. В последние десять лет главным местом его охоты были светские салоны. Используя природные таланты и дарованное рождением положение в обществе, он наслаждался жизнью, смакуя женщин, как вино. Ничто и никто, думал он, не может помешать ему, встать на его пути, оспорить его право на распутство.

Правда, теперь, когда он обременен немыслимым богатством, все выстроится в очередь, чтобы портить ему жизнь.

Гэрри фыркнул и перевел внимание на дорогу. Милые светские девицы могут сколько угодно предлагать свои прелести — он на них не купится.

Впереди замаячил поворот на Кембриджскую дорогу. Гэрри сдержал упряжку, еще бодрую, несмотря на стремительный рывок из Лондона. Вначале, правда, он берег лошадей, но после Грейт-Честерфорда на более пустынной Ньюмаркетской дороге дал им волю. Тем не менее за все время их пути они обогнали лишь несколько медлительных карет. Большинство любителей еженедельных скачек уже собрались в Ньюмаркете.

По обе стороны дороги раскинулись ровные вересковые пустоши. Однообразие пейзажа нарушалось лишь небольшими рошицами. Ни один экипаж не виднелся на Кембриджской дороге. Гэрри свернул на нее и стегнул хлыстом коренника. До Ньюмаркета и комфорта его постоянных комнат в гостинице «Крепостная башня» оставалось всего несколько миль.

— Слева!

Предупреждающий возглас Долиша заставил Гэрри встрепенуться, и в то же мгновение он заметил впереди, в деревьях, окаймлявших дорогу, какое-то движение. Он хлестнул обеих лошадей по холкам и, когда ремень с тихим свистом обмотался вокруг кнутовища, ослабил вожжи и переложил их в левую руку. Правой достал заряженный пистолет, лежавший за его правым сапогом под сиденьем. Когда пальцы сомкнулись на гравированной рукояти пистолета, он машинально отметил несообразность ситуации.

Долиш, сжимавший в руке тяжелый седельный пистолет, облек их общее впечатление в слова:

— На королевской дороге средь бела дня. Подумать только! Куда катится мир, я вас спрашиваю?

Двуколка мчалась вперед.

Гэрри не удивился тому, что мужчины, спрятавшиеся за деревьями, не сделали попытки остановить их. Они были на лошадях, но даже верхом не скоро бы догнали резвых серых коней их двуколок. Гэрри успел насчитать по меньшей мере пять человек. Они были одеты в грубую одежду, лица почти до самых глаз скрывали шейные платки.

Звуки негромких проклятий растаяли позади.

С угрюмым бормотаньем Долиш принялся рыться в ящике под козлами, убирая пистолет.

— Черт побери, у них даже фургон был спрятан за деревьями. Должно быть, уверовали в

легкую наживу.

Гэрри нахмурился.

Впереди дорога делала крутой поворот. Он подобрал вожжи и чуть придержал лошадей.

Упряжка повернула. В следующее мгновение глаза Гэрри широко распахнулись, и он изо всех сил натянул вожжи, разворачивая лошадей поперек дороги. Те резко остановились, зафыркали, забили копытами, едва не уткнувшись мордами в низкую изгородь. Двуколка опасно накренилась, но рессоры не дали ей опрокинуться, и Долиш, к счастью, удержался на козлах.

Взгляду Гэрри открылась грустная картина.

Перегородив дорогу, на боку лежала дорожная карета. Похоже, одно из задних колес раскололось; громоздкое, полностью набитое отделение для багажа свалилось с крыши кареты. Авария произошла совсем недавно: верхние колеса еще медленно вращались. Парень, очевидно грум, пытался вытащить из канавы бьющуюся в истерике девушку. Мужчина постарше — кучер, судя по одежде, — суетился возле распростертой на дороге худой седовласой женщины.

Ни слова не говоря, Гэрри и Долиш спрыгнули на землю и побежали успокаивать охваченных паникой лошадей.

Добрых пять минут ушло на то, чтобы утихомирить животных, хороших сильных упряжных лошадей, обладавших всем упрямством и тупостью их породы. Распутав постромки, Гэрри предоставил Долишу заботу об упряжке, а сам поспешил к попавшим в беду людям. Юный грум все еще растерянно утешал плачущую девушку, а взволнованный кучер около пожилой женщины явно разрывался между своими обязанностями и желанием оказать помощь, если бы только он знал, как это сделать.

Пожилая женщина неподвижно лежала на спине, закрыв глаза и скрестив руки на плоской груди. Когда Гэрри подошел к ней, она застонала.

— Моя лодыжка!.. — Резкая боль исказила ее худое лицо со стянутыми в узел седыми волосами. — Черт тебя побери, Джошуа... Дай мне только подняться. Я сдеру с тебя шкуру и пушу ее на обивку скамейки для ног. Не сомневайся, я это точно сделаю. — Она перевела дух и застонала от боли. — Если вообще когда-нибудь встану на ноги.

Гэрри прищурился. Речь женщины поразительно напоминала вечное брзжание Долиша.

— В карете кто-нибудь есть?

Лицо кучера, что по-прежнему бестолково топтался на месте, потирая лоб, вытянулось от страха.

— О Боже! — Он захлопал глазами. Женщина поспешно села.

— Хозяйка и мисс Хетер! — Она испуганно взглянула на опрокинутую карету. — Будь ты проклят, Джошуа... что ты болтаешься около меня, когда неизвестно, что там с хозяйкой?

Она злобно ударила кучера по ногам, подталкивая к карете.

— Не волнуйтесь, — донесся из кареты приказ, спокойный и уверенный. — Мы в полном порядке... просто нас немного встряхнуло. — Чистый, очень женственный голос умолк и после паузы нерешительно добавил: — Но мы не можем выбраться.

Тихо выругавшись, Гэрри направился к карете, остановившись на несколько секунд, чтобы снять пальто и бросить его в двуколку. Подойдя к заднему колесу, он подтянулся и влез на опрокинутый экипаж, поставив обутые в сапоги ноги по обе стороны подножки;

затем наклонился и, распахнув дверцу, заглянул в полумрак кареты.

И заморгал.

Увиденное поразило его. В потоке солнечного света, льющегося через распахнутую дверцу, стояла женщина: поднятое к нему овальное лицо с точеными чертами, широкий лоб под туго стянутыми темными волосами, прямой нос, полные красивые губы над изящно очерченным, но решительным подбородком.

Ее кожа была цвета нежнейшей слоновой кости или бесценного жемчуга. Взгляд Лестера, помимо его воли, скользнул по ее щекам, по грациозной тонкой шее и остановился на пышной груди, благодаря тому, что он смотрел на женщину сверху вниз, щедро открытой его взору, несмотря на скромное дорожное платье, которое ни в коем случае нельзя было назвать вызывающим.

Он почувствовал покалывание в ладонях.

Большие голубые глаза, опущенные длинными черными ресницами, мигая, смотрели на него.

Люсинде Бэббакум на мгновение показалось, что от удара головой у нее начались галлюцинации — чем еще можно было объяснить это видение, словно вырванное из ее самых затаенных грез?

Высокий и стройный, широкоплечий, с узкими бедрами, он стоял над нею, упираясь длинными сильными ногами в раму каретной дверцы. В солнечном свете его волосы казались окруженными золотистым ореолом. Она не могла различить черты его лица, но чувствовала его напряжение.

Легкий румянец окрасил ее щеки. Она отвернулась, успев оценить неброскую элегантность одежды незнакомца: облегающий серый сюртук, каждой своей линией свидетельствовавший о высоком социальном положении его обладателя и о незаурядном мастерстве портного, белоснежная льняная сорочка, кремовые брюки в обтяжку, высокие, начищенные до блеска сапоги. Она заметила также, что, кроме золотой булавки в галстук и перстня, мужчина не носит никаких украшений.

По общепринятому мнению, такой строгий наряд делает джентльмена неинтересным. Незаметным. Общепринятое мнение было бы ошибочным.

Он протянул ей большую, но изящную, с длинными пальцами руку.

— Цепляйтесь... я вытяну вас. Одно из колес раскололось, поднять карету невозможно.

Голос незнакомца был низким, речь медлительна, во вкрадчивом тоне чувствовался скрытый смысл, который Люсинда не могла понять. Она взглянула на мужчину сквозь ресницы. Тот подвинулся к краю дверцы и опустил на колено. Теперь свет падал на его лицо, посуровевшее под ее взглядом. Его рука нетерпеливо дернулась, тускло замерцал темно-синий сапфир в золотом перстне. Должно быть, незнакомец очень силен, если собирается поднять ее одной рукой. Подавив мысль о том, что спасение может оказаться опаснее ее теперешнего незавидного положения, Люсинда протянула руку.

Их ладони встретились, длинные пальцы обвились ее запястье. Люсинда свободной рукой вцепилась в его руку и тут же взлетела вверх.

У нее перехватило дыхание, когда стальная рука легла на ее талию. И тут же Люсинда испуганно заморгала, обнаружив, что стоит на коленях, крепко прижатая к груди своего спасителя.

Ее глаза оказались на одном уровне с его губами, такими же строгими, как и весь его облик, и будто высеченными из камня. Квадратный подбородок и аристократическая линия

носа свидетельствовали о древности рода, мужественное лицо — о силе. Как легко он ее удерживал на краю дверной рамы! Внезапно незнакомец отпустил ее руки, и они упали к нему на грудь. Их бедра соприкасались. Люсинда забыла обо всем на свете, даже о том, что нужно дышать.

Она осторожно подняла глаза... их взгляды встретились, и она будто увидела бледно-зеленое море, спокойное, прозрачное и прохладное.

Зачарованная, Люсинда тонула в этом зеленом море, теплые волны плескались о ее тело, ощущения обманывали рассудок. Она почувствовала, как раскрываются ее губы, почувствовала, что, сама того не желая, прижимается к нему... и быстро-быстро заморгала.

По телу пробежала дрожь. Мускулистые руки незнакомца дрогнули и замерли.

Она ощутила на своем лице его горячее дыхание.

— Будьте осторожны, — вот и все, что он сказал, а затем медленно поднялся и подтянул ее за собой.

Интересно, о какой опасности он предупреждает, подумала Люсинда.

Заставив себя разжать руки и освободить девушку, Гэрри пытался обуздать разбушевавшиеся чувства.

— Мне придется опустить вас на землю.

Глянув вниз, Люсинда смогла лишь кивнуть. До земли было более шести футов. Она почувствовала, что мужчина встал за ее спиной, и вздрогнула, когда его руки скользнули ей под мышки.

— Не вертитесь и не пытайтесь прыгнуть. Я отпущу, когда кучер будет держать вас.

Джошуа ждал внизу. Люсинда согласно кивнула, не в силах издать ни единого звука.

Гэрри крепко обхватил ее и перекинул через край кареты. Кучер быстро взял ее за ноги. Гэрри разжал руки, и они невольно скользнули по женской груди. Кончики пальцев будто обожгло. Он сжал зубы и постарался сразу вычеркнуть из памяти это ощущение.

Оказавшись на земле, Люсинда с удовольствием отметила, что разум снова ей повинуется в полной мере. Какова бы ни была причина ее затмения, слава Богу, оно оказалось мимолетным.

Она быстро взглянула вверх и увидела спину своего спасителя, помогавшего теперь выбраться из кареты ее падчерице. Решив, что в свои семнадцать лет Хетер не столь восприимчива к его особым мужским чарам, Люсинда оставила их вдвоем.

Одного взгляда ей хватило, чтобы оценить происходящее. Она решительно подошла к канаве, наклонилась и звонко шлепнула Эми.

— Достаточно, — заявила она таким тоном, будто говорила о готовности теста. — Теперь вставай и иди помоги Агате.

Эми широко раскрыла полные слез глаза и тотчас замигала.

— Да, мэм. — Шмыгнув носом, она сквозь слезы улыбнулась груму и выбралась из, к ее счастью, сухой канавы.

Люсинда уже шла к Агате, распростертой на дороге.

— Сим, помоги с лошадьми. И убери с дороги эти камни, — она указала груму носком туфли на большие острые камни, усыпавшие дорогу. — Думаю, именно из-за такого камня расколослось наше колесо. И пора разгружать багаж.

— Да, мэм.

Люсинда склонилась над Агатой.

— У тебя что-нибудь серьезное?

Агата открыла серые глаза и прищурилась.

— Только лодыжка... скоро все пройдет.

— Надеюсь, — заметила Люсинда, опускаясь на колени, чтобы ощупать пострадавшую ногу горничной. — А пока ты блее простыни.

— Ерунда... о-о-ох! — Агата резко втянула воздух и зажмурилась от боли.

— Перестань дергаться и дай перевязать тебя.

Люсинда велела Эми оторвать несколько полосок ткани от своей нижней юбки, а затем начала перевязывать лодыжку Агаты, не обращая внимания на ворчание горничной. А та все это время настороженно смотрела куда-то мимо Люсинды.

— Вам лучше не отходить от меня, госпожа. И держите при себе мисс. Этот джентльмен, может, и джентльмен, но он из тех, за кем нужен глаз да глаз. Я в этом не сомневаюсь.

Люсинда в этом тоже не сомневалась, но прятаться за спиной своей горничной не захотела.

— Чепуха. Он спас нас и вел себя весьма благородно... я поблагодарю его как подобает. Перестань волноваться по пустякам.

— По пустякам! — сердито пробормотала Агата, в то время как Люсинда оправляла ее юбки. — Вы не видели его движений.

— Движений? — Нахмурившись, Люсинда встала, отряхивая руки и платье, затем повернулась и увидела спешащую к ней Хетер. Радостный блеск ее карих глаз ничуть не померк от тяжелого испытания.

За Хетер шел их спаситель. Ростом более шести футов, стройный, его грациозная походка напоминала поступь гепарда.

Крупный сильный хищник.

Замечание Агаты тут же прояснилось. Люсинда собрала волю в кулак, подавляя желание сбежать. Он взял ее руку — должно быть, она сама ее протянула — и поклонился.

— Позвольте представиться, мэм. Гэрри Лестер, к вашим услугам.

Он выпрямился. Вежливая улыбка смягчила суровое лицо.

Люсинда зачарованно смотрела, как выгибаются кверху уголки его губ. Затем их глаза встретились. Она моргнула и отвела взгляд.

— Я искренне благодарю вас, мистер Лестер и вашего грума за помощь. — Она одарила сияющей признательной улыбкой Долиша, выпрягавшего вместе с Симом лошадей из кареты. — Нам необыкновенно повезло, что вы оказались рядом.

Гэрри нахмурился, вспомнив о разбойниках прятавшихся в деревьях за поворотом. Затем отбросил эту мысль.

— Я прошу позволения отвезти вас и вашу... — вопросительно подняв брови, он взглянул на счастливое лицо стоявшей рядом с ним девушки, а затем вновь повернулся к своей искусительнице.

Та улыбнулась.

— Позвольте представить мою падчерицу. Мисс Хетер Бэббакум.

Хетер присела в реверансе, Гэрри ответил легким поклоном.

— Миссис Бэббакум... ? Гэрри плавно повернулся и поймал взгляд ее широко раскрытых глаз. Нежно-голубых, сероватых глаз... цвета тумана. Дорожное голубое, с сиреневым оттенком платье подчеркивало их цвет. — Надеюсь, вы позволите мне довезти вас до места назначения? Вы направлялись в?..

— Ньюмаркет, — отозвалась Люсинда. — Благодарю вас, но я должна побеспокоиться о

своих людях.

Гэрри не знал точно, какое из этих двух заявлений изумило его больше.

— Естественно, — согласился он, удивленно размышляя, сколько его знакомых дам в подобных обстоятельствах проявили бы заботу о слугах. — Но мой грум может все уладить. Он знаком с этими местами.

— Неужели? Как удачно!

Нежный взгляд голубых глаз обратился на Долиша. Молодая женщина быстро и решительно направилась к слуге, ни дать ни взять галион, мчащийся на всех парусах. Когда Гэрри присоединился к ним, она уже деловито отдавала распоряжения, какие он собирался сделать сам.

Долиш бросил на Лестера удивленный и явно укоризненный взгляд..

— Вы опасаетесь, что возникнут какие-нибудь затруднения? — спросила Люсинда, почувствовав смятение слуги.

— О нет, мэм. — Долиш уважительно кивнул головой. — Никаких затруднений. Я знаю работников в «Крепостной башне». Мы проследим, чтобы все было сделано.

— Хорошо. — Гэрри решительно вернул себе контроль над ситуацией. — Если все улажено, думаю, нам пора ехать, миссис Бэббакум.

Снова в его сознании мелькнула мысль о пяти мужчинах в грубых одеждах. Он протянул Люсинде слегка согнутую руку, та нахмурилась, но положила ладонь на его рукав.

— Надеюсь, с Агатой все будет в порядке.

— С вашей горничной? — (Люсинда утвердительно кивнула.) — Если бы она сломала ногу, — предположил Гэрри, — боль, я думаю, была бы гораздо сильнее.

В награду ему достались благодарный взгляд синих глаз и улыбка.

Люсинда отвела глаза... и тут же наткнулась на предостерегающий взгляд Агаты. Ее улыбка превратилась в недовольную гримасу.

— Может, мне следует подождать здесь, пока за ней приедет экипаж?

— Нет, — резко возразил он. Она испуганно посмотрела на него, и он тотчас исправил свою оплошность очаровательной, но полной сожаления улыбкой. — Не хотел бы волновать вас, но поблизости мы видели разбойников. И Ньюмаркет всего лишь, — он подчеркнул слова «всего лишь», — в двух милях отсюда.

— Ох... — Люсинда встретила его взгляд, не пытаясь, скрыть свои сомнения, — две мили?..

— Приблизительно. — Гэрри смотрел на нее с легким вызовом.

— В таком случае... — Люсинда повернулась и взглянула на его двуколку.

Гэрри не стал больше ждать и кивнул Симу.

— Перенесите багаж хозяйки в ящик под козлами.

Затем повернулся к ней и, встретив холодный, высокомерный взгляд, надменно приподнял одну бровь.

Люсинде вдруг стало жарко, несмотря на прохладный ветер, предвещавший приближение вечера. Она отвернулась к Хетер, оживленно разговаривавшей с Агатой.

— Простите, что я осмеливаюсь давать вам советы, миссис Бэббакум, но я не считаю разумным вам с падчерицей оставаться вечером на безлюдной дороге без охраны.

Его несколько медлительная речь заставила Люсинду задуматься, как же ей поступить. Обе имевшиеся у нее возможности казались опасными. Выбор пал на ту, что больше ее взволновала.

— Действительно, мистер Лестер, — слегка кивнула она. — Вы, без сомнения, правы. Сим заканчивал укладывать багаж в двуколку и уже привязывал последние шляпные картонки.

— Хетер?

Пока молодая женщина сутилась, отдавая последние приказания, Гэрри поднял ее падчерицу и усадил на сиденье двуколки. Хетер Бэббакум радостно улыбнулась и мило поблагодарила их спасителя, слишком юная, чтобы почувствовать его чары.

Несомненно, подумал Гэрри, отворачиваясь, Хетер смотрит на него как на какого-нибудь пожилого дядюшку. Его губы дернулись, затем расслабились в улыбке: миссис Бэббакум плавно и величественно шла к нему, оглядываясь по сторонам — не забыла ли чего?

Она была стройной и высокой. В ее грациозной осанке было что-то, заставляющее вспомнить о временах матриархата. Уверенность, даже самоуверенность, сквозила в ее открытом взгляде, выражении лица. Ее каштановые волосы, блестевшие на солнце темным золотом, были стянуты в тугий узел. Слишком строгий стиль на его вкус... ему так и хотелось погрузиться пальцами в шелковистые пряди и освободить их.

Что касается ее фигуры, он с колоссальным трудом маскировал свой интерес. Ничего более обольстительного он не видел уже много лет.

Она подошла.

— Вы готовы, миссис Бэббакум?

Люсинда удивилась, как такой ласковый голос может звучать столь непреклонно.

— Благодарю вас, мистер Лестер.

Она подала ему руку, и он подвел ее к двуколке. Через мгновение Люсинда уже стояла на высокой подножке, а в следующее почувствовала его руки на своей талии, взлетела в воздух и оказалась на сиденье.

подавив вздох, Люсинда встретила взгляд Хетер, полный предвкушения невинного удовольствия от предстоящей поездки. Взяв себя в руки, Люсинда устроилась поудобнее на сиденье рядом с падчерицей. У нее было не много опыта в общении с джентльменами типа мистера Лестера. Может быть, такие действия общеприняты?

Несмотря на свою неопытность, она сразу поняла, что к чему, когда ее спаситель, накинув на широкие плечи пальто с пелериной, вскочил в двуколку и, естественно, сел рядом с ней.

Решительно растянув губы в веселой улыбке, Люсинда помахала Агате, делая вид, будто она совершенно не замечает того, что крепкое мужское бедро вжалось в ее гораздо более мягкую ногу, а ее плечо волей-неволей уютно уткнулось в спину соседа.

Гэрри сам не предвидел подобной тесноты и нашел ее столь же волнующей. И чтобы направить разговор в безопасное русло, он спросил, поворачивая лошадей:

— Вы ехали из Кембриджа, миссис Бэббакум?

— Да, — с готовностью ответила Люсинда, — мы прожили там неделю. Собирались сегодня выехать сразу после ленча, но провели около часа в садах. Они прекрасны!

Ее речь была абсолютно правильна, хотя у ее падчерицы проскальзывал легкий северный акцент, еще более заметный у слуг.

Лошади бежали легко и уверенно. Гэрри успокоил себя тем, что две мили — это меньше четверти часа пути, даже учитывая толкучку в городе.

— Но вы не из этих мест?

— Нет, мы из Йоркшира. — Немного помолчав, Люсинда добавила с легкой улыбкой: — Хотя в данный момент, как я подозреваю, нам следует называться цыганками.

— Цыганками?

Люсинда обменялась с Хетер улыбками.

— Мой муж умер чуть более года назад. Имение перешло в руки его кузена, так что мы с Хетер решили провести год траура, путешествуя по стране. Раньше мы обе мало что видели.

Гэрри с трудом подавил стон. Вдова, прекрасная вдова, недавно снявшая траур! Свободная. Ничем не связанная, не считая легкого бремени в лице несовершеннолетней падчерицы. В надежде справиться с собственным все нарастающим интересом к сидящей рядом женщине и отвлечься от ощущения близости ее нежного тела, он попытался сосредоточиться на ее словах. И нахмурился.

— Где вы думаете остановиться в Ньюмаркете?

— В «Крепостной башне», — ответила Люсинда. — Кажется, это на Хай-стрит?

— Да. — Губы Гэрри вытянулись в тонкую линию. «Крепостная башня» находилась напротив Жокейского клуба. — А... вы заказали комнаты? — Он скосил глаза и увидел на ее лице удивление. — Видите ли, начинается неделя скачек.

— Неужели? — Люсинда нахмурилась. — Это означает, что гостиница будет полна?

— Переполнена.

Причем всеми распутниками и волокитами, которые смогут добраться сюда из Лондона. Но Гэрри тут же отбросил эту мысль. Судьба миссис Бэббакум, сказал он себе, его не касается. Совершенно определенно не касается. Пусть она вдова, и, на его опытный взгляд, вполне созревшая для обольщения, но она добродетельная вдова — в этом и заключалось препятствие. Он был слишком опытен, чтобы не знать, что и такие существуют. Если бы он решил составить план собственного падения, мелькнуло у него в голове, добродетельная вдова была бы первой, кого Купидон избрал бы своим орудием.

Но он разглядел ловушку и не имел ни малейшего намерения попадать в нее. Миссис Бэббакум — прекрасная вдова, которую ему лучше оставить нетронутой... Пусть даже им овладело неожиданно сильное желание. Мысленно выругавшись, Гэрри заставил себя безжалостно обуздать его.

Впереди появились первые беспорядочно разбросанные домики. Гэрри скривился.

— Нет ли у вас в этих местах знакомых, у которых вы могли бы остановиться?

— Нет... но я уверена, что мы сможем найти где-нибудь пристанище. — Люсинда неопределенно взмахнула рукой, стараясь сосредоточить мысли на словах, а чувства — на красоте окружающего пейзажа. — Если не в «Крепостной башне», то, может быть, в «Зеленом гусе».

Люсинда почувствовала, как ее собеседника передернуло. Повернув голову, она встретила его недоверчивый, почти оскорбленный взгляд.

— Только не в «Зеленом гусе». — Он даже не попытался смягчить приказ.

Она неодобрительно взглянула на него.

— Почему?

Гэрри открыл было рот, но не смог найти подходящих слов.

— Неважно почему... просто запомните, что вы не можете жить в «Зеленом гусе».

Ее лицо сделалось непреклонным, она высокомерно задрала хорошенький носик и стала смотреть вперед.

— Мистер Лестер, если вы просто высадите нас у «Крепостной башни», я уверена, мы

все уладим.

Он тут же представил двор «Крепостной башни» и главный вестибюль гостиницы такими, какими они должны были быть в данный момент, какими он неоднократно видел их раньше. Повсюду мужчины, широкоплечие элегантные светские львы, подавляющее большинство которых он знал по имени. И по натуре. И легко вообразил себе их улыбки при виде входящей миссис Бэббакум.

— Нет.

Бульжники мостовой Хай-стрит зазвенели под копытами лошадей.

Люсинда повернулась и внимательно посмотрела на него.

— Что, в конце концов, вы имеете в виду?

Гэрри заскрежетал зубами. Даже полностью посвятив свое внимание лавированию в плотном потоке экипажей на главной улице конноспортивной столицы Англии, он не мог не замечать как удивленных взглядов, обращенных в их сторону, так и оценивающих, что задерживались на женщине рядом с ним. Уже одно то, что они приехали вместе, привлекло к ней внимание.

Впрочем, это не его дело.

Лицо Гэрри стало суровым.

— Даже если в «Крепостной башне» найдутся свободные номера — чего не может быть, — вам не подобает оставаться в городе во время скачек.

— Прошу прощения? — После секундного изумления Люсинда взяла себя в руки. — Мистер Лестер, вы очень помогли нам, за что мы выражаем вам нашу благодарность. Однако я вполне способна организовать наше пребывание в этом городе.

— Пустые слова.

— Что?

— Вы ничего не знаете о жизни в городе во время скачек, иначе вас бы здесь не было. — Поджав губы, он раздраженно взглянул на нее. — Черт побери, оглянитесь вокруг, мадам!

Люсинда уже заметила большое число мужчин, прогуливавшихся по узким тротуарам. Теперь же, окинув быстрым взглядом улицу, она заметила еще больше мужчин верхом и в разнообразных открытых экипажах, запрудивших центральную улицу Ньюмаркета. Джентльмены... джентльмены... одни джентльмены.

Хетер прижалась к ней, съезжившись под непривычно наглыми взглядами, и подняла на Люсинду оробевшие карие глаза.

— Люсинда...

Люсинда погладила ее по руке. А подняв голову, наткнулась на дерзкий взгляд джентльмена из высокого фаэтона.

— Тем не менее, — пробормотала она. — Если вы только высадите нас...

Она умолкла, заметив впереди широкую арку с вывеской, на которой была нарисована надвратная башня замка. В этот момент Гэрри щелкнул вожжами и быстро направил двуколку в случайно образовавшуюся брешь в цепи экипажей... мимо арки.

Люсинда оглянулась на промелькнувшую вывеску.

— Это... «Крепостная башня», вы проехали мимо.

Гэрри кивнул, мрачно соглашаясь.

— Остановитесь, — приказала Люсинда.

— Вы не можете оставаться в городе.

— Могу!

— Только через мой труп! — услышал Гэрри свой рычащий голос и внутренне застонал. Что с ним происходит? Он закрыл глаза. Открыв их, он свирепо посмотрел на женщину рядом с собой. Ее щеки очаровательно разругались... от гнева. В его упрямом мозгу молнией сверкнула непрошенная мысль: как она будет выглядеть раскрасневшейся от желания?

Должно быть, эта мысль как-то отразилась на его лице... Она прищурилась.

— Вы собираетесь похитить нас? — В ее голосе прозвучало обещание долгой и мучительной смерти.

Показался конец Хай-стрит, всадников и экипажей становилось все меньше. Гэрри стеганул коренника, и лошади понеслись. Только когда не стало больше слышно цокота копыт по булыжникам, он посмотрел на нее сверху вниз и проворчал:

— Считайте это вынужденной мерой.

Глава вторая

— Вынужденной мерой?

— Вам не место в городе, где проводятся скачки, — отрезал он.

Люсинда ответила таким же свирепым взглядом.

— Где хочу, там и останавливаюсь, мистер Лестер.

Его лицо сохранило прежнее непреклонное выражение. Он перевел взгляд на свою упряжку. Люсинда, насупясь, смотрела прямо перед собой.

— Куда вы нас везете? — наконец спросила она.

— К моей тете, леди Хэллоуз. Она живет недалеко от города.

Прошло уже много лет с тех пор, как Люсинда позволяла кому-либо распоряжаться ее жизнью. Она решила сохранять высокомерный вид.

— Откуда вы знаете, может, у нее уже есть гости.

— Она давно овдовела и живет уединенно. — Гэрри придержал упряжку и повернул на боковую дорогу. — У нее большой дом, и она будет в восторге от знакомства с вами.

Люсинда фыркнула.

— Этого вы знать не можете.

Он улыбнулся ей с видом бесконечного превосходства.

подавляя страстное желание заскрежетать зубами, Люсинда подчеркнуто смотрела вперед.

Хетер оживилась, как только они покинули город. И даже улыбнулась Люсинде, когда та взглянула на нее. К Хетер явно вернулось прежнее счастливое настроение, и ее совершенно не встревожило неожиданное изменение их планов.

Раздраженная Люсинда снова уставилась перед собой. Она подозревала, что протестовать бесполезно. Во всяком случае, до тех пор, пока не встретится с леди Хэллоуз. До этой встречи ей не удастся поставить на место этого зарвавшегося господина, что сидел рядом с нею. Она могла беситься сколько угодно, пока победа была на его стороне, поскольку вместе с инициативой он держал в своих руках вожжи и она ничего не могла предпринять. Люсинда скосила глаза на его руки в мягких замшевых перчатках, ловко перебиравшие вожжи. Длинные тонкие пальцы и узкие ладони. Она уже заметила это раньше. К ее ужасу, от воспоминаний об его прикосновениях по телу пробежала дрожь, с которой ей удалось справиться лишь с трудом. Мужчина сидел так близко к ней, что мог почувствовать ее трепет и, как она подозревала, безошибочно угадать его причину.

Что, безусловно, смутит ее... и еще больше взволнует. Он вызывал в ней какую-то особенную ответную реакцию... несмотря на раздражение от его деспотического вмешательства. Это было отчетливое новое чувство, которое она пока никак не могла оценить.

— Хэллоуз-Холл.

Люсинда взглянула на внушительные ворота, тенистую аллею, окаймленную вязами. Посыпанная гравием дорожка плавно вилась по невысокому кряжу, затем ныряла вниз, открывая живописный вид на холмистые лужайки и озеро, заросшее по краям камышами и окруженное большими деревьями.

— Как красиво! — воскликнула Хетер, восхищенно оглядываясь по сторонам.

Хэллоуз-Холл, относительно новое строение из желтоватого камня, возвышался на

холме. Мимо парадного входа бежала аллея и поворачивала за угол. Вьющиеся растения цеплялись за камни длинными зелеными пальцами. Вокруг буйно цвели розы, с озера доносилось кряканье уток.

Дряхлый слуга подковылял к остановившейся двуколке.

— Кажется, мы уже видели вас на этой неделе, молодой господин.

Гэрри ухмыльнулся.

— Добрый вечер, Гриммз. Тетя дома?

— Да... дома... и будет очень рада видеть вас. Добрый вечер, — Гриммз снял шляпу перед Люсиндой и Хетер.

Люсинда ответила на приветствие рассеянной улыбкой. Хэллоуз-Холл расшевелил давно забытые воспоминания о ее жизни с родителями.

Гэрри прыгнул с двуколки и помог дамам сойти. Люсинда задумчиво оглядывалась вокруг.

— Миссис Бэббакум, — позвал Гэрри. Люсинда вздрогнула. Затем, чуть скривившись и холодно взглянув на него, положила ладонь на его руку и позволила ему подвести себя к парадному входу.

Дверь распахнулась. Но открыл ее не дворецкий, чья импозантная фигура маячила в тени, а сухопарая женщина на добрых два дюйма выше Люсинды и гораздо тоньше ее.

— Гэрри, мой мальчик! Так и думала, что это ты. А кого это ты привез? — спросила она, глядя на Люсинду умными и проницательными темно-синими глазами. — Но о чем это я? Входите, входите.

И Эрминтруд, леди Хэллоуз, взмахом худой руки пригласила гостей в дом.

Люсинда, перешагнула порог и тотчас погрузилась в теплую домашнюю атмосферу со вкусом обставленной комнаты. Гэрри склонился над тетушкиной рукой, затем поцеловал в щеку.

— Тетя Эм, вы элегантны, как всегда, — сказал он, окидывая взглядом ее платье цвета топаза. Эм широко раскрыла глаза.

— Пустые комплименты? От тебя?

Гэрри предупредительно сжал ее руку.

— Тетя, позвольте представить вам миссис Бэббакум. Колесо ее кареты сломалось недалеко от города. Она собиралась остановиться в городе, но я убедил ее передумать и любезно составить вам компанию.

— Отлично! — просияла Эм и взяла Люсинду за руку. — Моя дорогая, вы не знаете, как скучна временами жизнь в провинции. И Гэрри совершенно прав: вы, безусловно, не можете оставаться в городе во время скачек. Ни в коем случае. — Она взглянула на Хетер. — А это кто?

Люсинда представила Хетер, и та, радостно улыбаясь, присела в реверансе.

Эм протянула руку и приподняла голову Хетер за подбородок, чтобы лучше разглядеть ее лицо.

— Хм, очень миленькая. Вы будете иметь успех в свете через год-два. — Отпустив девушку, Эм нахмурилась. — Бэббакум, Бэббакум... — Она посмотрела на Люсинду. — Не стаффордширские ли Бэббакумы?

— Йоркшир, — улыбнулась Люсинда и, увидев, как задумалась хозяйка, добавила: — До замужества меня звали Гиффорд.

— Гиффорд? — Глаза Эм, изучавшие Люсинду, медленно раскрылись. — Господи!

Должно быть, дочь Мелроуза Гиффорда... Селия Паркс была вашей матерью?

Изумленная Люсинда утвердительно кивнула и тут же попала в объятия хозяйки дома.

— Господи, дитя... я знала вашего отца! — взволнованно воскликнула та. — Я была близкой подругой его старшей сестры, но знала всю семью. Естественно, после скандала мы почти ничего не слышали о Селии и Мелроузе, но они сообщили о вашем рождении. — Эм сморщила нос. — Правда, это ничего не изменило. Ваши дедушки и бабушки с обеих сторон повели себя слишком высокомерно.

Гэрри сощурился, с усилием осмысляя поток информации. Люсинда заметила и попыталась представить, что он чувствует, услышав о некоем старом скандале.

— Подумать только! — не унималась Эм. — Я и вообразить не могла, что увижу вас, дорогая. Не волнуйтесь, мало кто, кроме меня, вспомнит о делах минувших дней. Но вам придется рассказать мне все. — Эм умолкла, чтобы перевести дух. — Ну, достаточно! Ферпос отнесет багаж, а я провожу вас в ваши комнаты... но только после чая. Вам необходимо немного подкрепиться. Обед в шесть, так что спешить нет необходимости.

Вместе с Хетер Люсинду подтолкнули к открытой двери в гостиную. На пороге Люсинда замешкалась и оглянулась.

— А ты выпьешь с нами чаю, Гэрри? — спросила Эм, тоже оглянувшись.

Гэрри испытывал сильное искушение остаться. Однако, устремив взгляд не на тетю, а на женщину рядом с ней, он отрицательно покачал головой.

— Нет, — усилием воли он заставил себя перевести взгляд на лицо тети, — я заеду как-нибудь на неделе.

Эм кивнула.

Побуждаемая неясным движением души, Люсинда повернулась и пересекла холл. Ее спаситель стоял молча и наблюдал за ней. Стараясь не обращать внимания на странно учабившееся сердцебиение, Люсинда остановилась перед Гэрри, спокойно взглянув в его зеленые глаза.

— Не знаю, как благодарить вас за помощь, мистер Лестер. Вы были более чем добры.

Губы Гэрри медленно изогнулись в вежливой улыбке, и она снова почувствовала силу его мужского обаяния. Гэрри взял протянутую Люсиндой руку и поднес к губам, не отводя взгляд от ее глаз.

— Рад был помочь вам, миссис Бэббакум. — Глаза женщины широко распахнулись, когда он коснулся губами ее кожи, и это было достаточной платой за все его испытания, настоящие и будущие. — Я сообщу вашим людям, где найти вас. Уверен, они прибудут сюда до наступления ночи.

Люсинда наклонила голову, не вынимая пальцы из теплой мужской ладони.

— Еще раз благодарю вас, сэр.

— Не стоит благодарности. — Он вопросительно приподнял одну бровь. — Может, мы встретимся снова... на балу, например? Смею ли я надеяться на тур вальса?

Люсинда грациозно кивнула головой.

— Сочту за честь, сэр... если мы встретимся.

Запоздало напоминая себе, что она ловушка, в которую он не намерен попадаться, Гэрри решительно обуздал своенравные порывы, поклонился, освободил руку Люсинды, кивнул на прощание Эм и, бросив на Люсинду последний взгляд, с достоинством удалился.

Люсинда смотрела на закрывшуюся за ним дверь, слегка хмураясь.

Эм изучала свою неожиданную гостью с задумчивым блеском в глазах.

— Агата со мной всю жизнь, — объясняла Люсинда. — Когда я родилась, она была горничной матери. Эми была младшей горничной в Грейндже, доме моего мужа. Мы взяли ее с собой, чтобы Агата смогла воспитать из нее горничную для Хетер.

— Очень удачно, — вмешалась Хетер. Дамы сидели в столовой и наслаждались изысканным обедом, приготовленным, как сообщила Эм, в честь их приезда. Агату, Эми и Сима привез час назад Джошуа в рессорной двуколке, одолженной в «Крепостной башне». Затем кучер вернулся в Ньюмаркет, чтобы проследить за ремонтом кареты. Агата, окруженная заботами дородной экономки миссис Симмонс, отдыхала в залитой солнцем мансарде. Ее лодыжка действительно оказалась не сломанной, но сильно ушибленной. Таким образом, Эми пришлось помогать одеваться и Люсинде, и Хетер, с чем она успешно справилась.

Во всяком случае, так думала Эм, поглядывая на своих гостей.

— Итак, — сказала она, вытирая губы салфеткой и взмахом руки разрешая Фергюсу унести супницу. — Пожалуйста, расскажите с самого начала. Я хочу знать все с того момента, как умерли ваши родители.

Эта просьба могла бы показаться грубой, если бы не была высказана с такой откровенной прямоотой. Люсинда улыбнулась и отложила ложку. Хетер, к полному восторгу Фергюса, зачерпнула из супницы в третий раз.

— Как вы знаете, обе семьи не признавали моих родителей, поэтому я не общалась с дедушками и бабушками. Когда произошел несчастный случай, мне было четырнадцать лет. К счастью, наш старый поверенный нашел адрес сестры моей матери, и та согласилась взять меня к себе.

— Постойте-ка... — Эм прищурилась, вспоминая. — Это должна быть Кора Паркс, не так ли?

Люсинда кивнула.

— Если вы помните, богатство семейства Паркс истощилось вскоре после того, как поженились мои родители. Парксы отделились от высшего света, и Кора вышла замуж за владельца фабрики в одном из городов на севере страны, некоего мистера Ридли.

— Что вы говорите! — воскликнула увлеченная рассказом Эм. — Ну и ну... какое падение аристократии! Ваша тетя Кора, кстати, была одной из самых непреклонных противниц примирения с вашими родителями. — Эм пожала худыми плечами. — Каверзы судьбы, смею сказать. Итак, до вашего брака вы жили у тети?

Люсинда поколебалась, затем согласно кивнула. Эм заметила ее нерешительность и быстро взглянула на Хетер. Люсинда поспешила объяснить:

— Ридли не очень-то радовались тому, что я живу с ними. Они согласились приютить меня в надежде использовать в качестве гувернантки для своих двух дочерей, после чего вознамерились как можно скорее устроить мой брак.

Эм внимательно посмотрела на Люсинду, затем презрительно фыркнула.

— Не удивляюсь. Эта Кора всегда думала только о собственной выгоде.

— Когда мне было шестнадцать, они договорились о браке с владельцем другой фабрики, неким мистером Оглби.

— Ух! — Хетер подняла глаза от супа, театрально содрогнулась и радостно сообщила: — Ужасный старик, похожий на жабу. К счастью, мой папа услышал об этом — Люсинда приходила к нам давать мне уроки — и сам женился на Люсинде.

Поучаствовав в разговоре, Хетер вернулась к супу.

Люсинда нежно улыбнулась.

— Действительно, Чарльз стал моим спасителем. Я только недавно узнала, что он откупился от моих родственников, чтобы жениться на мне. Он никогда об этом не говорил.

Эм одобрительно хмыкнула.

— Рада слышать, что в этой стране еще встречаются джентльмены. Итак, вы стали миссис Бэббакум и жили в... Грейндже, не так ли?

— Правильно. — Хетер наконец покончила с супом. Люсинда отвлеклась от разговора, чтобы взять с блюда, предложенного Фергюсом, кусок рыбы. — Чарльз казался мне вначале состоятельным джентльменом с довольно скромным поместьем. В действительности же он владел большой сетью гостиниц по всей стране. Был очень богат, но предпочитал тихую жизнь. Когда мы поженились, ему было около пятидесяти. Когда я стала старше, он рассказал мне обо всех своих финансовых делах и научил управлять ими. Последние несколько лет он сильно болел, и смертный час явился для него облегчением. Благодаря предусмотрительности Чарльза, я еще при его жизни смогла выполнять за него большую часть работы.

Люсинда подняла глаза и обнаружила, что хозяйка пристально смотрит на нее.

— Кто же теперь владеет гостиницами?

— Мы: Хетер и я, — улыбнулась Люсинда. — Грейндж, конечно, перешел к племяннику Чарльза — Мортимеру Бэббакуму, но личное состояние не относится к майорату (Майорат — система наследования, при которой имущество переходит к старшему в роде).

Эм откинулась на спинку стула и посмотрела на Люсинду с откровенным одобрением.

— Так вот почему вы здесь: вы владеете гостиницей в Ньюмаркете?

Люсинда кивнула.

— После того как было прочитано завещание, Мортимер попросил нас освободить Грейндж в течение недели.

— Подлец! — возмутилась Эм. — Как можно так обращаться со скорбящей вдовой!

— Ну что вы, — остановила ее Люсинда, — я сама пообещала покинуть Грейндж, когда он пожелает... хотя и не думала, что он будет так спешить. Он никогда раньше даже не приезжал.

— Итак, можно сказать, что вы оказались босиком на снегу? — пришла в ярость Эм. Хетер хихикнула.

— На самом деле все обернулось очень удачно.

— Действительно, — согласилась Люсинда, отодвигая свою тарелку. — Поскольку ничего заранее не было организовано, мы решили удалиться в одну из наших гостиниц неподалеку от Грейнджа, где нас не знали. Оказавшись там, я поняла, что гостиница приносит гораздо больше дохода, чем указывалось в счетах, представленных нашим агентом. Мистер Скругторп был новым человеком, назначенным несколькими месяцами ранее вместо умершего мистера Мэтьюса, нашего старого агента. — Люсинда неодобрительно посмотрела на бисквит, который Фергюс поставил перед ней. — К несчастью, Чарльз встречался со Скругторпом в тот день, когда у него был сильный приступ, и мне пришлось уехать с Хетер в город за лекарствами. Короче говоря, Скругторп подделал счета. Я вызвала его и уволила.

Подняв глаза на хозяйку, Люсинда улыбнулась.

— После этого мы с Хетер решили, что путешествие по стране и знакомство с нашими гостиницами — чудесный способ провести год траура. Чарльз наверняка одобрил бы такое

предприятие.

Эм снова фыркнула — на этот раз в знак одобрения здравого смысла Чарльза.

— Мне кажется, мисс, ваш отец был очень талантливым человеком.

— Да, он был прелесть. — Лицо Хетер омрачилось, она быстро замигала и опустила глаза.

— Я назначила нового агента — мистера Мавверли. — Люсинда постаралась сгладить неловкость момента. — Несмотря на молодость, он очень квалифицирован.

— И испытывает благоговейный страх перед Люсиндой, — сообщила Хетер, накладывая себе вторую порцию бисквита, пропитанного вином и залитого сбитыми сливками.

— Так и должно быть, — ответила Эм. — Ну, мисс Гиффорд, ваши родители могли бы гордиться вами. Знающая и богатая леди с независимым характером во сколько... двадцать шесть лет?

— Двадцать восемь. — Улыбка Люсинды получилась несколько кривой. Бывали дни, такие, как сегодня, когда она вдруг начинала спрашивать себя, не прошла ли жизнь мимо нее.

— Значительный успех, — объявила Эм. — Я не люблю беспомощных женщин. — Она взглянула на наконец опустевшую тарелку Хетер. — И, если вы уже закончили, мисс, я предлагаю удалиться в гостиную. Кто-нибудь из вас играет на фортепиано?

Они обе играли на фортепиано и с удовольствием развлекали свою хозяйку до тех пор, пока Хетер не начала зевать, после чего по предложению Люсинды она отправилась спать, даже не став пить чай.

— Да, день был полон приключений, — сказала Люсинда, садясь в кресло у камина с чашкой чая. Она взглянула на Эм и улыбнулась. — Я не могу выразить, как благодарна вам, леди Хэллоуз, за то, что вы приютили нас.

— Ерунда, — ответила Эм, не забыв при этом в очередной раз фыркнуть. — Вы доставите мне большое удовольствие, если отбросите все эти «леди» и будете называть меня просто Эм. Как и все в семье. Вы дочь Мелроуза, а значит, почти родня.

Люсинда несколько устало улыбнулась.

— Хорошо, Эм. Это сокращение какого имени? Эмма?

Пожилая женщина сморщила нос.

— Эрминтруд.

Люсинда умудрилась сохранить бесстрастное выражение лица.

— Вот как? — только и сказала она.

— Да, правда. Мои братья с восторгом придумывали самые разные сокращения, какие только можно представить. Когда подросли племянники, я объявила, чтобы все меня звали Эм, и больше никак.

— Очень мудро.

Некоторое время они в дружелюбном молчании пили чай. Паузу нарушила Люсинда:

— У вас много племянников?

Глаза Эм сверкнули из-под тяжелых век.

— Порядочно. Но остерегаться приходится только Гэрри и его братьев. Настоящие сорванцы.

Люсинда прибегла к новой уловке:

— У него много братьев?

— Только два, но этого более чем достаточно. Джек — самый старший, — радостно

затараторила Эм. — Ему — дайте подумать — тридцать шесть. Гэрри на два года моложе. Затем значительный перерыв до их сестры Ленор — несколько лет назад она вышла замуж за Эверслея, — ей должно быть сейчас двадцать шесть. Таким образом получается, что Джеральду двадцать четыре. Их мать умерла несколько лет назад, но мой брат еще держится. — Эм усмехнулась. — Смею сказать, он будет цепляться за жизнь, пока не увидит внука, чтобы передать свое имя, вздорный старый дуралей.

Последние слова были произнесены с неприкрытой нежностью.

— Но я больше всего общаюсь с мальчиками, и Гэрри всегда был моим любимчиком. Благословлен и ангелами, и дьяволом, но все-таки хороший мальчик. — Эм прищурилась, а затем поправила себя: — Хороший в глубине души. Они все такие... В последнее время я больше вижусь с Гэрри и Джеральдом... поскольку Ньюмаркет близко. Гэрри управляет конезаводом Лестеров — такое, ей-Богу, скучное дело, я совершенно не разбираюсь в лошадях. Говорят, правда, что это лучший конезавод в стране.

— Неужели? — В лице Люсинды не было ни малейшего следа скуки.

— Да, — кивнула Эм. — Гэрри обычно приезжает проследить, как выступают его скакуны. Наверное, на этой неделе я увижу и Джеральда. Несомненно, он захочет похвастать своим новым фаэтоном. В последний раз, когда он был здесь, говорил, что собирается купить. Ну что ж, семейные сундуки полны и переполнены.

Люсинда прищурилась.

Эм не стала ждать, пока ее собеседница найдет тактичный способ задать вопрос..

— Лестеры традиционно были стеснены в средствах. Хорошие поместья, славная родословная, но никаких денег. Однако молодое поколение в прошлом году вложило деньги в одно рискованное коммерческое предприятие, и теперь вся семья купается в деньгах.

— Понятно. — Люсинда сразу вспомнила изысканность одежды Гэрри Лестера. Она не могла представить его одетым иначе. И волей-неволей призналась: в ее памяти запечатлелся удивительно живой и привлекательный образ. Помотав головой, чтобы отогнать наваждение, она деликатно подавила зевок. — Боюсь, что я сейчас не самая лучшая компания, леди... Эм. — Она улыбнулась. — Полагаю, мне стоит последовать примеру Хетер.

Эм согласно кивнула.

— Увидимся утром, дорогая.

Люсинда вышла, оставив хозяйку пристально глядящей на огонь в камине.

Десять минут спустя, опустив голову на подушку, Люсинда закрыла глаза... как оказалось, только для того, чтобы увидеть Гэрри Лестера. Усталая, растерянная, она пережила вновь все события дня, причем главное место в воспоминаниях занимала именно встреча с ним. Наконец она дошла до сцены расставания и заснула, так и не найдя ответа на мучивший ее вопрос: как она будет чувствовать себя, вальсируя в объятиях Гэрри Лестера?

В миле от нее, в баре «Крепостной башни», Гэрри задумчиво оглядывал зал, расположившись за угловым столиком. Плотная пелена дыма клубилась над морем мужских голов: джентльмены на равных общались с грумами и конюхами, «жучки», т. е. люди, за вознаграждение сообщавшие важные сведения о предстоящих скачках, ожесточенно спорили с букмекерами. Бар деловито жужжал: на следующий день должны были начаться первые скачки — для нечистокровных лошадей.

Покачивая бедрами, к Гэрри подошла барменша. Она поставила на столик высокую

кружку лучшего в гостинице пива, а когда Гэрри кинул на поднос монету, жеманно улыбнулась и выгнула брови.

Он поймал ее взгляд, слегка скривил губы и отрицательно покачал головой. Девушка разочарованно отвернулась. Гэрри поднял кружку с шапкой пены и отпил большой глоток. Сегодня ему пришлось покинуть его обычное убежище, куда допускали только избранных, чтобы избежать бесконечных вопросов о восхитительной незнакомке, сопровождавшей его днем.

Казалось, весь Ньюмаркет видел их.

Конечно, все его друзья и знакомые живо интересовались ее именем. А также тем, куда она направилась.

Он не выдал им ничего лишнего, стоически повторяя с бессмысленным взглядом на все их энергичные расспросы, что данная леди всего-навсего знакомая его тетки, которую он просто сопровождал в дом последней.

Большинство любопытствующих вполне удовлетворились подобным ответом. Тетю братьев Лестер знали многие гости Ньюмаркета.

Но он определенно устал замечать следы миссис Бэббакум, очевидно, потому, что одновременно из всех сил пытался забыть ее красоту и очарование.

Ворча про себя, он уткнулся в кружку и попытался сосредоточиться на мыслях о завтрашних скачках, что обычно так занимало его ум.

— Вот вы где! Искал вас повсюду. Что вы здесь делаете? — Долиш устало опустился на стул рядом с ним.

— Не спрашивай, — попросил Гэрри. Он подождал, пока уйдет барменша, которая с подчеркнутым безразличием принесла пиво Долишу, и только тогда задал вопрос: — И что он сказал?

Долиш стрельнул глазами поверх кружки и пробормотал:

— Весьма неожиданную вещь.

Подняв брови, Гэрри повернул голову и уставился на своего доверенного слугу.

— Неожиданную?

Вопрос относился к поручению, данному Гэрри Долишу, который должен был вместе с кучером Джошуа найти каретника.

— Джошуа, каретник и я думаем одно и то же. — Долиш поставил кружку и вытер пену с губ. — Вы как в воду глядели.

— Что именно?

— Ну, что кто-то приложил руку к шпилнту... подпилит его... чтобы произошла авария. И со спицами то же самое.

Гэрри нахмурился.

— Зачем?

— А вам не показалось странным нагромождение камней на дороге? Только на том месте. Ни до, ни после. Причем сразу за поворотом. Кучер никак не мог их объехать. И не увидишь заранее, и скорость не сбавишь.

Гэрри нахмурился еще сильнее.

— Я помню те камни. Мальчик убрал их, чтобы я мог продолжить путь.

Долиш кивнул.

— Да... но карета не могла их объехать. И как только подпиленное колесо ударилось о камень, шпилнт раскололся, а вслед за ним и спицы посыпались.

Гэрри похолодел. Пять всадников в грубых одеждах с фургоном, прячась за деревьями, двигались вдоль дороги следом за каретой. И, если бы не скачки, тот отрезок дороги в такое время дня наверняка был бы совершенно пустынным.

Гэрри поднял голову и посмотрел на Долиша. Долиш ответил таким же многозначительным взглядом.

— Заставляет задуматься, не так ли?

Гэрри мрачно кивнул.

— Действительно.

И ему совсем не понравилось то, что он подумал.

Глава третья

— Я мигом подгоню вашу упряжку, сэр.

Гэрри рассеянно кивнул главному конюху «Крепостной башни», поспешившему к конюшне. Натягивая перчатки, он отошел от центрального входа гостиницы к свободному солнечному местечку у стены.

Перед ним шумел гостиничный двор. Многие постояльцы отправлялись на ипподром, надеясь выиграть на первых забегах и тем самым начать неделю на мажорной ноте.

Гэрри скривился. Он к ним не присоединится. Во всяком случае, до тех пор, пока не перестанет тревожиться из-за миссис Бэббакум. Он бросил убеждать себя в том, что ее судьба его не касается. После вчерашнего известия он почувствовал себя обязанным оградить молодую женщину от нависшей над ее головой угрозы и будет заниматься этим столько, сколько понадобится, чтобы убедиться в ее полной безопасности. В конце концов, она гостя его тети... он сам на этом настоял. Последние два обстоятельства, безусловно, оправдывали его интерес к прекрасной миссис Бэббакум.

— Мне повидать Хэмиша?

Гэрри повернулся к подошедшему Допишу. Хэмиш, главный конюх, должен был прибыть накануне с его чистокровными скакунами и поместить их в конюшню ипподрома.

— Убедись, что сухожилие Пушинки как следует зажило. Если нет, я не хочу выпускать ее на скачки.

Долиш глубокомысленно кивнул.

— Хорошо. Передать Хэмишу, что вы скоро приедете?

— Нет, — ответил Гэрри, изучая свои перчатки. — На этот раз мне придется положиться на ваш совместный опыт и здравый смысл. Меня ждут неотложные дела в другом месте.

Он поймал на себе подозрительный взгляд Долиша.

— Более неотложные, чем ваша лучшая кобыла с растянутым сухожилием? — хмыкнул Долиш. — Хотел бы я знать, какое дело стоит первым в вашем списке.

Гэрри не удосужился просветить его.

— Вероятно, я загляну днем. Проследи, чтобы Хэмиш вовремя получил мое послание.

Возможно, его подозрения беспочвенны и это всего-навсего совпадение: две хорошенькие женщины, путешествующие без мужского эскорта, вполне могли привлечь к себе внимание тех грубо одетых мужчин.

— Ладно, — проворчал Долиш и, бросив напоследок пронизательный взгляд на хозяина, удалился.

Гэрри повернулся к своей двуколке. Главный конюх вел серых скакунов с почтением, говорящим о том, что он полностью отдает себе отчет в их ценности.

— Чистокровнейшие, должно быть, — заявил он, когда Гэрри вскочил на сиденье.

— Да. — Гэрри подхватил вожжи. Лошади нетерпеливо били копытами, чувствуя скорую скачку. Кивнув конюху, Гэрри подал двуколку назад, чтобы поудобнее выехать со двора.

— Гэрри!

Гэрри со вздохом натянул поводья и остановил нетерпеливых коней.

— Доброе утро, Джеральд! И с каких же пор ты встаешь ни свет ни заря?

Он заметил младшего брата в баре еще вчера вечером, но не выдал своего присутствия.

Джеральд, такой же синеглазый и темноволосый, как и их старший брат Джек, подошел к нему, широко улыбаясь, и привычно облокотился о борт двуколки.

— С тех самых пор, как услышал о том, что ты сопровождал двух прехорошеньких женщин — по твоим словам, родственниц тетушки Эм.

— Не родственниц, дорогой братец, знакомых.

Натолкнувшись на скупающую и как бы утомленную манеру говорить Гэрри, Джеральд несколько утратил свою уверенность.

— В самом деле? Они знакомые Эм?..

— Так мне сказали.

Лицо Джеральда вытянулось.

— Ясно! — Но тут он обнаружил отсутствие Долиша и бросил внимательный взгляд на брата. — Ты сейчас едешь к Эм? Не возражаешь, если я прокачусь с тобой? Хочу поздороваться со старушкой... и, может быть, с той темноволосой красоткой, которая сидела вчера рядом с тобой.

Гэрри не сразу справился с охватившими его нелепыми чувствами. Однако Джеральд — его младший брат, которого он, несмотря на внешнее равнодушие, искренне любил. Гэрри сумел скрыть неожиданное волнение, сделал любезное лицо и с наигранным сочувствием вздохнул:

— Боюсь, дорогой братец, что разобью твои надежды: дама старовата для тебя.

— Жаль! И сколько ей лет?

— Больше, чем тебе.

— Ну, может, я попытаю счастья с другой... с блондинкой?

Гэрри посмотрел сверху вниз на раскрасневшееся лицо брата и подавил вздох.

— Та, напротив, слишком молода. Только из классной, как я подозреваю.

— Ничего страшного, — радостно возразил Джеральд. — Надо же девочке когда-нибудь начинать.

Совершенно обескураженный ответом брата, Гэрри лишь возмущенно воскликнул:

— Джеральд...

— К черту, Гэрри... не будь собакой на сене. Ты же не интересуешься младшей, так позволь мне избавить тебя от нее.

Гэрри задумчиво прищурился. Действительно, ему гораздо легче будет обсуждать с миссис Бэббакум создавшуюся ситуацию в отсутствие ее падчерицы.

— Ладно... если ты так настаиваешь. — (В доме тетушки Эм на Джеральда можно положиться, он будет вести себя прилично.) — Только не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Ликующий Джеральд вскочил на сиденье двуколки, и Гэрри тут же щелкнул вожжами. Лошади рванули вперед, и Гэрри пришлось применить все свое умение, чтобы провести их сквозь толкучку экипажей на Хай-стрит. Как только город остался позади, он дал им волю, и тенистая аллея перед домом тетушки Эм была достигнута в самое короткое время.

Когда двуколка остановилась у входа, к ней подбежал помощник конюха, чтобы увести лошадей. Гэрри и Джеральд поднялись по ступеням. Дубовая парадная дверь, как это часто случалось, была раскрыта настежь. Братья вошли в дом. Гэрри швырнул перчатки на столик с украшениями из золоченой бронзы.

— Похоже, нам придется отправиться на поиски. Мое дело с миссис Бэббакум займет, думаю, не более получаса. Если ты сможешь занять на это время мисс Бэббакум, я буду тебе

благодарен.

— И позволишь править твоими лошадьми до города?

— Возможно, но на твоём месте я не стал бы на это слишком рассчитывать.

Джеральд усмехнулся.

— Так откуда мы начнем?

— Ты берешь на себя сад, я — дом. Если понадобится помощь, позову.

Лениво махнув рукой, Гэрри отправился по коридору. Джеральд, насвистывая, повернулся и вышел через парадную дверь.

В небольшой столовой, примыкающей к кухне, никого не было, как и в маленькой гостиной. Затем он услышал знакомое мурлыканье, прерываемое лязгом садовых ножниц в конце дома. В небольшом зимнем саду он нашел тетушку Эм, расставляющую цветы в огромной вазе.

Гэрри вошел, напустив на себя безразличный вид.

— Доброе утро, тетя.

Эм повернула голову и ошеломленно уставилась на него.

— Черт побери, что ты делаешь здесь?

— А где я должен быть?

— В городе. Я была уверена, что ты в городе.

После секундного колебания Гэрри решил прояснить ситуацию.

— Почему?

— Потому что Люсинда... миссис Бэббакум, поехала в город полчаса назад. Никогда не была там раньше, хотела сориентироваться.

Гэрри похолодел.

— Вы отпустили ее одну?

Отвернувшись к своим цветам, Эм взмахнула ножницами.

— Конечно, нет. С ней поехал ее грум.

— Грум? — Голос Гэрри прозвучал тихо, вкрадчиво, но его тона было достаточно, чтобы у любого, даже самого нечувствительного, человека по спине пробежали мурашки. — Тот взъерошенный парень, который приехал с ней?

Он следил, как предательский румянец окрашивает высокие скулы тетушкиного лица.

Смущенная, расстроенная, Эм пожала плечами.

— Она независимая женщина... ее не очень-то переспоришь. — Эм прекрасно понимала, что не должна была отпускать Люсинду в Ньюмаркет на этой неделе без более весомого сопровождения, но в ее тактике крылась определенная цель. Повернувшись, она оглядела племянника. — Ты бы мог попытаться догнать ее.

Гэрри не сразу поверил своим ушам. Неужели Эм могла так поступить? Прищурившись, он взгляделся в ее ласковое лицо. Предатель в собственном лагере — только этого ему не хватало! Его губы вытянулись в тонкую линию. Коротко кивнув, он сказал:

— Будьте спокойны, я попытаюсь.

Резко повернувшись на каблуках, он широким шагом вышел из комнаты и через несколько секунд уже был в конюшне. Помощник конюха испуганно посмотрел на него, но Гэрри был только рад, что лошади еще не выпряжены.

Он схватил вожжи и вскочил на козлы. Щелкнул хлыст, и лошади сорвались с места. По дороге в город Гэрри установил, пожалуй, свой новый рекорд.

Вынужденный придерживать лошадей в тесноте экипажей на Хай-стрит, он внезапно

вспомнил о Джеральде. И выругался, сожалея о потере помощника в поисках. Сохраняя внешнюю невозмутимость, он принялся тщательно осматривать запруженные людьми тротуары. Благо лошади теперь двигались очень медленно. Люсинды нигде не было видно.

Зато он обнаружил немалое количество истинных ценителей скачек — друзей и знакомых, — которые, как и он, были слишком опытны, чтобы терять сегодня время на ипподроме. Без малейшего сомнения, любой из них весьма охотно провел бы несколько часов с восхитительной темноволосой вдовой и не счел бы этот день потерянным.

Добравшись до конца улицы, Гэрри снова выругался. Словно не замечая другие экипажи, он круто повернул двуколку, чудом не задев блестящий, явно только недавно купленный фаэтон, у медлительного кучера которого едва не сделался апоплексический удар.

Не обращая внимания на возникшую суматоху, Гэрри быстро проехал к «Крепостной башне» и передал своих серых лошадей в заботливые руки главного конюха. Тот подтвердил, что кабриолет Эм стоит в гостиничной конюшне. Гэрри украдкой осмотрел гостиную и с облегчением вздохнул: Люсинды там не было. «Крепостная башня» являлась любимым местом отдыха ему подобных. Выйдя на улицу, он остановился, чтобы оглядеться и оценить обстановку. И обдумать, что значит «сориентироваться».

Библиотеки в городе не имелось, и он отправился в церковь, расположенную чуть дальше по улице. Но ни одной молодой женщины не было видно ни в святых стенах, ни на дорожках среди могил. О городских садах просто смешно было говорить, никто не приезжал в Ньюмаркет восхищаться цветочными бордюрами. В «Чайных комнатах миссис Добсон», как и всегда, оживленно толпились посетительницы, но элегантная темноволосая вдова не украшала собой ни один из столиков.

Вернувшись на тротуар, Гэрри остановился и посмотрел на другую сторону улицы. Где же Люсинда, черт побери?

Краем глаза он увидел знакомое голубое платье и повернул голову. Как раз вовремя, чтобы заметить темноволосую женщину, входившую в двери «Зеленого гуся» в сопровождении взъерошенного парня.

Войдя в гостиницу, Люсинда была вынуждена сразу остановиться. В помещении царил сумрак. В нос ударил затхлый запах. Когда ее глаза наконец приспособились к темноте, она обнаружила, что стоит в вестибюле. Слева находился вход в бар, две двери справа, очевидно, вели в гостиные, впереди виднелся прилавок, вероятно представлявший собой продолжение стойки бара. На прилавке лежал потускневший, исцарапанный колокольчик.

Преодолев брезгливость, Люсинда прошла вперед и минут двадцать перед тем, как зайти в гостиницу, осматривала здание снаружи, отметив и грязную, облупившуюся во многих местах побелку, и беспорядок во дворе, и потрепанный вид двух постояльцев. Протянув руку в перчатке, Люсинда взяла колокольчик и повелительно позвонила. Вернее, собиралась позвонить. Ибо колокольчик лишь глухо лязгнул. Перевернув его, Люсинда обнаружила, что язык сломан. Раздраженно скривившись, она поставила колокольчик обратно и уже решила попросить оставшегося у двери Сима громко крикнуть и позвать хозяина, когда чья-то большая тень закрыла и то небольшое количество света, что проникало снаружи. Лишенные какого-либо выражения глаза вошедшего в комнату дородного смуглого и очень высокого мужчины с грубыми чертами лица утопали в складках жира.

— Что угодно?

Люсинда моргнула.

— Вы мистер Блаунт?

— Да.

Еще немного, и ей сделается дурно.

— Вы управляющий гостиницей?

— Нет.

Поскольку поток информации на этом иссяк, Люсинда продолжала, не теряя надежды докопаться до истины:

— Вы мистер Блаунт, но вы не управляющий гостиницей, где же мистер Блаунт, управляющий гостиницей?

Минуту-другую толстяк тупо смотрел на нее, будто с трудом переваривал ее вопрос.

— Вам нужен Джек, мой брат, — наконец изрек он.

Люсинда вздохнула с облегчением.

— Именно так, я хочу видеть мистера Блаунта, управляющего гостиницей.

— Зачем?

У Люсинды широко раскрылись глаза.

— А вот это, любезный, касается лишь вашего брата и меня.

Детина оценивающе оглядел ее, затем неуверенно хмыкнул.

— Ждите здесь, я позову его.

С этими словами он неуклюже заковылял в глубь дома.

Люсинда молила Бога, чтобы управляющий не был похож на своего брата. Увы, ее молитва осталась не услышанной. Мужчина, сменивший первого, оказался не менее толст и высок, а главное — лишь чуточку сообразительнее.

— Мистер Джейк Блаунт, управляющий этой гостиницей? — обратилась к нему Люсинда.

— Да, — кивнул мужчина. Его маленькие глазки оглядели гостью с ног до головы, но не оскорбительно, а скорее утомленно-оценивающе. — Такие леди, как вы, не снимают здесь комнаты. Попробуйте обратиться в «Крепостную башню» или «Ратленд», это дальше по улице.

Он собрался уходить, оставив Люсинду в полном изумлении.

— Минуточку, любезный.

Джейк Блаунт, шаркая, повернулся и замотал головой из стороны в сторону.

— Не для вашего сорта людей эта гостиница, ясно?

Люсинда почувствовала ветерок от открывшейся входной двери и увидела, как мистер Блаунт перевел взгляд на вновь прибывшего, но решила во что бы то ни стало довести разговор до конца.

— Нет, я не понимаю. Что означает «не для вашего сорта»?

Хотя Джейк Блаунт и слышал вопрос женщины, его более заинтересовал джентльмен, стоявший за ее спиной и буравивший его пронизывающим взглядом зеленых глаз: золотистые волосы, слегка завитые на концах, были подстрижены по последней моде; отлично смотрелся светло-коричневый сюртук над бриджами из оленьей кожи; начищенные ботфорты так сверкали, что в них можно было смотреться вместо зеркала. С подобными личностями мистеру Блаунту уже приходилось сталкиваться. Ему не надо было разглядывать ни пальто с пелериной, ни аристократическое лицо, ни глаза с полуопущенными тяжелыми веками, ни широкие плечи и высокую стройную мускулистую фигуру, чтобы понять — один из светских львов удостоил своим вниманием его скромную гостиницу. И этот факт

заставлял его нервничать.

— А-аах... — Он замигал и снова посмотрел на Люсинду. — Тут другого сорта женщины снимают комнаты.

Люсинда продолжала пристально смотреть на него.

— Какого сорта женщины снимают здесь комнаты?

Лицо Блаунта исказилось..

— Именно это я и имею в виду. Не леди. Другого сорта женщины.

Совершенно уверенная, что попала в сумасшедший дом, Люсинда упрямо цеплялась за свой вопрос:

— Какого сорта?

Мгновение Джейк Блаунт просто таращился на нее. Затем, признав поражение, помахал мясистой рукой.

— Не знаю, что вам нужно от меня, леди, но у меня полным-полно всяких дел.

Он снова посмотрел за ее плечо. Люсинда набрала в легкие воздух, чтобы достойно ответить, и чуть не поперхнулась, услышав медлительный голос, лениво просвещавший упорствующего Блаунта:

— Ошибаетесь, Блаунт. Ваше первое дело состоит в том, чтобы выполнить все пожелания этой леди. — Гэрри в упор взглянул на управляющего. — Но в одном вы совершенно правы: она действительно женщина не того сорта, какие заходят сюда.

Особая интонация, с которой обладатель этого чувственного голоса произнес слово «сорт», немедленно прояснила Люсинде, что являлось предметом дискуссии. Разрываемая непривычным волнением, стыдом и яростью, она заколебалась, не зная, как ей следует поступить. Легкий румянец покрыл ее щеки.

Гэрри это заметил.

— А теперь, — вежливо предложил он, — оставим эту скользкую тему и перейдем к тому делу, что привело сюда леди. Я уверен, что вы, как и я, желаете услышать, в чем оно состоит.

Люсинда бросила надменный взгляд через плечо.

— Доброе утро, мистер Лестер.

И даже удостоила его сдержанным кивком. Гэрри стоял за ее правым плечом в пропыленном полумраке, изящно склонив голову, большой и надежный. Его строгое лицо выражало нетерпение выяснить суть ее дела.

Люсинда повернулась к управляющему:

— Полагаю, вас, по поручению владельцев, посещал недавно мистер Мавверли?

Джейк Блаунт переступил с ноги на ногу.

— Да.

— Мистер Мавверли предупреждал вас, что в скором времени гостиница будет проинспектирована?

Мужчина кивнул.

— Очень хорошо, в этом случае можете провести меня по гостинице. Начнем с общественных помещений. — Она повернулась к левой двери: — Полагаю, это вход в бар?

Люсинда проскользнула в дверь, поднимая юбками клубы пыли.

Краем глаза она увидела, как Блаунт несколько мгновений смотрел ей вслед, вытаращив глаза и открыв рот, а затем поспешно вышел из-за прилавка. Гэрри Лестер с невозмутимым видом наблюдал за происходящим.

Люсинда вошла в мрачную комнату с окнами, прикрытыми ставнями.

— Блаунт, может, вы откроете ставни пошире, чтобы я смогла все хорошенько рассмотреть и составить собственное мнение?

Блаунт тревожно взглянул на нее, затем тяжело заковылял к окнам. Несколько секунд спустя в комнату хлынул солнечный свет, явно к неудовольствию двух посетителей: старого чудака у камина, закутанного в помятый плащ, и мужчины помоложе в грубой дорожной одежде. Оба съежились, оказавшись на свету.

Люсинда внимательно оглядела помещение. Внутри гостиница была так же запущена, как и снаружи. «Зеленый гусь» вполне соответствовал оценке, данной Энтони Мавверли, как самой худшей из всех гостиниц, принадлежащих Бэббакумам. Грязные стены и потолок, годами не видевшие ни щетки, ни тем более малярной кисти, пыль и запустение делали бар крайне неприятным местом.

— Хм, — скривилась Люсинда. — С баром все ясно.

Она искоса взглянула на Гэрри, вошедшего следом за ней.

— Благодарю за поддержку, мистер Лестер, но я вполне способна сама разобраться с мистером Блаунтом.

Зеленые глаза, быстро осмотревшие поистине омерзительное помещение, устремились на ее лицо. Они были непроницаемы, однако Люсинде показалось, что она разглядела в них раздражение и неодобрение.

— Неужели? — Он чуть приподнял брови, явно с трудом сохраняя вежливый тон. — Но, может быть, мне все-таки следует остаться? Просто на тот случай, если у славного мистера Блаунта снова вдруг возникнут трудности... с общением?

Люсинда подавила желание нахмуриться и чуть не попросила Лестера убратся из гостиницы: ей хотелось скрыть, что она является владелицей столь сомнительного заведения. Однако она не могла придумать, как избавиться от его вежливого присутствия. Зеленые глаза Лестера все видели и понимали, а его язык, как она уже знала, мог быть чрезвычайно острым.

Выразив непротivление судьбе легким пожатием плеч, Люсинда вновь обратила внимание на Блаунта, нерешительно топтавшегося у стойки бара.

— Что за той дверью?

— Кухня.

Блаунт явно испугался, когда она взмахом руки приказала ему двигаться в том направлении.

— Мне необходимо ее увидеть.

Кухня оказалась не так плоха, как боялась Люсинда. Очевидно, благодаря стараниям пышной, но усталой женщины, почтительно поклонившейся, когда ее представили «госпоже». Личные комнаты Блаунта находились за большой квадратной кухней, однако Люсинда не выказала никакого желания проинспектировать их. Тщательно осмотрев большой открытый очаг и подробно обсудив качество его тяги, а также рабочие возможности кухни с миссис Блаунт, что, судя по выражениям лиц Блаунта и Гэрри Лестера, прошло мимо их ушей, она отправилась инспектировать гостинные.

Гостинные показались ей вначале убогими и пыльными, но, когда открыли ставни, обнаружилось, что не все так уж плохо: обе были обставлены хотя и старой, но вполне еще сносной мебелью.

— Хм, хм, — вновь изрекла Люсинда приговор угрюмому Блаунту.

В задней гостиной с видом на заросли, бывшие некогда садом, Люсинда оглядела дубовые стол и стулья.

— Пожалуйста, попросите миссис Блаунт немедленно вытереть здесь пыль. А я пока осмотрю комнаты наверху.

Покорно пожав плечами, Блаунт направился к двери кухни исполнять приказ, а затем вернулся, чтобы показать путь наверх. На середине лестницы Люсинда остановилась, чтобы проверить крепость перил. Опершись о них, она услышала треск, вздрогнула... и тотчас вздрогнула еще сильнее, почувствовав, как стальная рука Гэрри Лестера обхватила ее за талию и оттащила в сторону. Рука мигом исчезла, и лишь послышалось тихо брошенное замечание Гэрри: «Проклятое женское любопытство!»

Люсинда усмехнулась, но, пока дошла до верхнего коридора, сумела вернуть своему лицу невозмутимое выражение.

— Все комнаты одинаковы, — сообщил Блаунт, распахивая ближайшую дверь. Не ожидая приказа, он прошел к окну и открыл ставни.

Солнечные лучи осветили безотрадную картину: пожелтевшую, отслаивающуюся от стен побелку, треснувшие кувшин и раковину. Постельное белье Люсинда без всякого сожаления мысленно предала огню. Однако и здесь мебель была прочной — из дуба, насколько она могла судить на первый взгляд. И кровать, и комод, если постараться, можно было бы привести в приличное состояние.

Поджав губы, Люсинда кивнула, повернулась и величаво выплыла из комнаты мимо Гэрри Лестера, прислонившегося к дверному косяку. Он выпрямился и последовал за ней по коридору.

Блаунт вылетел из комнаты, обогнал их и загородил собой следующую дверь.

— Эта комната занята, мэм.

— В самом деле? — удивилась Люсинда, недоумевающая, кто бы мог удовлетвориться сомнительным комфортом «Зеленого гуся».

Как бы в ответ на ее вопрос, за дверью раздался отчетливый женский смешок.

Лицо Люсинды выразило холодную строгость.

— Понимаю. — Она осуждающе посмотрела на Блаунта и, высоко подняв голову, двинулась дальше по коридору. — Я посмотрю последнюю комнату, а затем спустимся вниз.

Вскоре ее обход закончился. Как и сообщил мистер Мавверли, само здание, где находился «Зеленый гусь», было достаточно крепким; если что и нуждалось в изменениях, то это управление гостиницей.

Снова оказавшись в вестибюле, Люсинда кивком приказала Симу подойти и взяла у него бухгалтерские книги. В гостиной она с удовольствием обнаружила, что стулья и стол начисто протерты. Положив грессбухи во главе стола, она опустила рядом с ними свой ридикюль и села.

— Теперь, Блаунт, я хотела бы просмотреть книги.

Блаунт заморгал.

? Книги?

Спокойно глядя на него, Люсинда кивком подтвердила свою просьбу.

— Синюю для доходов и красную для расходов.

Блаунт продолжал таращиться, затем что-то пробормотал — Люсинда предпочла счесть его бормотание согласием — и удалился.

Гэрри, до сих пор исполнявший роль молчаливого защитника, закрыл за ним дверь,

затем повернулся к гостье своей тетушки.

— А теперь, дорогая миссис Бэббакум, может, просветите меня насчет того, что вы задумали?

Люсинде очень хотелось скорчить гримасу, поскольку стало ясно, что так просто от него не отделаться.

— Я делаю то, что сказала: инспектирую эту гостиницу.

— Ах, да. — Его голос снова стал суровым. — И должен ли я поверить, что владелец счел приемлемым послать — нет, нанять вас в таком качестве?

— Да. — Люсинда встретила его суровый взгляд открыто и хладнокровно, хотя с трудом сохраняла самообладание. Махнув рукой, она положила конец допросу. Блаунт вот-вот должен был вернуться. — Если вам так необходимо знать, эта гостиница принадлежит «Бэббакум и Компании».

Известие явно застало его врасплох. Он с изумлением посмотрел на нее.

— И кто владельцы?

Положив руки на бухгалтерские книги, Люсинда улыбнулась.

— Я и Хетер.

У нее не было времени насладиться его реакцией: Блаунт вошел с грудой grossбухов под мышками. Люсинда указала ему на стул рядом с собой. Пока управляющий раскладывал свои потертые тома со страницами с загнутыми углами, она потянулась к своему ридикюлю. Достав пару очков в золотой оправе, она нацепила их на нос.

— Начнем!

Под замороженным взглядом Гэрри она начала проверять финансовые отчеты Блаунта. Гэрри подтащил к окну чистый стул и, усевшись, принялся во все глаза смотреть на Люсинду Бэббакум. Несомненно, она была самой неожиданной, самой удивительной, самой интригующей из всех женщин, которые попадались на его пути. Он следил, как она проверяла запись за записью, складывала цифры, часто снизу вверх. Управляющий давно прекратил всякое сопротивление. Встретившись с тяжким непредвиденным испытанием, оказавшимся выше его понимания, он теперь изо всех сил старался заслужить одобрение. Просматривая бухгалтерские книги, Люсинда сделала неожиданный для себя вывод. Блаунт не был намеренно небрежен, он не собирался разорить гостиницу. Ему просто не хватало знаний и опыта. Завершив через час расследование, Люсинда сняла очки и строго посмотрела на Блаунта.

— На данный момент все ясно, Блаунт. Теперь я должна составить рекомендации для компании: следует ли дальше пользоваться вашими услугами. — Она постучала по закрытой бухгалтерской книге дужкой очков. — Хотя ваши цифры не производят должного впечатления, я сообщу, что не нашла фактов злоупотреблений. Кажется, все правильно.

Дородный управляющий выглядел настолько трогательно в своей признательности, что Люсинда с трудом подавила желание подбодрить его улыбкой.

— Как я понимаю, вы приняли гостиницу после смерти предыдущего управляющего мистера Харви. Из книг следует, что гостиница перестала приносить доход задолго до вашей аренды. — (Блаунт растерянно смотрел на нее.) — То есть вас нельзя винить за начало упадка. — (Блаунт успокоился.) — Однако, — продолжала Люсинда — и голос и взгляд ее стали более суровыми, — я должна сказать вам, что нынешнее управление, за которое вы несете полную ответственность, менее чем удовлетворительно. «Бэббакум и Компания» ожидают дивидендов от своих капиталовложений, Блаунт.

Управляющий нахмурился.

— Но мистер Скрутторп... который назначил меня...

— Ах да, мистер Скрутторп.

Отчетливо услышав холодность в тоне Люсинды, Гэрри внимательно посмотрел на нее.

— Ну, мистер Скрутторп сказал, что, пока гостиница окупает себя, прибыли не имеют значения.

Люсинда прищурилась.

— Кем вы были раньше, Блаунт?

— Я содержал «Клюв дрозда» на Фордхэмской дороге.

— «Клюв дрозда»?

— Подозреваю, что это придорожная харчевня, — сухо вставил Гэрри.

— Понимаю. — Люсинда посмотрела на него, затем снова на Блаунта. — Послушайте, Блаунт, мистер Скрутторп больше не служит агентом «Бэббакум и Компании» — в основном из-за его довольно странного метода ведения дел. И, если вы действительно хотите остаться работником компании, вам придется научиться управлять «Зеленым гусем» более рентабельно. Гостиницей в Ньюмаркете нельзя управлять так же, как харчевней.

Лоб Блаунта покрылся глубокими морщинами.

— Я не знаю, правильно ли я понял вас, мадам. Пивная — она и есть пивная, как ни крути.

— Нет, Блаунт. Пивная пусть и главная, но лишь часть гостиницы, а потому должна быть чистой и гостеприимной. Я очень надеюсь, что вы не считаете это, — Люсинда кивнула в сторону бара, — чистотой и гостеприимством?

Огромный Блаунт заерзал на стуле.

— Смею сказать, моя хозяйка могла бы немного прибраться.

— Конечно, — кивнула Люсинда. — Миссис Блаунт и вы также. И любой другой, кого вы возьмете в помощь. — Она сложила руки на своихgrossбухах и в упор посмотрела на Блаунта. — В своем отчете я собираюсь предложить рассмотреть решение о вашем увольнении через три месяца, то есть дать вам возможность проявить себя, а затем вновь рассмотреть вопрос.

Блаунт нервно сглотнул.

— Что это значит, мэм?

— Это значит, Блаунт, что я напишу список всех необходимых улучшений для того, чтобы эта гостиница могла соперничать с «Крепостной башней» хотя бы в прибылях. Я не вижу препятствий этому. Таких улучшений, как, например, побелка внутри и снаружи, полировка деревянных панелей, балок и мебели, покупка нового постельного белья, замена посуды. А на кухне необходима новая плита. Вы должны нанять хорошую повариху и подавать полноценную еду в баре в течение всего дня. Бар также следует обновить. Я заметила, что в этом городе сыщется не много мест, где путешественники могли бы получить нормальную еду. Подавая высококачественные блюда, «Зеленый гусь» отвлечет клиентов от почтовых станций, которые больше заняты перевозками и подают весьма посредственную еду.

Люсинда сделала паузу, но Блаунт молчал, продолжая растерянно хлопать глазами.

— Как я понимаю, вы заинтересованы сохранить свое положение здесь?

— О да, мэм. Определенно! Но... где взять деньги для всего этого?

— Из прибылей, Блаунт. Из прибылей до вычета того, что причитается вам и компании.

Компания считает это инвестициями в будущее гостиницы, и если вы разумны, то воспримете мое предложение как инвестиции и в ваше будущее.

Блаунт медленно кивнул.

— Да, мэм.

— Хорошо. — Люсинда встала. — Я составлю список предлагаемых мною преобразований, и завтра мой грум передаст его вам. — Она взглянула на Блаунта, тяжело поднимавшегося со стула. Создавалось впечатление, что у него все еще голова шла кругом. — Мистер Мавверли заглянет к вам через месяц проверить, как продвигаются дела. А теперь, Блаунт, если у вас нет вопросов, мне остается лишь проститься.

— Да, мэм. — Блаунт поспешил открыть ей дверь. — Благодарю вас, мэм. — Он явно говорил искренне.

Люсинда царственно кивнула и вышла из комнаты.

Испытывая невольное восхищение, Гэрри последовал за ней. Все еще изумляясь услышанному, он молчал, пока они не вышли на улицу. Люсинда скользила рядом с ним с гордо поднятой головой, будто только что напала на Голиафа и победила его. Гэрри схватил ее руку и положил на свой рукав. Ее пальцы вздрогнули. Она быстро взглянула на него, затем устремила взгляд прямо перед собой. Грум следовал в двух шагах позади, зажав под мышками бухгалтерские книги.

Парень, которого они видели в баре, выскользнул из двери гостиницы следом за ними.

— Моя дорогая миссис Бэббакум, — начал Гэрри как можно спокойнее, — я надеюсь, вы удовлетворите мое любопытство и объясните, почему женщина, получившая аристократическое воспитание, хотя, признаюсь, и прекрасно подготовленная для подобной задачи, сама инспектирует служащих своей компании?

Не растерявшись, Люсинда спокойно выдержала его раздраженный взгляд.

— Потому что больше некому.

Гэрри не отвел глаз, губы его вытянулись в тонкую линию.

— Простите, но мне трудно в это поверить. Как насчет этого мистера Мавверли, вашего агента? Почему он не может вести дела с таким субъектом, как этот Блаунт?

— Вы должны признать, что общение с мистером Блаунтом — тяжелое испытание. — Люсинда улыбнулась и вызывающе посмотрела на Гэрри. — Я вполне удовлетворена собой.

Гэрри угрюмо хмыкнул.

— Вы прекрасно сами понимаете, что сотворили небольшое чудо. Этот человек будет теперь работать не покладая рук, что само по себе явное достижение. Но дело не в этом, — закончил он сурово.

— Нет, именно в этом, — ответила Люсинда, удивляясь, почему позволяет ему вмешиваться. Может быть, потому, что давно уже никто не интересовался ее делами? — Мистеру Энтони Мавверли всего двадцать три года. Он прекрасно разбирается в бухгалтерии и безупречно честен — полная противоположность Скругторпу.

— Ах да. Этот нежелательный Скругторп. — Гэрри бросил на нее быстрый взгляд. — Кстати, почему он так нежелателен?

— Мошенник. Мой муж назначил его незадолго до своей кончины... в один из плохих дней. После смерти Чарльза я случайно узнала, что бухгалтерские книги в том виде, в каком они были мне представлены, не отражали истинного положения дел в гостиницах.

— Что случилось со Скругторпом?

— Я, конечно, уволила его.

Гэрри заметил в ее голосе истинное удовлетворение. Люсинда Бэббакум явно не жаловала мистера Скругторпа.

— Следовательно, до недавнего времени переговоры с арендаторами вел агент?

Люсинда надменно приподняла брови.

— До тех пор пока я не реорганизовала работу компании. Мистер Мавверли не умеет разговаривать с такими людьми, как Блаунт. Он несколько застенчив. К тому же я считаю, что нам с Хетер следует разбираться в делах гостиниц, составляющих наследство.

— Как ни похвально подобное отношение к делу, миссис Бэббакум, я надеюсь... — Гэрри замолчал, поскольку его спутница остановилась, задумчиво глядя на противоположную сторону улицы. — В чем дело?

— Что вы сказали? — Люсинда рассеянно взглянула на него. — О... я просто прикидывала, хватит ли сегодня времени для осмотра «Крепостной башни». Но, пожалуй, там слишкомлюдно. Может, завтра утром будет удобнее?

Гэрри смотрел на нее, и неожиданное подозрение закралось в его голову.

— Гораздо удобнее, — объявил он. — Но скажите мне, миссис Бэббакум, сколькими гостиницами владеете вы с падчерицей?

Она подняла на него голубые с поволокой и неправдоподобно невинные глаза.

— Пятьюдесятью четырьмя... — ответила она. Затем подумала и добавила: — По всей стране.

Гэрри закрыл глаза, пытаясь подавить стон. Затем, не говоря больше ни слова, он проводил ее во двор «Крепостной башни» и с искренним облегчением усадил в кабриолет Эм.

— Итак, она в Ньюмаркете? — спросил мистер Эрл Джолифф, плотный коренастый мужчина невыразительной наружности с бледным одутловатым лицом, устремив тусклый взгляд на молодого парня по имени Браун, которого он посылал в город выследить их жертву. В ожидании ответа мистер Джолифф откинулся на спинку стула, вертя в руках стек.

— Вот как раз в этом я не уверен. — Юнец отхлебнул из своей кружки.

Они находились в обветшалом домишке в трех милях от Ньюмаркета — лучшее, что смогли снять, не позаботившись заранее. Вокруг карточного стола сидело четверо мужчин: Джолифф, Браун и двое других — Мортимер Бэббакум и Эрнест Скругторп, нескладный мужчина, грубый, несмотря на строгую одежду клерка. Скругторп сидел молча, хмуро глядя в свою пивную кружку. Худощавый Мортимер Бэббакум, чей костюм выдавал претензии его владельца на звание «денди», беспокойно заерзал, явно желая оказаться где-нибудь подальше отсюда.

— Она села в кабриолет и уехала. Я не мог преследовать ее.

— Видите? — заворчал Скругторп. — Говорил вам, что она заявится в «Зеленый гусь». Не могла удержаться, пронырливая ведьма.

Он презрительно сплюнул на пол, что добавило неловкости Мортимеру.

— Да-а, хорошо. — Джолифф перевел взгляд на Скругторпа. — Позвольте напомнить, что в данный момент она уже должна была быть в наших руках. И если бы не ваша оплошность, так и случилось бы.

Скругторп нахмурился.

— Откуда мне было знать, что сейчас неделя скачек? И что на дороге окажутся

посторонние? В противном случае все прошло бы прекрасно.

Джолифф вздохнул и поднял глаза к небесам. Неопытные растяпы, все как один. Как он, до сих пор беззаботно живший за счет богачей, докатился до подобной компании? Он посмотрел на Мортимера Бэббакума и презрительно скривился.

— Должен сказать, — вставил Браун, отрываясь от пива, — что сегодня она шла по улице с каким-то франтом, очень по-приятельски. Похоже, тот же франт, что спас их.

Джолифф прищурился и насторожился.

— Опиши-ка этого франта.

— Белокурые волосы... чистое золото. Высокий. Выглядит так, будто ни перед чем не остановится. Один из этих светских щеголей в модной пелерине. — Браун скривился. — Для меня они все на одно лицо.

Но не для Джолиффа.

— Этот щеголь остановился в «Крепостной башне»?

— Похоже, так. Конюхи и прочие, кажется, все его знают.

— Гэрри Лестер. — Джолифф задумчиво забарабанил пальцами по столу. — Интересно...

— Что интересно? — Мортимер непонимающе посмотрел на своего бывшего друга и нынешнего самого настойчивого кредитора. ? Этот Лестер поможет нам?

— Только попасть на виселицу, — ухмыльнулся Джолифф. — Но его особые таланты заслуживают внимания. — Наклонившись вперед, Джолифф оперся локтями о стол. — Мне кажется, любезный Мортимер, что наше вмешательство более не потребуется. — Джолифф улыбнулся так, что Мортимер съежился. — Я уверен, что вас больше всего устроит способ достижения нашей цели без прямого вмешательства.

Мортимер сглотнул.

— Но как Лестер поможет нам... если он не захочет?

— О, я не сказал, что он не захочет, просто нам не придется просить его. Он поможет всецело ради забавы. Гэрри Лестер, дорогой Мортимер, повеса высшего класса, необыкновенный мастер в тонком искусстве обольщения. Если он заметил вдову вашего дяди, а это очевидно, я не поставлю на нее ни пенса. — Улыбка Джолиффа стала шире. — И конечно, как только она перестанет быть добродетельной вдовой, у вас будут все необходимые причины официально оспорить ее право на опекунство вашей кузины. А когда наследство прелестной кузины окажется в ваших руках, вы сможете расплатиться со мной, Мортимер, не так ли?

Мортимер Бэббакум проглотил комок в горле и заставил себя утвердительно кивнуть.

— Так что нам теперь делать? — спросил Скругторп, осушая свою кружку.

Джолифф подумал, затем провозгласил:

— Затаиться и следить. Если появится шанс добраться до леди, мы это сделаем... как и собирались.

— Что касается меня, я считаю, что мы должны действовать, а не оставлять все на волю случая.

— Это говорит ваша злоба, Скругторп. Пожалуйста, вспомните, что наша главная цель — дискредитировать миссис Бэббакум, а не удовлетворить вашу жажду мест.

Скругторп фыркнул.

— Как я и говорил, — продолжал Джолифф, — мы будем следить и ждать. Если Гэрри Лестер преуспеет, он выполнит нашу работу. Если нет, мы продолжим преследование, и наш

любезный Скругторп получит свой шанс.

При этих словах Скругторп похотливо улыбнулся.

Глава четвертая

Когда на следующее утро Люсинда въехала во двор гостиницы «Крепостная башня», Гэрри Лестер ждал, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди. У него было достаточно времени для восхищения женственностью и зрелой красотой Люсинды Бэббакум, сидевшей рядом с Гриммзом в тетушкином кабриолете. Одета в элегантное васильковое дорожное платье, с волосами, стянутыми на затылке в тугой узел и открывающими прелесть изящного лица, Люсинда Бэббакум, как и следовало ожидать, обратила на себя внимание всех слонявшихся во дворе. К счастью, в это утро должны были начаться скачки для чистокровных лошадей, и большинство джентльменов уже отправилось на ипподром.

Гриммз аккуратно остановил кабриолет в центре двора. Усмехнувшись про себя, Гэрри оттолкнулся от стены. Люсинда следила за его приближением, и его грациозная походка напомнила ей крадущегося тигра. Сильная дрожь пробежала по ее телу, она с трудом удержалась от восхищенной улыбки, но внешне удовольствовалась лишь скромным выражением вежливого удивления.

— Мистер Лестер, — она протянула ему руку, — не ожидала увидеть вас сегодня утром. Я думала, вы приехали в Ньюмаркет ради скачек.

Он скептически поднял брови при ее первом замечании; при втором его зеленые глаза сверкнули. Он задержал ее руку, их глаза встретились. Люсинда не могла понять, зачем она играет с огнем.

— Действительно, — неопределенно ответил Гэрри, как обычно растягивая слова. — Сам удивляюсь. Однако, поскольку вы гостя моей тети, и тем более по моей просьбе, считаю своим долгом оградить вас от опасностей.

Люсинда хитро прищурилась, но Гэрри, отвлеченный отсутствием грума — Гриммз уже исчез в конюшне, — этого не заметил.

— И раз мы вспомнили об опасностях: где ваш грум? ? Люсинда позволила себе улыбнуться.

— Отправился на верховую прогулку с вашим братом и Хетер. Джеральд развлекает Хетер, иначе, боюсь, ей было бы скучно. И конечно, я могу спокойно заниматься делами, не беспокоясь о ней.

Гэрри не разделял уверенности Люсинды на этот счет, но в данный момент он беспокоился не о ее падчерице. Его лицо посуровело. Он взял молодую женщину под руку и повернулся к двери гостиницы.

— Вам следовало взять с собой хотя бы грума.

— Чепуха, мистер Лестер. — Люсинда искоса с любопытством взглянула на него. — Надеюсь, вы не намекаете на то, что в моем возрасте мне необходима дуэнья?

Глядя в ее нежно-голубые глаза, дразнящие и невинные одновременно, Гэрри мысленно выругался. Этой проклятой женщине нужна не дуэнья, ей необходим вооруженный охранник. Однако он не собирался обсуждать вопрос, почему назначил на этот пост себя, и удовольствовался суровым заявлением.

— По моему мнению, миссис Бэббакум, женщинам, подобным вам, не следует позволять выезжать без сопровождения.

В ее глазах замерцали веселые искорки, на щеках появились две крошечные ямочки.

— Вообще-то я хотела бы увидеть конюшню.

Она повернулась к арке, отделяющей главный двор от конного.

— Конюшню?

Он огляделся вокруг, Люсинда утвердительно кивнула.

— Состояние конного двора часто отражает качество управления гостиницей.

Состояние конюшни «Крепостной башни» красноречиво свидетельствовало о требовательности управляющего: все было аккуратно, чисто и на своем месте. Лошади поворачивали головы и смотрели на Люсинду, которая осторожно шла по еще мокрым от росы булыжникам, то и дело тяжело опираясь на руку Гэрри.

Когда они дошли до конюшни, Люсинда решительно выпрямилась и, с сожалением убрав пальцы с его руки, тепло которой она чувствовала через рукав, пошла вдоль ряда боксов, останавливаясь тут и там, чтобы познакомиться с их любопытными обитателями. В конце концов она добралась до сбруйной и заглянула туда.

— Простите, мэм, но вам не следует здесь находиться, — поспешил к ней пожилой конюх. Гэрри выступил из тени.

— Все в порядке, Джонсон. Я прослежу, чтобы с леди ничего не случилось.

— О! Это вы, мистер Лестер. — Конюх коснулся своей шапки. — Тогда все в порядке. Извините, мэм. — Он сдернул с головы шапку и вернулся в сбруйную.

Люсинда взглянула на Гэрри.

— Здесь всегда такой порядок? Такая... — она обвела рукой боксы с низкими закрытыми дверями, — такая чистота?

— Да, — Гэрри смотрел на нее сверху вниз. — Я всегда оставляю именно здесь свою упряжку, так что можете быть уверены в качестве обслуживания.

— Понимаю. — Прояснив все вопросы, связанные с конюшней, Люсинда обратила свое внимание на гостиницу.

Войдя в вестибюль, она с удовлетворением оглядела стены, обшитые до середины отполированными до мягкого блеска деревянными панелями. Солнечные лучи играли на свежей побелке верхней части стен и мраморных плитах пола.

Управляющий, мистер Дженкинс, аккуратно одетый, склонный к полноте мужчина, спешил к ним. Поздоровавшись и представив спутницу, Гэрри отошел немного в сторону, позволив Люсинде объяснить цель своего визита. Полная противоположность Блаунту, мистер Дженкинс был воплощением искренней и добродушной предупредительности.

Люсинда повернулась к Гэрри.

— Дела с мистером Дженкинсом займут меня по меньшей мере на час. Я не смею более злоупотреблять вашей добротой, мистер Лестер, вы уже и так сделали много. И едва ли со мной что-то случится в стенах гостиницы.

Гэрри и глазом не моргнул. Для нее «Башня» была полна опасностей, имеющих даже конкретное имя — «ему подобные». С полным безразличием встретив ее невинный взгляд, он лениво махнул рукой:

— Да, но мои лошади бегут позже.

Он заметил, как вспыхнули ее щеки. Она поколебалась, затем несколько скованным наклоном головы приняла его объяснение и отвернулась к мистеру Дженкинсу.

Гэрри терпеливо следовал за управляющим и тетушкиной гостьей по старой гостинице: по коридорам и кладовкам, спальням и даже чердакам. Они уже возвращались по верхнему коридору, когда какой-то мужчина выбежал из номера не глядя по сторонам.

Люсинда находилась как раз напротив двери. Она вздрогнула, заметив мужчину, и приготовилась к удару. Но столкновения не последовало. Ее мягко отпихнули в сторону, и круглолицый джентльмен, налетев на твердое плечо Гэрри отскочил как мячик и рухнул на дверной косяк

— Уф! — Выпрямившись, мужчина заморгал. — О, привет, Лестер! Проспал, видите ли. Не могу пропустить первую скачку. — Он снова заморгал и удивленно нахмурился. — Думал вы давно уже на ипподроме.

— Позже. — Гэрри отступил, и молодой человек, увидев Люсинду, захлопал ресницами еще быстрее.

— Ох... ах. Да. Ужасно сожалею, мэм. Мне все твердят, что я должен смотреть, куда иду. Надеюсь, я не причинил вам вреда?

Люсинда улыбнулась в ответ на столь искренние извинения.

— Нет, никакого.

Благодаря ее защитнику.

— Хорошо! Тогда я пойду. Увидимся на ипподроме, Лестер.

Неуклюже поклонившись и бодро помахав рукой, юный аристократ умчался прочь. Гэрри усмехнулся.

— Спасибо за помощь, мистер Лестер, — улыбнулась ему Люсинда. — Я действительно очень вам благодарна.

Ее нежная улыбка потрясла Гэрри, но он холодно наклонил голову и взмахом руки предложил ей отправиться за Дженкинсом.

Люсинда осталась довольна осмотром гостиницы. «Крепостная башня» и мистер Дженкинс не шли ни в какое сравнение с «Зеленым гусем» и Джейком Блаунтом. В безупречно чистой гостинице Люсинда не обнаружила никаких погрешностей. Просмотр счетов и отчетов был чистой формальностью: мистер Мавверли уже объявил «Башню» образцом честной бухгалтерии.

Люсинда и управляющий провели несколько минут, обсуждая планы расширения гостиницы.

— Во время скачек мы переполнены, и более половины номеров занято в обычное время, — объяснил мистер Дженкинс.

Люсинда одобрила предложения управляющего и оставила детали на усмотрение мистера Мавверли.

— Благодарю вас, мистер Дженкинс, — объявила Люсинда, направляясь к выходу и натягивая перчатки. — Я должна сказать вам, что, посетив пятьдесят из пятидесяти четырех гостиниц, принадлежащих «Бэббакум и Компании», я бы отметила «Крепостную башню» как одну из лучших.

Мистер Дженкинс просиял.

— Вы очень добры, мэм. Всегда рад угодить.

Грациозно кивнув, Люсинда вышла из гостиницы. Оказавшись во дворе, она остановилась.

— Благодарю вас, мистер Лестер. Я действительно очень благодарна, учитывая то, что у вас есть другие дела.

Гэрри даже не попытался ответить ей. Губы Люсинды дрогнули, она быстро отвернулась.

— Вообще-то, — задумчиво сказала она, — мне бы хотелось посетить скачки. — Она

снова посмотрела на него. — Никогда не была на ипподроме.

— Вам не место на ипподроме Ньюмаркета.

Она не ожидала такого ответа. В ее глазах мелькнуло разочарование.

— О...

Единственный звук повис в воздухе убедительным свидетельством несбывшейся надежды. Гэрри на секунду закрыл глаза, затем снова открыл.

— Однако, если вы дадите слово не отставать от меня ни на шаг: ни ради красивого вида, ни лошади, ни дамской шляпки, я соглашусь проводить вас на скачки.

Люсинда триумфально улыбнулась.

— Благодарю вас. Вы очень добры.

Не добр. Глуп. Гэрри был убежден, что совершает самую большую ошибку в своей жизни. В ответ на его краткий жест подбежал конюх.

— Приготовьте мою двуколку и передайте Гриммзу, что кабриолет леди Хэллоуз больше не понадобится. Я провожу миссис Бэббакум домой.

— Да, сэр.

Люсинда снова занялась перчатками, затем смиренно позволила поднять себя на сиденье двуколки. Расправив юбки и приведя в порядок не менее растрепанные чувства, она безмятежно улыбнулась Гэрри, когда тот ловко щелкнул вожжами и выехал на улицу.

Ипподром лежал к западу от города на ровной травянистой, лишь с редкими деревьями, пустоши. Гэрри подвел упряжку прямо к конюшне, в которой находились его лошади, чуть в стороне от скаковой дорожки за огороженной для публики территорией.

Люсинда не могла не заметить взгляды, устремленные в их сторону. Помощники конюхов и джентльмены таращили на нее глаза совершенно одинаково, и она вздохнула спокойно лишь тогда, когда стены конюшни защитили ее от любопытных взоров.

Лошади оказались настоящим чудом. Спустившись с двуколки, Люсинда не смогла устоять перед желанием пройтись вдоль ряда денников. Она гладила тянувшиеся к ней бархатистые морды, восхищалась грациозными линиями и крепкими мускулистыми формами. Даже ее неопытному взгляду было ясно, что перед ней одни из лучших лошадей Англии.

Разговаривая с Хэмишем, Гэрри следил за ней, несколько приободренный ее благоговейным восхищением. Дойдя до конца ряда, она повернулась и увидела, что он смотрит на нее. Чуть задрав носик, она направилась к нему.

— Так мы выставяем кобылу?

Гэрри неохотно перевел взгляд на лицо Хэмиша. Его главный конюх также следил за Люсиндой Бэббакум, но не с восхищением, какого она заслуживала, а, скорее, с ужасом. Когда Люсинда подошла ближе, Гэрри протянул руку, и она тут же положила пальчики на его рукав.

— Да, если ее нога зажила.

— Хорошо. — Хэмиш почтительно поклонился Лкэсинде. — Похоже, зажила. Только хорошая пробежка покажет. Я велел жокею просто не мешать ей бежать. Нет смысла выжимать из нее все, пока она еще слаба.

Гэрри согласился:

— Я сам поговорю с ним.

Хэмиш кивнул и исчез с живостью человека которого нервируют любые особы женского пола, если только это не лошади.

Подавив усмешку, Гэрри вопросительно приподнял бровь.

? Мне показалось, что вы обещали не отвлекаться на лошадей?

Она уверенно и спокойно взглянула на него.

? Тогда вам не следовало показывать своих. Это самые прекрасные лошади, каких я когда-либо видела.

Гэрри не смог подавить улыбку.

? Но вы еще не видели лучших. Эти — двух — и трехлетки. На мой взгляд, старшие более грациозны. Пойдемте, я покажу вам.

Она с готовностью согласилась пройти к ряду денников напротив и искренне и даже с некоторым почтением стала восхищаться их обитателя — жеребцами и кобылами. Гнедой жеребец в конце ряда доверчиво перегнулся через низкую дверь стойла, чтобы обнюхать карманы Гэрри.

— Это старина Крибб — настойчивый, дьявол. Все еще бегают с лучшими, хотя спокойно мог бы уйти на заслуженный отдых и почивать на лаврах.

Люсинда погладила морду жеребца, а Гэрри прошел к бочонку у стены.

— Вот, — сказал он, возвращаясь, — покормите его.

Люсинда взяла три сушеных яблока и засмеялась, когда Крибб осторожно слизал их с ее ладони.

Гэрри поднял глаза и увидел Долиша, замороженно замершего на пороге сбруйной. Оставив Люсинду с Криббом, Гэрри подошел к нему.

— В чем дело?

Теперь, правда, стало ясно, что Долиш таращится на его спутницу, а не на него.

— Господи милостивый, это случилось!

Гэрри нахмурился.

— Вздор!

Долиш жалостливо посмотрел на него.

— Вздор, говорите? Вы сознаете, что это первая женщина, которой вы вообще показываете своих лошадей?

— Это первая женщина, которая проявила к ним интерес, — надменно заявил Гэрри.

— Ха! Можете складывать оружие, хозяин: вы — конченный человек.

Гэрри обратил глаза к небу.

— Если хочешь знать, она никогда прежде не была на скачках и ей стало любопытно... вот и все.

— Ха-ха. Это вы говорите. — Долиш бросил долгий разочарованный взгляд на стройную фигуру у денника Крибба. — А я говорю, что вы можете придумывать любые оправдания, вывод будет тем же.

Печально качая головой и бормоча что-то себе под нос, Долиш удалился в сбруйную.

Гэрри не знал, смеяться или сердиться. Он оглянулся на женщину, нежно разговаривающую с его любимым жеребцом. Если бы не тот непреложный факт, что скоро они окажутся в окружении множества людей, он, возможно, и согласился бы разделить пессимизм своего преданного слуги. Но пока они остаются на виду у толпы, он в относительной безопасности.

Гэрри подошел к Люсинде.

— Если мы сейчас покинем конюшню, то успеем к первой скачке.

Она улыбнулась, соглашаясь, и положила ладонь на его руку.

— Та лошадь, о которой вы говорили, Пушинка, — она бежит сейчас?

Гэрри улыбнулся и покачал головой.

— Нет, во второй скачке.

Люсинда заглянула в его глаза, силясь понять, что он чувствует и о чем думает, и утонула в их зеленом море. Его губы дрогнули, и он отвернулся. Они вышли на яркий солнечный свет.

— Ваша тетя упоминала, что вы управляете конезаводом.

— Да, конезаводом Лестеров.

Ободренный ее интересом, Гэрри стал рассказывать о трудностях и успехах своего предприятия. Хотя он и не сказал этого прямо, Люсинда догадалась, что конезавод не только процветал, но и был главным делом его жизни.

Они подошли к тентам, окружающим скаковой круг, когда скакунов, участвующих в первом забеге, вывели к стартовому барьеру. Все, что Люсинда могла разглядеть, — это море зрителей, сосредоточившихся на происходящем.

— Пройдемте на трибуну, оттуда вы сможете все увидеть.

Мужчина в полосатом жилете охранял вход на огороженное канатами пространство перед большой деревянной трибуной. Люсинда заметила, что, настойчиво требуя билеты у других опоздавших, он только улыбнулся и кивнул Гэрри, пропуская их. Гэрри помог ей подняться по крутым ступенькам у края досок, служивших скамьями, но не успели они найти свободные места, как протрубил рог.

— Стартовали. — Слова Гэрри эхом отозвались в сотне возгласов вокруг них; зрители дружно подались вперед, вытянув шеи.

Люсинда послушно повернулась и увидела, как лошади плотной стеной помчались по скаковой дорожке, издали она не могла различить отдельных животных. Настроение толпы — с каждой секундой возраставшее возбуждение — передалось и ей, ее дыхание участилось, и она полностью сосредоточилась на скачке. Когда победившая лошадь промелькнула мимо финишного столба и жокей высоко вскинул хлыст, Люсинде словно передалась его радость.

— Хорошая скачка, — заметил Гэрри, не отрывая взгляд от лошадей и всадников, медленно возвращавшихся к загону.

Люсинда воспользовалась моментом, чтобы изучить его лицо. Он был увлечен своими наблюдениями, зеленые глаза оценивали, рассчитывали. На мгновение она увидела его лицо незащищенным, забывшимся. Это было лицо человека, несмотря на развлечения, предлагаемые жизнью, абсолютно преданного выбранному пути.

Он повернул голову. Их глаза встретились, оказавшись на одном уровне, поскольку он стоял на ступеньку ниже. Он молчал, затем его губы чуть скривились. Люсинда подавила дрожь волнения.

Гэрри указал рукой на запруженные зрителями лужайки ипподрома:

— Если вы действительно хотите почувствовать, что такое скачки, вам придется прогуляться.

Люсинда склонила голову, принимая приглашение.

— Ведите, мистер Лестер, я всецело в ваших руках.

Его брови дернулись, но Люсинда изобразила непонимание. Опершись о его руку, она спустилась с трибуны.

— Жокейский клуб арендует трибуну для своих членов, — сообщил Гэрри, когда она оглянулась.

Значит, он — известный член клуба. Даже Люсинда слышала о преимуществах членства в Жокейском клубе.

— Понимаю. Скачки проводятся под покровительством клуба?

— Вы правы.

Он медленно провел ее сквозь толпу. Люсинда испытывала искреннее любопытство: ей хотелось все увидеть; понять, какие чары влекут всех этих джентльменов в Ньюмаркет, поскольку те же самые чары влекут и Гэрри Лестера.

Он провел ее к букмекерам, окруженным плотными кольцами игроков, жаждущих сделать ставки. Они прошли перед тентами и павильонами. Снова и снова их останавливали знакомые Гэрри, желающие обменяться с ним парой слов. Люсинда приготовилась к обороне, но встречала лишь вежливые и почтительные взгляды. Все, кто останавливался поговорить с ними, были обезоруживающе учтивы. Несмотря на это, она не испытывала никакого желания оставить руку Гэрри, потерять чувство безопасности, которое давала его близость. В толпе мужчин ей было невыразимо спокойно чувствовать Гэрри Лестера рядом с собой. Люсинда обнаружила, что кроме нее на ипподроме присутствуют и другие дамы.

— Некоторые леди действительно интересуются скачками, обычно — более пожилые, — объяснил Гэрри, смягчившийся в привычной обстановке. — У некоторых молодых дам — обоснованный интерес: у их семейств, как и у моего, давние связи со скаковым бизнесом.

Однако здесь присутствовали и другие дамы, о которых он не считал нужным упомянуть и которые, как подозревала Люсинда, вряд ли имели право называться «леди». В общем и целом ипподром представлял собой сугубо мужскую территорию. Территорию, на которой присутствовали все типы мужского населения. Люсинда быстро уверилась в том, что у нее никогда больше не хватит смелости и не возникнет желания появиться здесь... разве что в сопровождении Гэрри Лестера.

— Вот-вот начнется следующая скачка. Я должен поговорить с жокеем Пушинки.

Люсинда кивнула и взглядом выразила намерение пойти вместе с ним.

Гэрри коротко улыбнулся ей и стал сосредоточенно прокладывать дорогу сквозь толпу к загону, где седлали лошадей.

— Она очень оживлена, сэр, — снисходительно объяснил жокей, садясь в седло. — Но конкуренция сильная. Бежит Джонкиль — кобыла из конюшен Хералда. И Неудержимый тоже. И некоторые другие опытные скакуны. Будет настоящее чудо, если она победит, тем более с только что зажившей ногой.

Гэрри кивнул.

— Просто позволь ей бежать так, как она сама захочет. Будем считать это испытанием, не более. Не подгоняй ее, и никакого хлыста.

Люсинда отошла погладить бархатистую морду лошади. Огромный темно-коричневый добрый глаз смотрел на нее понимающе.

Люсинда усмехнулась и ласково заговорила с кобылой:

— Они безнадежны, не так ли? Но ты же не будешь их слушать? Мужчины славятся тем, что ничего не понимают в женщинах. Им не следует быть такими самонадеянными. — Краем глаза она заметила, что Гэрри переглянулся с усмехнувшимся жокеем. — Ты просто выйдешь и победишь в этой скачке. Тогда посмотрим, что они скажут. Увидимся на почетном кругу для победителей.

Последний раз погладив кобылу, Люсинда повернулась и, не обращая внимания на выражение лица Гэрри, позволила ему отвести себя обратно на трибуну.

Он нашел места в третьем ряду, почти напротив финишного столба. Люсинда наклонилась вперед, увлеченно разглядывая лошадей, рысью приближавшихся к барьеру, и помахала, когда появилась Пушинка.

Гэрри, следивший за ней, рассмеялся.

— Она победит, вот увидите. — И Люсинда уселась на скамью, уверенная и довольная собой.

Однако, когда прозвучал стартовый рог и барьер опустился, она снова наклонилась вперед, напряженно ища среди скачущих лошадей цвета Гэрри — зеленый и золотой. Она так увлеклась, что, когда соперники огибали поворот, не заметила, как вскочила на ноги вместе со всеми остальными зрителями. Наконец лошади вылетели на финишную прямую, в их цепочке образовалась брешь, в которую и рванулась Пушинка.

? Вон она! — Люсинда схватила Гэрри за руку. Только глубоко укоренившиеся правила приличий не позволили ей запрыгнуть на месте. — Она побеждает!

Гэрри был слишком поглощен скачкой и не ответил.

На середине финишной прямой Пушинка еще больше удлинила шаг, будто взлетела над скаковой дорожкой и молнией промчалась мимо Финишного столба.

— Она победила! Победила! — Люсинда схватила Гэрри за обе руки и только что не танцевала. — Я же говорила вам, что она победит!

Более привычный к победному восторгу, Гэрри смотрел сверху вниз на ее счастливое, улыбающееся лицо, светящееся той же радостью, какую испытывал он сам, когда первой к финишу приходила одна из его лошадей. И он чувствовал, что улыбается так же восторженно, хотя чуть более сдержанно.

Люсинда отвернулась от него и увидела, как Пушинку уводят со скаковой дорожки.

— Мы можем сейчас пройти к ней?

— Конечно. — Гэрри локтем крепко прижал ее руку к себе. — Ведь вы обещали встретить ее на почетном кругу для победителей, помните?

— А дам туда пускают?

— Особого запрета нет, а вообще-то я думаю, что председатель скакового комитета будет счастлив познакомиться с вами.

Люсинда подозрительно взглянула на него, он засмеялся и повел ее сквозь толпу. Как только они покинули трибуну, оставив позади членов клуба, наперебой поздравлявших их, дорожка перед ними расчистилась, приведя прямо к загону, где терпеливо ждала Пушинка. Ее блестящая шкура слегка дрожала, но она совершенно не устала от стремительной скачки.

Как только Люсинда выскользнула из толпы, кобыла дернула головой в ее сторону, натянув поводья. Под снисходительным взглядом Гэрри, Люсинда поспешила к Пушинке и принялась ласкать ее, выражая похвалу.

— Ну, Лестер! Еще один трофей на вашу каминную полку. Удивительно, что она до сих пор не рухнула под их тяжестью.

Гэрри повернулся к президенту Жокейского клуба и председателю скакового комитета, оказавшемуся рядом с ним. В руках председатель держал приз в виде золоченой женской фигурки.

— Замечательная победа, действительно замечательная.

Пожимая ему руку, Гэрри кивнул.

— Особенно если учесть, что ее нога только что зажила. Я даже не был уверен, стоит ли ей участвовать в скачке.

— Рад, что вы решились. — Президент смотрел на лошадь и стоявшую рядом с ней женщину. — Хороший экстерьер.

Гэрри прекрасно понял, что лорд Норидж говорит не о кобыле.

— Действительно, — сухо ответил он. Лорд Норидж, знавший его с детства, удивленно приподнял брови.

Взглянув на статуэтку, Гэрри убедился, что позолоченная дама одета вполне прилично, и кивнул на Люсинду.

— Миссис Бэббакум вдохновила Пушинку на эту победу. Возможно, она согласится принять награду от моего имени?

— Прекрасная идея! — Лорд Норидж, сияя, направился к Люсинде.

Пережив сильное волнение и теперь охваченная счастьем, Люсинда не замечала жадного интереса окружающих. Лорда Нориджа, однако, невозможно было проигнорировать. Гэрри подошел и встал рядом, успокаивая ее сомнения. Лорд Норидж произнес краткую речь, восхваляя кобылу и конюшни Гэрри, затем галантно преподнес статуэтку... Люсинде.

Та удивленно взглянула на Гэрри, он улыбнулся и кивнул.

Полная решимости оказаться на высоте положения, она грациозно поблагодарила его светлость.

— Довольно, довольно. — Лорд был сражен красотой и изяществом манер стоящей перед ним женщины. — Нам явно не хватает задорных кобылок на дорожке.

Люсинда озадаченно замигала, не зная, как воспринимать его замечание.

Гэрри схватил ее за локоть и подтянул к себе, затем кивнул своему конюху:

— Уведи лошадь в конюшню.

Пушинку, бросившую долгий взгляд на Люсинду, увели. Лорд Норидж и остальные присутствующие отвернулись, уже увлеченные новой скачкой.

Люсинда огляделась, еще не избавившись от счастливого волнения, затем подняла глаза.

Гэрри улыбнулся.

— И примите мою сердечную благодарность, дорогая. За ваше колдовство.

Люсинда встретила его взгляд... и затаила дыхание.

— Не было никакого колдовства.

Она почувствовала его пальцы на своих, он поднял ее руку и поднес к губам. От прикосновения его губ долгая дрожь пробежала по ее спине, оставляя странный теплый след. Люсинда прикрыла глаза, рассеивая чары, и попыталась восстановить обычное самообладание. А затем вручила ему статуэтку, с вызовом встретив его взгляд.

Он взял статуэтку в свободную руку, не отводя глаз.

Они стояли в центре почетного круга для победителей, всеми забытые и сами забывшие о времени и месте. Мужчины толпились вокруг, не касаясь их. Люсинда и Гэрри стояли близко, так близко, что узкая оборка платья Люсинды касалась длинного лацкана сюртука Гэрри. Он почувствовал трепет оборки, когда дыхание Люсинды участилось, но забыл обо всем, утопая в туманно-голубом озере ее глаз. Он смотрел, как они распахиваются, темнеют. Ее губы смягчились, раскрылись... Лиф платья прижался к его сюртуку.

Его голова начала медленно опускаться...

Вдруг проснулось благоразумие, и он с трудом взял себя в руки.

Господи милостивый! Они же стоят посреди круга для победителей в Ньюмаркете!

Потрясенный до глубины души, Гэрри сделал глубокий вдох. Он оторвал взгляд от лица Люсинды, заметив испуг, появившийся в ее глазах, нежный румянец, окрасивший ее щеки, и

огляделся. Никто, слава Богу, не смотрел на них.

С сильно бьющимся сердцем он крепко взял ее за локоть и понял, что должен действовать, если хочет спастись.

— Если вы насмотрелись на скачки, я отвезу вас к Эм... она уже, наверное, удивляется, куда вы исчезли.

Люсинда согласно кивнула. Скучающий вид Гэрри и его медлительная речь не оставили ей выбора. Она чувствовала... она не знала, что она чувствовала: потрясение, несомненно, но также обиду и печаль. Однако, видя его желание уехать, она не могла спорить.

Им пришлось еще выдержать многочисленные поздравления. Их постоянно останавливали, многие хотели похвалить Пушинку.

Гэрри встречал препятствия со всем возможным терпением, хотя единственным его желанием было бежать. С ней. Но это было невозможно. Она — его поражение, его Ватерлоо.

С этого момента каждый взгляд на ее лицо будет подобен взгляду в дуло заряженного пистолета. Даже хуже. Ему грозит мучительное рабство.

Если в нем осталась хоть капля здравого смысла, он не должен смотреть на нее слишком часто.

Люсинда почувствовала его отстраненность, тщательно скрываемую под светской учтивостью. Он избегал ее озадаченных взглядов.

Наконец они вышли из толпы и в молчании вернулись к конюшням. Он поднял ее в свою двуколку и сел рядом, сохраняя все то же замкнутое выражение лица.

Так же молча они доехали до Хэллоуз-Холла. Гэрри смотрел только на лошадей, как бы воздвигнув между собой и Люсиндой невидимую стену, которую она не пыталась преодолеть.

Когда он остановил двуколку у парадного входа и снял ее с сиденья, тут же опустив руки, она задержалась перед ним.

— Благодарю вас за очень... содержательное утро, мистер Лестер.

Он скользнул по ней взглядом и отступил на шаг.

— Счастлив был угодить вам, миссис Бэббакум. — Он поклонился с врожденной грацией. — А теперь я должен попрощаться.

Удивленная Люсинда смотрела, как он садится в двуколку.

— Разве вы не останетесь к ленчу? Я уверена, что ваша тетя была бы в восторге.

Уже держа в руках вожжи, Гэрри глубоко вздохнул и заставил себя взглянуть ей в глаза.

— Нет.

Слово повисло между ними. Гэрри почувствовал, как она затаила дыхание, когда до нее дошел смысл его безоговорочного отказа. Но так лучше, безопаснее. Необходимо задавить это чувство в зародыше, пока оно не расцвело и не поглотило его. Безопаснее как для нее, так и для него.

Но в ее глазах не было понимания опасности, которую он прекрасно сознавал. Нежные и лучистые глаза смотрели на него с удивлением и обидой.

Его губы дернулись в горькой улыбке.

— Я не могу.

И это все объяснение, какое он мог ей дать. Лошади сорвались с места, и двуколка быстро исчезла из вида.

Глава пятая

Прошло три дня. Люсинда не смирилась с его отказом. Она сидела в плетеном кресле в солнечном зимнем саду, лениво втыкая иголку в вышивание, но мысли ее были заняты совсем другим. Хетер, в сопровождении Сима, отправилась на верховую прогулку с Джеральдом. Эм где-то в саду наблюдала за посадкой цветов на новой клумбе. Люсинда была одна, предоставленная своим мыслям, в которых не могла найти ничего утешительного.

Она сознавала свою неопытность в подобных делах, однако в глубине души была непоколебимо уверена в том, что нечто необыкновенное и желанное случилось между нею и Гэрри Лестером.

Он чуть не поцеловал ее прямо на кругу для победителей.

Тот момент, полный несбывшейся надежды, четко отпечатался в ее памяти. Едва ли она могла винить Гэрри за отступление. Однако оно было таким полным, что она чувствовала себя незаслуженно оскорбленной. Его прощальные слова сбивали с толку. Она не могла ошибиться в толковании его «нет». Его «не могу» ставило в тупик.

С тех пор он не приезжал. Только благодаря Джеральду, часто появлявшемуся в доме, она знала, что Гэрри еще в Ньюмаркете. Вероятно, ей полагалось верить, что он слишком занят своими скакунами и не может уделять время ей.

Усмехнувшись про себя, Люсинда воткнула иголку в полотно. Может, она недовольна потому, что, будучи деловой женщиной, не терпит, когда ее обсчитывают. Но время шло, и она не могла вечно оставаться в Хэллоуз-Холле. Совершенно очевидно, что, если она хочет проверить свои возможности, необходимо взять дело в свои руки.

Но как?

Пять минут спустя вошла Эм. Подол ее старого платья был заляпан землей, в руке она держала пару толстых перчаток.

— Уф! — Упав в кресло, отделенное от Люсинды маленьким столиком, Эм откинула со лба прядь седеющих волос. — Дело сделано! — Она искоса взглянула на гостью. — Вы выглядите очень трудолюбивой... как жена, я бы сказала.

Люсинда улыбнулась, не отрывая глаз от вышивания.

— Скажите мне, — задумчиво спросила Эм, — вы когда-нибудь думали о новом замужестве?

Иголка Люсинды замерла, она подняла глаза, но не на свою хозяйку, а на сад за высокими окнами.

— До недавнего времени нет, — наконец сказала она и вернулась к работе.

Эм с решительным блеском в глазах изучала ее склоненную голову.

— Да, ну... так и случается. Вдруг возникает мысль и уже остается. — Неопределенно взмахнув рукой, она продолжила: — Правда, с вашими данными вам не следует беспокоиться. Когда приедете в Лондон, у вас будет хороший выбор: множество красавцев выстроится в очередь, желая надеть обручальное кольцо на ваш пальчик.

Люсинда скосила на нее глаза.

— С моими данными?

Эм еще выразительнее взмахнула рукой.

— Происхождение, например. В нем нет ничего предосудительного, даже учитывая, что

от ваших родителей отреклись родственники. Все равно в ваших жилах течет кровь ваших дедушек и бабушек, а только это волнует высший свет. В действительности Гиффорды имеют такие же связи, как Лестеры.

— Неужели? — настороженно взглянула на нее Люсинда.

Эм увлеченно продолжала:

— Кроме того, богатство. Ваше наследство удовлетворит самых требовательных. А вы сами... у вас есть стиль и нечто, что не поддается объяснению, но немедленно бросается в глаза. Увидев вас, светские дамы тут же вступят в борьбу за право пригласить вас к себе.

— Но мне двадцать восемь лет.

При этом откровенном признании Эм повернула голову и уставилась на свою гостью.

— Ну и что?

— Такой возраст, как я подозреваю, может охладить лондонских претендентов.

Эм продолжала таращиться на нее, затем расхохоталась.

— Чепуха, дорогая! Бомонд кишит джентльменами, которые избегают брака только потому, что не переваривают ясноглазых девиц. — Эм фыркнула. — У большинства из них больше волос, нежели мозгов, поверьте мне. — Она снова умолкла, изучая профиль Люсинды, затем добавила: — Очень многие мужчины, моя дорогая, предпочитают более опытных женщин.

Люсинда подняла глаза... встретила взгляд Эм, и легкий румянец медленно разлился по ее щекам.

— Да, ну... это другое дело. — Она отвернулась к окнам, собираясь с духом. — Но у меня его нет. Опыта, я имею в виду.

Эм вытаращила глаза.

— Нет?

— Мой брак нельзя назвать настоящим браком... Чарльз просто спас меня от ненавистного замужества. — Люсинда нахмурилась, опустив глаза на свое вышивание. — Должно быть, вы помните, что мне было всего шестнадцать, когда я вышла замуж, а Чарльзу — около пятидесяти. Он был очень добр. Мы были друзьями. Ничего больше, — тихо добавила она и, распрямившись, потянулась за ножницами. — Жизнь, боюсь, прошла мимо меня.

— Я... понимаю. — Эм по-совиному замигала, уставившись на носки своих рабочих туфель, выглядывавших из-под грязного подола. Широкая улыбка медленно расплылась по ее лицу. — А вы знаете, ваша... неопытность вовсе не препятствие, по крайней мере не в вашем случае. На самом деле, — глаза Эм засверкали, — это может быть даже преимуществом.

Теперь Люсинда озадаченно посмотрела на нее.

— Видите ли, вам стоит подумать об этом с точки зрения вашего будущего мужа. Он видит перед собой зрелую, опытную женщину, здравый смысл которой позволяет вести дом и семью, и в то же время... — Эм сделала паузу и взмахнула рукой, — он получает все, что есть у юной девушки. Если вы не покажете вашу невинность, но позволите ему... — она снова сделала неопределенный жест, подбирая слова, — натолкнуться на нее в нужный момент, я уверена, он будет в совершенном восторге. — И, хитро взглянув на Люсинду, она добавила: — Я уверена, что Гэрри точно был бы в восторге.

Люсинда прищурилась и внимательно посмотрела на хозяйку дома, затем, снова уткнувшись в вышивание, спросила:

— Он когда-нибудь проявлял интерес к браку?

— Гэрри? — Эм выпрямилась. — Я не слышала, но у него и не было необходимости: с Джеком впереди и Джеральдом позади. Джек собирается жениться... я только что получила приглашение на свадьбу. Так что Гэрри вряд ли думает о золотых кольцах и белых нарядах... у него нет пока побудительной причины.

— Побудительной причины?

— Хм. Часто джентльмены его породы не желают связывать себя узами брака, пока предоставляемые им преимущества не станут столь очевидными, что даже они не могут их игнорировать. — Эм улыбнулась. — Конечно, во всем виноваты доступные женщины. Угождают им, выполняют все их плотские желания... без всяких обязательств.

— Я подозреваю, что потребуется очень мощный стимул, чтобы Гэрри действительно захотел жениться, — осторожно проговорила Люсинда. «Нет» Гэрри все еще звучало в ее ушах.

— Конечно. Гэрри — мужчина до мозга костей. И один из самых упрямых, не сомневайтесь. Всю жизнь он лишь удовлетворял жажду наслаждений... вряд ли он добровольно изменится. Но это ни в коем случае не должно вас останавливать.

Люсинда подняла голову и встретила в старых глазах Эм море понимания. Она колебалась лишь мгновение.

— Почему не должно?

— Потому что, на мой взгляд, у вас в руках самое мощное оружие — единственное, которое может подействовать. — Эм выпрямилась и проницательно посмотрела на Люсинду. — Вопрос в том, хватит ли у вас смелости воспользоваться им?

Люсинда долго смотрела на Эм, затем перевела взгляд на сады. Эм терпеливо смотрела на нее — гибкую, темноволосую, со спокойным, непроницаемым лицом, отстраненным взглядом, со сложенными на коленях руками. Наконец голубые глаза медленно повернулись к Эм.

— Да, — сказала Люсинда со спокойной решимостью. — Хватит.

Эм восхищенно усмехнулась.

— Хорошо! Первое, что вы должны понять, — он будет сопротивляться изо всех сил. Он не покорится быстро... этого вы не должны ожидать.

Люсинда нахмурилась.

— Значит, мне придется примириться не только с этим... — теперь настала ее очередь жестикулировать в поисках подходящих слов, — с этой неопределенностью?

— Несомненно, — объявила Эм. — Но вы не должны отступать от поставленной цели. И вашего плана.

— Плана?

Эм кивнула.

— Понадобится искусная кампания для того, чтобы поставить Гэрри на колени.

Люсинда не смогла сдержать улыбку.

— Колени?

— Конечно.

Склонив голову, Люсинда рассматривала свою непредсказуемую хозяйку.

— Что вы понимаете под словом «искусная»?

— Ну... — Эм поудобнее устроилась в кресле, — например...

— Добрый вечер, Фергюс.

— Добрый вечер, сэр.

Гэрри позволил тетушкиному дворецкому освободить себя от пальто, затем вручил ему перчатки и повернулся к зеркалу над столиком.

— Мои брат здесь?

— Господин Джеральд приехал полчаса назад. В своем новом фаэтоне.

Уголки губ Гэрри дернулись.

— Ах да... его последнее приобретение.

Он сделал почти неуловимые исправления в складках жесткого белого галстука.

— Ваша тетя будет счастлива видеть вас, сэр.

Гэрри встретил взгляд Фергюса в зеркале.

— Несомненно. — Он опустил веки, полуприкрыв глаза. — Кто еще здесь?

— Сэр Генри и леди Далримпл, сквайр Моффат и миссис Моффат, мистер Баттеруорт, мистер Херст и обе мисс Пинкертон. — Гэрри стоял как вкопанный, прикрыв глаза, с непроницаемым лицом. Фергюс добавил: — И конечно, миссис Бэббакум и мисс Бэббакум.

— Конечно.

Восстановив поколебленное на мгновение душевное равновесие, Гэрри поправил золотую булавку в галстуке и направился к двери гостиной. Фергюс поспешил открыть ее и объявил о приходе Гэрри.

Гэрри вошел в гостиную и тут же встретил взгляд Люсинды. Ей не хватило опыта скрыть произвольную реакцию. Она разговаривала с мистером Херстом, джентльменом-фермером, которого Эм, как подозревал Гэрри, давно наметила жертвой своей мании сватовства. Гэрри остановился у самой двери.

Люсинда улыбнулась из другого конца комнаты — вежливой радушной улыбкой — и отвернулась к мистеру Херсту. Гэрри, поколебавшись, с ленивой светской учтивостью направился к тете, восседавшей на диване в царственном пурпурном платье.

— Дорогая тетя, — сказал он, изящно склоняясь над ее рукой.

— Не знала, приедешь ли ты, — победоносно ухмыльнулась Эм.

Гэрри, не обратив внимания на ее слова, кивнул даме, сидящей рядом с тетей:

— Миссис Моффат.

Он был знаком со всеми, кого Эм соизволила пригласить... просто не ожидал, что она их пригласит. Сегодня закончилась неделя скачек. После финальных утренних состязаний все джентльмены должны были вернуться в Лондон. Несмотря на то что тетино приглашение на обед не выглядело необычным, Гэрри долго размышлял перед тем, как принять его. Только уверенность в том, что миссис Бэббакум вскоре вернется в Йоркшир и окажется вне пределов его досягаемости — поскольку он собирался отправиться в Лестер-Холл в Беркшире, — убедила его приехать. И еще желание снова увидеть эту красивую женщину, заглянуть в ее голубые с поволокой глаза — в последний раз.

Он ожидал обеда с тетей, братом и тетиными гостями — больше ни с кем. Теоретически нынешняя ситуация, не располагавшая к уединению, должна была его успокоить. В действительности произошло обратное.

Бросив взгляд на темную головку миссис Бэббакум, он покинул тетю и отправился к сэру Генри Далримплу, беседующему с мистером Моффатом. Джеральд и Хетер Бэббакум болтали у окна с леди Далримпл. Обе мисс Пинкертон, закоренелые старые девы, далеко за тридцать, разговаривали с мистером Баттеруортом, секретарем сэра Генри.

Взгляд Гэрри задержался на Люсинде, одетой в изящное платье из голубого струящегося шелка и оживленно беседующей с мистером Херстом. Если она и почувствовала его взгляд, то виду не показала.

— Ах, Лестер, приезжали на скачки, как я полагаю? — просиял сэр Генри.

Сквайр Моффат добродушно хмыкнул.

— Вряд ли что-то еще могло занести вас в эти края.

— Действительно. — Гэрри пожал им руки.

— Видел, как ваша кобылка победила во второй скачке — прекрасный забег, — сказал сэр Генри с отсутствующим взглядом, предполагавшим, что он вновь переживает те мгновения. Затем он очнулся. — Но скажите, что вы думаете о шансах Большого Хулигана в стипль-чезе?

Последовавшая дискуссия о последнем приобретении герцога Ратленда занимала лишь часть внимания Гэрри. Остальная же часть была сосредоточена на прекрасной соблазнительнице, явно не замечавшей его.

На самом деле Люсинда чувствовала его косые взгляды, но прилежно их игнорировала, твердо придерживаясь инструкций Эм. Она болтала, сама не зная о чем, со словоохотливым мистером Херстом. К счастью, мистер Херст, увлеченный звучанием собственного голоса — мягкого баритона, — не замечал ее озабоченности.

Пытаясь сосредоточиться на его словах, Люсинда стойко подавляла растущее желание взглянуть на Гэрри Лестера. С того момента, как он появился в дверях, одетый в элегантнейший строгий черный фрак, сверкая золотом волос, ее чувства не повиновались ей, а сердце готово было выскочить из груди.

Эм предупредила, что Гэрри не примет приглашение, если не захочет приехать. Но он приехал, и ей казалось, что она выиграла — пусть не первое сражение, но по меньшей мере первую открытую схватку.

Люсинда так мучительно ощущала его присутствие, что, когда он оставил сквайра Моффата и сэра Генри и лениво направился в ее сторону, ей пришлось сжать кулаки, чтобы остановить себя и не повернуться к нему.

Когда он поравнялся с ней и положил кончики пальцев на ее обнаженную руку, глаза Люсинда широко распахнулись. Однако, когда она с улыбкой повернулась к нему, на ее лице не было и намека на волнение.

— Добрый вечер, мистер Лестер.

Гэрри улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, и медленно поднял ее руку к губам. Ее пальцы задрожали и замерли.

— Я искренне надеюсь на это, миссис Бэббакум.

Люсинда приняла его приветствие с непоколебимым спокойствием, но убрала свои покалывающие пальцы, как только он ослабил хватку.

— Думаю, вы знакомы с мистером Херстом?

— Конечно. Привет, Херст, — Гэрри обменялся кивками с Пелэмом Херстом, которого считал напыщенным дураком. Херст был на год его старше, и они знали друг друга с детства, но, будучи полными противоположностями, никогда не дружили. Как будто подтверждая то, что с годами он мало изменился, Херст пустился в перечисление нововведений, которые он осуществил в своем хозяйстве. Гэрри только удивлялся, как Пелэм надеется заинтересовать его, когда рядом такая красotka, как Люсинда Бэббакум. Однако Пелэм продолжал тараторить. Гэрри нахмурился. Почти невозможно было смотреть

на лицо Люсинды Бэббакум, пока Херст бомбардировал его подробностями севооборота. Воспользовавшись редким моментом, когда Пелэм замолчал, чтобы перевести дух, Гэрри повернулся к Люсинде:

— Миссис Бэббакум...

Она взглянула в его сторону и радушно улыбнулась... но глаза скользнули мимо.

— Добрый вечер, мистер Баттеруорт.

Гэрри на мгновение закрыл глаза, затем заставил себя отойти на шаг и позволил Джеральду и Николасу Баттеруорту подойти и поклониться. Мужчины и Хетер Бэббакум присоединились к их беседе.

Он потерял все шансы отвлечь свою жертву. Мысленно скрежеща зубами, Гэрри стоял рядом с ней. Он знал, что ему следует отойти и поговорить с девицами Пинкертон, но извинил себя за нарушение этикета, вспомнив, что всегда заставлял их нервничать.

Люсинда чувствовала себя крайне неуверенно. Когда первая дрожь пробежала по ее спине, она не сразу поняла ее причину. Но когда несколько мгновений спустя почувствовала покалывание в груди, хмуро скосила глаза.

Гэрри встретил ее взгляд слегка вопросительно и совершенно невинно. Люсинда приподняла брови и вернулась к общей беседе. После этого она упорно игнорировала свои ощущения, вернее, старалась их игнорировать. И с облегчением восприняла появление Фергюса и его величественное объявление, что обед подан.

— Вы позволите проводить вас в столовую, миссис Бэббакум? — Пелэм Херст, неискоренимо самоуверенный, предложил ей сильно помятый рукав.

Люсинда улыбнулась и уже готова была принять предложение, когда медлительный голос отрезал ей все пути к отступлению.

— Боюсь, Херст, что опередил вас, — улыбнулся Гэрри своему давнишнему знакомому. Улыбка совершенно не смягчила выражения его глаз. — На много дней вперед.

С этими словами Гэрри перевел вызывающий взгляд на лицо Люсинды.

Люсинда ответила ему спокойной улыбкой.

— В самом деле. — Она подала Гэрри руку и позволила положить ее на рукав, а затем, повернувшись к Херсту, объяснила: — Мистер Лестер помогал нам. Не знаю, как бы мы выбрались из перевернутой кареты, если бы он случайно не оказался рядом.

Это замечание неумолимо привело Пелэма к озабоченным вопросам о случившемся. Поскольку обе мисс Пинкертон уже ушли в столовую, старательно избегая любого мужского эскорта, Херст мог идти рядом с Люсиндой, которую вел Гэрри.

К тому времени как Гэрри уселся за стол рядом с очаровательной миссис Бэббакум, его нервы были на пределе.

Но испытания Гэрри на этом не закончились. Леди Далримпл, сердобольная душа, давно оплакивавшая его холостяцкое состояние, села слева от него. Что еще хуже, сестры Пинкертон уселись напротив, настороженно следя за ним, как за потенциально опасным зверем.

Гэрри не был уверен, ошибаются ли они.

Не обращая внимания на окружающих его людей, он повернулся к своей прекрасной соседке:

— Смею ли я надеяться, что вы довольны результатами вашего визита в Ньюмаркет, миссис Бэббакум?

Люсинда мельком взглянула на него и убедилась, что в вопросе скрыт некий подтекст.

— Не совсем, мистер Лестер. Я не могу не чувствовать, что некоторые дела можно с сожалением считать незаконченными. — Она снова встретила его взгляд и позволила своим губам слегка растянуться в улыбке. — Это не касается мистера Блаунта, он справится.

Гэрри прищурился, смягчая напряженность своего взгляда.

С нежной улыбкой Люсинда отвернулась к мистеру Херсту, потребовавшему ее внимания. Она успешно сопротивлялась сильнейшему желанию взглянуть на Гэрри, пока не убрали второе блюдо. Невыразимо элегантный и явно расслабившийся, он лениво развлекал леди Далримпл.

В этот момент миссис Моффат обратилась к леди Далримпл за подтверждением какого-то замечания. Гэрри повернул голову и встретил подчеркнуто спокойный взгляд Люсинды.

В ответ он холодно приподнял брови:

— Ну, дорогая, что же это будет? Погода необыкновенно скучна, вы ничего не понимаете в лошадях, а относительно того, что я хотел бы обсудить с вами, так я совершенно уверен в вашем неодобрении.

Атака... и мстительная атака. Блеск его глаз не оставлял сомнений, и Люсинда внутренне задрожала, но спокойно улыбнулась.

— Вот в этом вы ошибаетесь, мистер Лестер. — Она выдержала театральную паузу и продолжила, не отводя глаз: — Я очень хочу услышать о Пушинке. Она еще в городе?

Он сидел так спокойно, что Люсинда почувствовала трудности с дыханием. Затем одна его бровь медленно поднялась, но глаза остались суровыми и пронизательными.

— Нет... она уже на пути домой, на мой конезавод.

— Ах, да... это в Беркшире, не так ли?

Гэрри наклонил голову, не доверяя своему голосу. Краем глаза он заметил, что девицы Пинкертон, странно чувствительные к атмосфере за столом, напряглись, переглянулись и хмуро уставились на него.

Леди Далримпл перегнулась к Люсинде:

— Мне так жаль, что вас не будет на моем приеме на следующей неделе, миссис Бэббакум. Однако, смею заметить, вы абсолютно правы в том, что едете в Лондон. Там столько можно увидеть, столько сделать... и вы достаточно молоды, чтобы наслаждаться водоворотом светской жизни. Вы будете вывозить вашу падчерицу?

— Возможно, — ответила Люсинда, игнорируя неожиданно напрягшегося соседа между ними. — Мы примем решение, когда будем в городе.

— Очень мудро, — одобрительно кивнула леди Далримпл и повернулась к Эм.

— Лондон?

Вопрос был тихим, тон — ровным.

— Ну да, — Люсинда спокойно встретила его взгляд. — Мне нужно проинспектировать еще четыре гостиницы, помните?

Гэрри долго молчал, не сводя с нее глаз.

— И какие же?

Его голос был по-прежнему тихим: сталь, завернутая в шелк. Очень тонкий шелк.

— «Герб Аргайла» в Хаммерсмите, «Вереск» в Барнете, «Три свечи» на Грейт-Довер-стрит и «Колокола» в Уонстеде.

— Что вы сказали о «Колоколах»? — вмешался Пелэм Херст, и Люсинда повернулась к нему. — Прекрасная гостиница, могу смело вам ее рекомендовать, миссис Бэббакум. Часто сам там останавливался. Видите ли, не люблю рисковать лошадьми в городе.

Гэрри даже не обратил на него внимания. К счастью, Пелэм ничего не заметил, поскольку в этот момент перед ним поставили яблочный пирог. Гэрри воспользовался представившейся возможностью и, наклонившись к Люсинде, заговорил суровым шепотом:

— Вы с ума сошли! Это четыре самые оживленные гостиницы в Англии, все — на главных дорогах, и при всех них — стоянки почтовых карет.

Люсинда потянулась за желе.

— Так мне и говорили.

Гэрри заскрежетал зубами.

— Моя дорогая миссис Бэббакум, роль инспектрисы в вашем маленьком спектакле, может, и годится для провинциальных гостиниц, — он умолк, чтобы поблагодарить леди Далримпл, передавшую сливки, которые тут же поставил на стол, — но в городе этот номер не пройдет. Кроме того, вы не можете посещать эти гостиницы одна.

— Мой дорогой мистер Лестер, — Люсинда обратила на него широко распахнутые глаза, — неужели вы пытаетесь сказать мне, что мои гостиницы опасны?

Он пытался сказать ей именно это. Но Пелэм Херст, слышавший лишь обрывки разговора, снова вмешался:

— Опасны? Ни капли! В «Колоколах» вам будет так же безопасно, как... ну... как здесь. Очень рекомендую, миссис Бэббакум.

Заметив раздраженное выражение зеленых глаз Гэрри, Люсинда поджала губы и поспешила успокоить мистера Херста:

— Конечно, сэр. Я уверена, что мистер Лестер не это имел в виду.

— Мистер Лестер, как вы прекрасно понимаете, имел в виду то, что у вас опыта не больше, чем у юной девицы, и даже еще меньше шансов пережить одну из ваших инспекций в любой из тех гостиниц. Вы получите по меньшей мере три непристойных предложения при полной свободе действий.

Выдавлив это разъяснение сквозь сжатые зубы, Гэрри набросился на появившийся перед ним заварной крем.

— Не хотите ли сливок? — положив себе солидную порцию, Люсинда подхватила на кончик пальца упавшую каплю. С невинным взглядом она поднесла палец к губам.

Гэрри не мог видеть ничего, кроме ее губ, сочных и сладких, требующих поцелуя, и блаженно не замечал шум разговоров вокруг. Через мгновение он пришел в себя, хватаясь за ускользающее самообладание, и, встретившись с ней взглядом, прищурился.

— Нет, спасибо.

Люсинда кротко улыбнулась.

— От них толстеют, — добавил Гэрри. Люсинда улыбнулась еще ослепительнее и стала похожа на кошку, обнаружившую миску со сметаной.

Сдержав проклятие, Гэрри принялся за десерт. Если она хочет подвергать себя опасности, это ее дело. Он предупредил.

— Как я уже говорила, мистеру Мавверли не хватает квалификации для проведения проверок, — тихо сказала Люсинда, благодаря в душе Хетер, которая отвлекла мистера Херста.

.Она ждала ответа, но ее сосед только неодобрительно хмыкнул.

Гэрри провел остаток вечера в грустных размышлениях, сохранив внешнюю учтивость. К счастью, джентльмены не задержались за портвейном. Когда они вернулись в гостиную, Гэрри обнаружил, что обычный порядок вечеров Эм — легкая послеобеденная беседа,

которой он собирался воспользоваться в своих целях, — нарушен. Сегодня их должны были развлекать миссис и мисс Бэббакум.

Гэрри сидел на стуле в глубине комнаты, абсолютно не тронутый представлением, совершенство которого не мог отрицать. Как только замерли аплодисменты, внесли чай.

Едва сохраняя самообладание, он последним подошел за своей чашкой.

— Да, конечно, — говорила Эм леди Далримпл. — Мы будем там, я вас поищу. Так приятно снова всех повидать.

Гэрри замер с протянутой рукой.

Эм подняла глаза и нахмурилась.

— Вот и ты!

Гэрри прищурился и взял чашку.

— Вы раздумывали, стоит ли ехать в город, дорогая тетя?

— Не раздумывала, — Эм бросила на него воинственный взгляд. — Я точно еду. Поскольку Люсинда и Хетер настроены ехать, мы решили отправиться вместе. Так гораздо лучше. Я послала подготовить Хэллоуз-Хаус к нашему приезду. Ферпос отправляется завтра. Как будет прекрасно снова очутиться в обществе! Я представлю Люсинду и Хетер высшему свету. Чудесное развлечение, а мне совершенно необходима новая жизнь.

Ей еще хватило наглости улыбнуться ему. Гэрри заставил себя произнести ожидаемые банальности. Едва ли под кротким взглядом леди Далримпл он мог высказать тетушке все, что думает.

После этого он поспешно отступил. Даже разглагольствования сквайра Моффата о местной системе осушения были предпочтительнее мыслей о паутине, в которой он оказался.

— Эм сошла с ума. Они все обезумели, — проворчал он, присоединяясь к Джеральду, стоявшему у окна. Хетер болтала с миссис Моффат. Гэрри заметил, что восхищенный взгляд Джеральда редко отрывается от девушки.

— Почему? Никакого вреда в их поездке в Лондон нет. Я смогу показать Хетер достопримечательности.

Гэрри усмехнулся.

— В то время, как лондонские повесы несомненно будут стараться показать миссис Бэббакум свои коллекции гравюр.

Джеральд ухмыльнулся.

— Ну, это ты можешь взять на себя. Никто к ней и близко не подойдет, если ты будешь стоять рядом.

Гэрри окинул брата многозначительным взглядом.

— Дорогой братец, хочу напомнить — если это ускользнуло от твоего общепризнанно рассеянного внимания, — в настоящий момент я являюсь в семействе Лестеров главной мишенью для сватающих мамаш. После того как Джек попался в сети мисс Уинтертон, они с удвоенными усилиями обрушатся на твоего почтенного слугу.

— Знаю, — беззаботно усмехнулся Джеральд. — Ты не представляешь, как я благодарен тебе за это. Если повезет, обо мне они и не вспомнят. К счастью, поскольку у меня нет твоего опыта.

Джеральд говорил искренне. Гэрри проглотил резкие слова, готовые сорваться с языка. Стиснув зубы, он вернулся к безопасной беседе сэра Генри, прилежно избегая дальнейших контактов со своей судьбой. Своей сиреной. Влекущей его на скалы.

Гости разъехались одновременно. Гэрри и Джеральд, как члены семьи, задержались. Эм стояла на парадной лестнице, прощаясь с отъезжающими. Джеральд и Хетер болтали у двери гостиной. В полумраке у парадной двери Гэрри оказался рядом со своим искушением.

Его тетя, как он заметил, не спешила возвращаться в дом.

Люсинда бросила на него наивный взгляд...

— Мы увидимся в Лондоне, мистер Лестер?

Гэрри не понял, притворна ли ее наивность.

Он смотрел на ее поднятое к нему лицо, широко распахнутые голубые глаза.

— Я не намеревался появиться в этом сезоне.

— Жаль, — сказала она, и губы растянулись в улыбке. — Я хотела вернуть вам долг, как мы договорились.

Он вспомнил не сразу.

— Вальс?

Люсинда кивнула.

— Да. Но если вас не будет в Лондоне, тогда прощайте, сэр.

Она протянула руку. Гэрри взял ее, пожал, не сознавая, что делает. Прищурившись, он всмотрелся в ее лицо. И мог бы поклясться, что эти глаза не умеют лгать.

Люсинда прощалась. Может, в конце концов, его спасение еще возможно?

Затем ее губы слегка изогнулись.

— Не сомневайтесь, я вспомню о вас, вальсируя в лондонских бальных залах.

Гэрри сжал ее пальцы... и еще сильнее сжал свои перчатки. Взрыв чувств потряс его: гнева и острого желания. Он чуть не потерял контроль над собой. Она смотрела на него, глаза ее сверкали, губы слегка раскрылись. Не благодаря, а вопреки ей и ее нежному искушающему взгляду он смог замаскировать свое волнение. Он заставил себя выпустить ее руку, поклонился, чувствуя, как немеет его лицо.

— Желаю вам спокойной ночи, миссис Бэббакум.

С этими словами он вышел, не заметив разочарование, затуманившее глаза Люсинды.

С вершины парадной лестницы она следила за его отъездом и просила Бога, чтобы Эм оказалась права.

Глава шестая

Люсинда молилась и десять дней спустя, когда в сопровождении Эм и Хетер вошла в бальный зал леди Хэвербак. Бал ее светлости стал первым важным событием сезона. Переезд в Хэллоуз-Хаус на Одли-стрит прошел успешно и занял четыре дня. Последующие дни были посвящены необходимым визитам к портнихам и в модные магазины. В предыдущий вечер Эм устроила небольшой прием для избранных, решив представить своих подопечных высшему свету. И осталась довольна: приехали почти все приглашенные, хотя уже много лет она не была в столице. Лишь одно позолоченное приглашение осталось без ответа.

Люсинда сама написала его и отправила по адресу лондонского пристанища Гэрри на Хаф-Мун-стрит, но теперь тщетно высматривала среди гостей его белокурую голову.

— Вы должны отпустить его, если хотите, чтобы он вернулся, — заявила Эм. — Он точно как его лошади: можно привести к водоему, но нельзя заставить пить.

Итак, она его отпустила... даже не намекнув, как он ей нужен.

И пока он не вернулся.

Разодетая в блестящие василькового цвета шелка, с искусно уложенными вокруг лица локонами, Люсинда стояла возле дверей бального зала и оглядывалась по сторонам.

Они приехали не поздно и не рано, в зале уже собралось немало гостей, но он еще не был переполнен. Элегантные джентльмены беседовали со светскими матронами: вдовами и дуэньями, восседавшими вдоль стен. Их подопечных, в основном юных девиц, впервые вывезенных в свет, можно было узнать по светлым платьям пастельных тонов. Они мелькали повсюду. Более смелые болтали с юными ухажерами. Другие, позастенчивей, жались друг к другу.

— О, взгляните! — воскликнула Хетер, сжав руку Люсинды. — Вон там мисс Морли и ее сестра. Можно мне присоединиться к ним?

Люсинда улыбнулась издали оживленным мисс Морли.

— Конечно. Но найди нас, когда поговоришь.

Хетер ослепительно улыбнулась.

Эм ухмыльнулась.

— Мы будем там, — и она лорнетом указала на диван у стены.

Поклонившись, Хетер упорхнула. Очаровательное видение в бирюзовом муслине, с золотистыми, высоко поднятыми локонами.

— Смею сказать, хоть и сама выбирала, это платье очень ей идет, — объявила Эм и направилась к вышеупомянутому дивану.

Люсинда последовала за ней. Она уже собиралась грациозно присесть на парчовый диван, когда юный мистер Холлингсуорт появился рядом с ней в сопровождении более зрелого и гораздо более элегантного джентльмена.

— Добрый вечер, миссис Бэббакум. Счастлив видеть вас снова. — Мистер Холлингсуорт, с которым Люсинда познакомилась накануне, чуть не прыгал от возбуждения.

Люсинда пробормотала вежливое приветствие.

— Позвольте представить вам моего кузена лорда Рутвена.

Элегантный красивый темноволосый джентльмен изящно поклонился.

— Почитаю за честь познакомиться с вами, миссис Бэббакум.

Сделав реверанс, Люсинда встретила его взгляд и подавила недовольную гримасу, заметив оценивающий блеск в его глазах.

— Дорогая миссис Бэббакум, вы роза среди множества пионов, — высказал он свое мнение о юных красавицах, ленивым движением руки как бы отклоняя их прелести.

— Неужели? — Люсинда скептически подняла брови.

Лорд Рутвен упорно держался своего мнения, и, как быстро обнаружила Люсинда, его светлость был не единственным джентльменом, предпочитающим более зрелую компанию. Другие, в основном ему подобные, подходили и, не колеблясь, требовали, чтобы Рутвен представил их. Его светлость повиновался, лениво забавляясь. Вспомнив о своих обязанностях, Люсинда попыталась избавиться от них, но Эм, наслаждающаяся происходящим, лишь фыркнула в ответ и отмахнулась от нее.

— Я послежу за Хетер. Идите и развлекайтесь. Для этого балы и существуют.

После такого напутствия, рассудив, что Эм лучше знает, как следить за юными девушками на балах, Люсинда улыбнулась своим потенциальным поклонникам. Вскоре ее окружила целая толпа джентльменов, которых она мысленно отнесла к подобным Гэрри Лестеру. Они все, как один, были невыразимо обаятельны, и она не видела вреда в том, чтобы развлечься в их компании. Заиграла музыка.

— Позвольте пригласить вас на ваш первый котильон в столице, дорогая.

Люсинда повернулась и обнаружила протянутую руку лорда Рутвена.

— Конечно, сэр. С удовольствием.

Он улыбнулся.

— Нет, дорогая, удовольствие всецело мое. Вам придется найти другие слова.

Люсинда удивленно приподняла брови.

— Ничего не приходит в голову, сэр. А что бы вы предложили?

Его светлость повиновался с готовностью.

— С восхищением? На седьмом небе от счастья?

Люсинда рассмеялась. Они заняли свои места среди готовящихся к танцу.

— А как насчет «я так счастлива, что не могу выразить словами»?

Лорд Рутвен улыбнулся.

В течение всего вечера Люсинда пользовалась всеобщим успехом. Поскольку ее причислили к матронам, у нее не было бальной карточки, и она могла свободно выбирать партнеров из окружающих ее верных почитателей. Правда, их верность разбудила в ней врожденную осторожность. Если Рутвен казался слишком добродушным и апатичным, чтобы представлять опасность, глаза некоторых других сверкали более решительно.

Одним из них был лорд Крейвен, он поздно появился в зале, обвел взглядом поле боя с высоты верхней площадки лестницы и с плохо замаскированной решительностью направился к ней. Вынудив мистера Саттерли представить себя Люсинде, его светлость склонился над ее рукой в тот момент, когда зазвучала так легко узнаваемая прелюдия к вальсу.

— Дорогая миссис Бэббакум, смею надеяться, что вы сжалитесь над опоздавшим и окажете мне честь, подарив этот вальс.

Люсинда встретила прищуренный взгляд темных глаз лорда Крейвена и решила, что разумнее было бы пожалеть кого-нибудь другого. Она широко раскрыла глаза и вопросительно посмотрела на окружающих ее джентльменов.

Они немедленно пришли ей на помощь, охарактеризовав претензии лорда Крейвена как бесцеремонные и возмутительные, и предложили ей самой выбрать партнера. С тихим смехом Люсинда выдернула пальцы из цепкой хватки лорда Крейвена.

— Боюсь, вам придется участвовать в состязании, милорд.

Лицо его светлости вытянулось.

— А теперь посмотрим. — Люсинда улыбнулась своим кавалерам и уже собиралась одарить благосклонностью мистера Эмберли, который, несмотря на оценивающий взгляд, был настроен скорее просто развлечься, нежели пытаться ее соблазнить, когда вдруг почувствовала какое-то движение рядом.

Длинные сильные пальцы сомкнулись на ее руке, скользнув по обнаженной коже над перчаткой.

— Полагаю, вальс — мой, миссис Бэббакум.

Люсинда затаила дыхание. Повернулась — и увидела Гэрри. Их взгляды встретились. Его зеленые глаза были на удивление суровыми и странно напряженными. Люсинду охватил восторг, который она тщетно попыталась побороть.

Губы Гэрри изогнулись в улыбке, быстро превратившейся в гримасу, но он тут же спрятал ее, поклонившись. Когда он выпрямился, лицо его было невозмутимым.

— Послушайте, Лестер! Это чертовски несправедливо, — надулся мистер Эмберли. Остальные загладели в том же духе.

Гэрри надменно поднял брови.

— Насколько я помню, дорогая, вы должны мне этот вальс. Я пришел получить долг.

— Вы правы, сэр, — наслаждаясь звуком его низкого голоса, проговорила Люсинда. Она прекратила борьбу и радостно улыбнулась. — Я всегда плачу свои долги. Мой первый вальс в столице — ваш.

Губы Гэрри дернулись, но он не улыбнулся. Он элегантно взял ее руку и положил на свой рукав.

Люсинда скосила победоносный взгляд на Эм, но ее наставница была скрыта кавалерами, недовольно поглядывавшими на ее неожиданного партнера.

Гэрри заговорил, только когда они закружились в вальсе:

— Насколько я понимаю, миссис Бэббакум, ваш опыт не распространяется на светское общество. Боюсь, что должен предупредить вас: со многими из джентльменов, претендующих сейчас на вашу улыбку, следует обращаться с величайшей осторожностью.

Люсинда, больше сосредоточенная на том, чтобы не ошибиться в движениях, чем на своих поклонниках, нахмурилась.

— Это очевидно. Видите ли, мне уже больше семи лет. И я не вижу причин, почему не могу развлекаться в их компании... Я не так юна, чтобы поддаться их обаянию.

Гэрри только усмехнулся. Целую минуту он раздумывал, стоит ли напугать ее более ясным предупреждением, затем отказался от этой затеи, вспомнив Джейка Блаунта из «Зеленого гуся». Ее не так-то легко испугать. Однако он не поощрял ее нынешнее окружение.

Взглянув на лицо Люсинда, он увидел, что она все еще хмурится, но как-то рассеянно.

— Что случилось?

Она вздрогнула и раздраженно взглянула на него.

— Если уж вы настаиваете. У меня практически нет опыта в вальсировании. Чарльз, конечно, не танцевал. Я брала уроки... но здесь, среди всех танцующих, это совсем другое

дело.

Гэрри не сдержал усмешки.

— Просто расслабьтесь.

Брошенный ею взгляд показал, что она сочла его юмор неуместным.

Гэрри тихо рассмеялся и притянул ее к себе чуть ближе и прижал чуть крепче, чтобы она легче чувствовала его движения.

У Люсинды перехватило дыхание, затем она медленно выдохнула. Их новая поза оказалась на грани приличий, но зато Люсинда почувствовала себя гораздо увереннее. И когда Гэрри закружил ее в сложной фигуре вальса, она последовала за ним легко и свободно. Успокоенная, она расслабилась, но тут же обнаружила, что ее чувства совершенно подчинили себе рассудок. Его крепкие бедра касались ее, она чувствовала его силу и жар большого тела. Ее охватило странное волнение, было трудно дышать. Она стала такой же напряженной, как его рука, обнимающая ее. Люсинда взглянула на него из-под ресниц и увидела его губы. Под ее взглядом они сжались и вытянулись в прямую линию.

Гэрри вел трудный бой с самим собой, отчаянно пытаясь не обращать внимания на облаченную в голубой шелк обворожительную фигуру, уютно устроившуюся в его руках, женственную мягкость бедер и гибкую упругость спины, изящный изгиб шеи, открытой новой прической, и нежный дразнящий аромат. Наконец он вспомнил, зачем вернулся в Лондон.

— Когда вы планируете посетить ваши гостиницы?

Люсинда заморгала и перевела взгляд на его глаза.

— Вообще-то я думала начать с «Герба Аргайла» в Хаммерсмите завтра.

Гэрри не потрудился спросить, организовала ли она надлежащий эскорт. Эта проклятая женщина так неразумно уверена в себе, настолько не понимает истинных опасностей, так упряма...

— Я заеду за вами в девять.

Глаза Люсинды широко распахнулись. Гэрри нахмурился.

— Не бойтесь. Мы поедем в моей двуколке, и я захвачу Долиша. Совершенно прилично, уверяю вас.

Люсинда подавила счастливый смех. Строгие наставления Эм зазвучали в ее ушах. Она задумчиво посмотрела на него, затем изящно согласилась.

— Благодарю вас, сэр. Ваша компания, я уверена, сделает поездку более интересной.

Гэрри внимательно посмотрел на нее, но увидел лишь безмятежность. Подавив желание ухмыльнуться, он притянул ее еще чуть ближе и стал наслаждаться вальсом.

После танца он прошел с ней к поклонникам, ожидавшим ее с пылким нетерпением, и, прочитав предвкушение в их глазах, посуровел. Вместо того чтобы освободить свою прекрасную партнершу замысловатым элегантным поклоном, как предписывал этикет, он прикрыл ее ладонь, лежавшую на его рукаве, своей. И, таким образом приковав Люсинду к себе, остался рядом.

Та притворилась, что ничего не заметила. Она весело болтала, не обращая внимания на заинтересованный блеск пронизательных глаз лорда Рутвена и неодобрительное выражение лица мистера Эмберли. Гэрри не пытался внести свой вклад в беседу, и Люсинде страстно хотелось взглянуть на него, но она не могла, поскольку они стояли очень близко друг к другу. Она почувствовала некоторое облегчение, когда миссис Аннабел Бернем, молодая замужняя дама, проходя мимо под руку с мистером Кортни, решила присоединиться к ним.

— Я заявляю, это еще один чересчур шумный прием. — Миссис Бернем захлопала ресницами на лорда Рутвена и только после этого обратила свои смеющиеся карие глаза на Люсинду. — Вы привыкнете, дорогая. И вы должны признать, что эти столпотворения... развлекательны.

Еще один смеющийся взгляд обратился в сторону лорда Рутвена.

Люсинда очень старалась не улыбаться.

— Действительно, — она скосила глаза на своего молчаливого партнера. — И развлечения здесь самые разнообразные. Вы не находите?

Аннабел Бернем прищурилась, затем ее дразнящая улыбка стала шире.

— О, определенно, дорогая миссис Бэббакум. Определенно!

Миссис Бернем одарила лорда Рутвена еще одним лукавым взглядом, затем нацелилась на мистера Эмберли.

Но Люсинда уже этого не заметила, захваченная в ловушку зеленых глаз Гэрри. Его лицо было суровым, бесстрастным и с каждой секундой делалось все более грозным. Ей вдруг стало трудно дышать.

Пиликанье скрипок спасло ее... она сама не знала от чего.

— Миссис Бэббакум, я заявляю, что вы должны, непременно должны подарить вашему покорному слуге эту кадрили.

Мысленно выругавшись, Люсинда взглянула на стоявшего рядом с мольбой в глазах мистера Эмберли и вдруг поняла, о чем он ее просит. Она не могла не улыбнуться ему, затем снова посмотрела на Гэрри и нежно высвободила руку.

— Я еще не поблагодарила вас за вальс, сэр. Подлинное наслаждение!

Его лицо оставалось будто вырубленным из гранита. Он молча поклонился, легко и элегантно. Люсинда повернулась к мистеру Эмберли.

К ее глубокому разочарованию, когда она вернулась к своим поклонникам, Гэрри среди них уже не было.

Люсинда осмотрелась вокруг, но не смогла найти того, которого искала. Зато увидела счастливую Хетер. Падчерица помахала ей и отвернулась к своему кружку: Джеральду Лестеру, сестрам Морли и двум юным джентльменам. Чувствуя полную опустошенность, Люсинда заставила себя обратить внимание на окружавших ее кавалеров. Хорошо хоть миссис Бернем не покинула ее.

Люсинда уже не могла наслаждаться балом и лишь с трудом заставляла себя весело улыбаться и остроумно отвечать на постоянный поток реплик.

Вскоре музыканты вновь заиграли вальс. Люсинда задумалась. Она уже танцевала со всеми своими поклонниками, которых считала безопасными...

Она подняла глаза и обнаружила, что лорд Рутвен смотрит на нее с любопытством.

— Ну, дорогая? Кто из нас окажется достойным второго танца?

Люсинда надменно подняла брови и обвела взглядом тех, кто еще ничем не был удостоен. Трое живо выразили желание. Беспутный франт на несколько лет старше ее, но бесконечно опытнее, показался наименее опасным. Возможно, его намерения и не были приличными, но Люсинда решила, что с ним можно справиться. Безмятежно улыбнувшись и бросив холодный взгляд на Рутвена, она протянула руку.

— Мистер Эллерби?

Надо отдать ему должное, мистер Эллерби вел себя на редкость благопристойно. К концу танца, когда Люсинда уже поздравляла себя не только с растущей уверенностью в

вальсировании, но и с точной оценкой партнера, мистер Эллерби неожиданно спросил:

— Вы не находите, что здесь очень душно, миссис Бэббакум?

Люсинда взглянула на него и улыбнулась.

— Действительно, вряд ли кто станет это отрицать. В зале очень много народа.

Так много, что уже не виден диван Эм. Вальс, закончившись, оставил их в противоположном конце зала.

— Эта застекленная дверь выходит на террасу. И сады леди Хэвербак весьма обширны. Может, прогулка охладит ваши щеки, миссис Бэббакум?

Люсинда пристально посмотрела на своего партнера. В блеске его глаз ошибиться было невозможно.

— Мы же не хотим, чтобы вам стало плохо, не так ли? — С этими словами мистер Эллерби наклонился ближе, многозначительно сжав ее пальцы.

Люсинда оцепенела. Затем сделала глубокий вдох и открыла рот, собираясь объяснить назойливому кавалеру, что не подвержена обморокам, но ее неожиданно избавили от этой необходимости.

— Я не думаю, что миссис Бэббакум необходима прогулка по террасе, Эллерби.

От этого медлительного, но сурового голоса Люсинда взволнованно задрожала, а мистер Эллерби помрачнел.

— Просто здесь было душно, но я вовсе не настаиваю, — быстро отказался он от своих слов и, все еще хмуро глядя на Гэрри, предложил Люсинде руку. — Пора ужинать, миссис Бэббакум.

— Вы правы, — раздался тот же голос. Люсинда подняла глаза и увидела холодный и вызывающий взгляд Гэрри. Его пальцы нежно пробежали по ее руке и сжали запястье. Она с трудом подавила дрожь.

— Если желаете, миссис Бэббакум, я провожу вас.

Люсинда повернулась к мистеру Эллерби и холодно отпустила его.

— Благодарю за прекрасный вальс, сэр.

Мгновение казалось, что мистер Эллерби собирается спорить, но, наткнувшись на взгляд Гэрри, он раздраженно поклонился.

— Восхищен, мадам.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Гэрри, уводя Люсинду в столовую.

— Что вы сказали?

— Ничего. — Гэрри поджал губы. — Неужели вы не могли выбрать более подходящего партнера? Вокруг вас было достаточно настоящих джентльменов; или вы не видите разницы?

— Конечно, вижу. — Подавив улыбку, Люсинда задрала нос. — Но я уже танцевала со всеми и не хотела их поощрять.

Гэрри чуть не заскрежетал зубами.

— Поверьте мне, миссис Бэббакум, лучше поощрять джентльменов и избегать повес.

Люсинда скопировала одно из фырканий Эм.

— Чепуха. Я чувствовала себя в безопасности.

Она подняла глаза и увидела, что лицо Гэрри окаменело.

— Миссис Бэббакум, я пытаюсь, но не могу поверить в то, что вы распознаете опасность даже тогда, когда столкнетесь с нею.

Люсинда поджала губы, чтобы не улыбнуться.

— Ерунда!

Гэрри строго посмотрел на нее и решительно повел к большому столу в центре комнаты, способному вместить целую армию. Сев на выдвинутый им стул, Люсинда озадаченно посмотрела на Гэрри.

Она еще больше удивилась, когда ее поклонники нерешительно подтянулись к столу, а Гэрри воздержался от колкостей. Он сидел рядом с ней, откинувшись на спинку стула с бокалом шампанского в изящной руке, и молчаливо следил за разговором. Его грустно-задумчивое настроение очень эффективно умеряло пыл джентльменов, удерживая их веселость в рамках приличий. Аннабел Бернем присоединилась к ним, благоговейно взглянула на Лестера, затем перехватила взгляд Люсинды и подняла бокал в молчаливом поздравлении. Люсинда рискнула усмехнуться, затем искоса взглянула на Гэрри.

Он следил за ней, не за другими. Его губы вытянулись в так хорошо ей знакомую тонкую линию, выражение сверкающих, как изумруды, глаз было непроницаемо.

Повернувшись к столу, Люсинда заставила себя сосредоточиться на менее интересных поклонниках.

Как Гэрри и обещал, он ждал ее в холле Хэллоуз-Хауса ровно в девять часов следующего утра.

Спускаясь по лестнице в темно-синей короткой пелерине поверх дорожного платья цвета колокольчиков, Люсинда почувствовала, что его опытный взгляд скользит по ней. Она подошла и уверенно протянула руку.

Гэрри нахмурился.

— По крайней мере вы не замерзнете. — Он взял ее руку и склонился над ней. — Только не забудьте перчатки.

Люсинда удивленно подняла брови, достала из ридикюля перчатки и покорно стала их натягивать.

— Я вернусь к ленчу, Фергюс. Вы присоединитесь к нам, мистер Лестер?

— Нет, пожалуйста, передайте тете мои извинения. — Гэрри схватил ее за руку и повел к двери. Дом Эм, может, и не очень опасен, но его клубы безопаснее. Он больше не доверял тетушке. — У меня другие планы.

Люсинда остановилась.

— Надеюсь, мои дела не причиняют вам неудобство?

Гэрри посмотрел на нее, прищурившись. Она сама была неудобством, причем таким, с каким он никогда раньше не сталкивался.

— Вовсе нет, дорогая. Если помните, я сам предложил сопровождать вас. — О причине своего предложения он предпочел не думать. — Но нам пора ехать.

Они спустились по лестнице, и Гэрри поднял Люсинду на сиденье двуколки. Избегая взгляда Долиша, он взялся за вожжи. Как только экипаж качнулся под тяжестью его доверенного слуги, он погнал лошадей.

Люсинда наслаждалась поездкой по свободным от экипажей утренним улицам. Зазывно кричали продавцы апельсинов и клубники, предлагая свой товар. Умытый росой город казался другим, нетронутым в своей первозданной древности. Экипажи еще не подняли пыль. Замелькали деревья Гайд-парка и быстро остались позади. Проехав городские ворота, двуколка оказалась на дороге в Хаммерсмит. Люсинда занялась делами. Гэрри отвечал на ее вопросы о гостиницах, которые они проезжали, иногда консультируясь с Долишем. Люсинда заметила, что грум необычайно мрачен. Должно быть, кто-то умер в семье, решила

она.

Но Люсинда забыла о Долише и его очевидном горе, когда они въехали во двор «Герба Аргайла».

Гостиница «Герб Аргайла» во многом напоминала «Крепостную башню». Управляющему, мистеру Хонивеллу, хватило одного взгляда на Гэрри, чтобы почтительно провести Люсинду по гостинице, по всем трем крыльям большого дома. Они возвращались к парадному входу по коридору первого этажа одного из крыльев, когда Люсинда услышала смех за дверью, как она считала, ведущей в спальню.

В ее мозгу мелькнули воспоминания о «Зеленом гусе». Однако сейчас смех был мужским. Люсинда остановилась.

— Что за этой дверью?

Мистер Хонивелл остался невозмутим.

— Гостиная, мэм.

— Гостиная? — Люсинда нахмурилась и огляделась. — Ах да, когда-то это был отдельный дом, не так ли?

Мистер Хонивелл кивнул и жестом предложил ей идти дальше.

Люсинда стояла как вкопанная и пристально смотрела на закрытую дверь гостиной.

— Получается четыре гостиные. Неужели гостинице столько необходимо?

— Не совсем гостинице, — признал мистер Хонивелл. — Но мы так близко от города, что часто сдаем комнаты для собраний.

Люсинда поджала губы.

— Я бы хотела проинспектировать эту лишнюю гостиную, Хонивелл.

Мистер Хонивелл насторожился.

— Ах... эта гостиная сейчас занята, мэм, но есть еще одна точно такая же в другом крыле. Вы не хотели бы посмотреть ту?

— Хорошо, — кивнула Люсинда, не сводя глаз с закрытой двери. — Кто сейчас пользуется этой?

— Э... группа джентльменов, мэм.

Люсинда подняла брови и открыла рот.

— Но... — мистер Хонивелл втиснулся между Люсиндой и дверью, — я ни в коем случае не советую вам входить, мэм.

Ошеломленная, Люсинда позволила себе поднять брови еще выше и молча смотрела на мистера Хонивелла. Когда она заговорила, ее тон был ледяным.

— Любезный мистер Хонивелл...

— Кто там, Хонивелл?

Люсинда вздрогнула. Гэрри заговорил в первый раз за весь час.

Мистер Хонивелл умоляюще посмотрел на него.

— Просто несколько юных франтов, сэр. Вы знаете таких.

— Действительно. Вы не можете войти, — сказал Гэрри Люсинде.

Холодно и надменно, как и подобает вдове, Люсинда повернулась к нему.

— Прошу прощения?

Гэрри невозмутимо смотрел на нее.

— Позвольте мне сказать иначе. — Его тон стал особенно любезным, нежным, с подводными течениями, угрожавшими всеми возможными опасностями. — Вы не собираетесь туда входить.

Если Люсинда и сомневалась в реальности его скрытой угрозы, она увидела подтверждение в его глазах, упрямо сжатых губах и напряжении большого тела. Несмотря на собственный разгорающийся гнев, ее охватили одновременно инстинктивное желание отступить ради самосохранения... и маниакальный порыв заставить его раскрыть карты, посмотреть, до чего же он может дойти. Стараясь игнорировать мурашки, пробежавшие по ее коже, Люсинда окатила его гневным взглядом, затем — уже ледяным — мистера Хонивелла.

— Тогда вы, может, покажете мне другую гостиную?

Управляющий вздохнул с явным облегчением.

Когда ей показали вторую гостиную, непрестанно уверяя, что она в точности такая же, как первая, Люсинда высокомерно высказала свое одобрение и, снимая перчатки, кивнула Хонивеллу.

— Теперь я просмотрю книги. Принесите их сюда.

Хонивелл отправился за гроссбухами.

Оставив перчатки и ридикюль на столе, Люсинда медленно обошла комнату. Остановившись у окна, она набрала в легкие побольше воздуха и повернулась к Гэрри. Он следовал за ней по пятам и теперь остановился, вопросительно приподняв одну бровь и вызывающе глядя на нее.

Люсинда ответила на его вызов полной мерой.

— Возможно, вам интересно будет узнать, мистер Лестер, что у меня не было намерения... нарушать частную встречу. Я как раз собиралась сказать это мистеру Хонивеллу, когда вы решили вмешаться. — Оборонительное выражение, мелькнувшее в глазах Гэрри, бальзамом пролилось на ее оскорбленное самолюбие, и она поспешила закрепить успех: — Я просто хотела убедиться в честности намерений посетителей моей гостиницы... уверена, даже вы согласитесь, что я имею на это право. — Она помахала пальцем перед его носом. — Ни у вас, ни у мистера Хонивелла не было никаких оснований делать подобные выводы... как будто я ребенок, понятия не имеющий о правилах приличия! А вы, сэр, не имели никакого права угрожать мне так, как вы посмели. — Отвернувшись и сложив руки на груди, Люсинда надменно подняла голову. — Я хочу услышать извинения, сэр, за ваше неджентльменское поведение.

Ее требование было встречено молчанием. Гэрри спокойно изучал ее профиль, затем его губы изогнулись.

— Я полагаю, дорогая, что вы зря сотрясаете воздух. Мое поведение все это утро было образцом джентльменского поведения.

Глаза Люсинды широко распахнулись.

— Джентльменского?

Она опустила руки и резко повернулась к нему. Гэрри предостерегающе поднял руку.

— Я признаю, что и Хонивелл, и я пришли к необоснованным выводам. — В его лице мелькнуло сожаление. — За свои выводы я прошу прощения. Однако, что касается моего поведения... — его лицо вновь стало суровым, — боюсь, что вы должны извинить меня, ибо оно было вынужденным.

— Вынужденным? — Люсинда пристально взглянула на него. — Пожалуйста, объясните, почему оно было вынужденным?

Его поведение объяснялось инстинктивным и необоримым желанием уберечь ее от опасности, защитить. Он не мог отрицать это, как ни старался. Он заглянул в ее нежно-

голубые глаза, пытающиеся понять его, и перевел взгляд на губы, полные, алые, соблазнительные. Под его взглядом они слегка раскрылись. Гэрри и Люсинда стояли в полном молчании, и напряжение между ними росло с каждой секундой. Подчиняясь непреодолимому желанию и чувствуя ее участившееся дыхание, он нежно провел кончиком пальца по ее нижней губе.

Ее дрожь вызвала в нем ответную реакцию, он был потрясен до глубины души и затаил дыхание. Если он сейчас посмотрит ей в глаза, то пропадет... навсегда.

Желание росло, неожиданно сильное. Он честно пытался побороть его, старался дышать, отступить... и не мог. Из коридора послышался звук приближающихся шагов, скрипнула доска.

Гэрри быстро наклонил голову и коснулся ее губ своими в такой мимолетной ласке, что едва заметил нежный ответный поцелуй.

Когда дверь открылась и вошел Хонивелл, Гэрри стоял у камина в нескольких ярдах от Люсинды. Управляющий не заметил ничего неприличного. Он положил тяжелые бухгалтерские книги на стол и с надеждой посмотрел на Люсинду.

Гэрри тоже посмотрел на нее, но она стояла спиной к окну, и он не мог различить выражение ее лица.

Люсинда колебалась лишь столько, сколько понадобилось, чтобы побороть смятение. Затем она прошла к столу с таким высокомерным выражением лица, что управляющий испуганно заморгал.

— Пожалуй, только цифры за этот год, мистер Хонивелл.

Управляющий поспешил исполнить ее распоряжение.

Поглощенная цифрами, Люсинда пыталась успокоить чувства, воспламененные мимолетным поцелуем и волнующим присутствием Гэрри Лестера. На одно мгновение ей показалось, будто мир бешено закружился. Она решительно отбросила это воспоминание и сконцентрировалась на счетах мистера Хонивелла. К тому времени, как она удовлетворила свое любопытство и к ней вернулось самообладание, прошло полчаса. Она настолько взяла себя в руки, что простодушно болтала с Гэрри всю дорогу до Одли-стрит.

Кроме одного долгого волнующе-напряженного взгляда, Гэрри ничем не напоминал о случившемся. Он с готовностью отвечал на все ее вопросы, но не проявлял инициативы в разговоре.

Когда они подъехали к дому Эм, Люсинда считала, что достойно справилась с задачей.

Она выбрала момент, когда Гэрри спустил ее на землю, и сказала:

— Я очень благодарна вам за сопровождение, мистер Лестер.

— В самом деле?

Люсинда решила не хмуриться.

— В самом деле. — Она повернулась и спокойно встретила его взгляд.

Гэрри смотрел на ее лицо, чудесные голубые глаза, в которых сверкал вызов... и раздумывал, сколько еще он сможет держать руки на талии Люсинды, прежде чем она это заметит.

— В таком случае пусть Фергюс сообщит мне, когда вы пожелаете проинспектировать вашу следующую гостиницу.

Он чувствовал ее тепло, трепетность, гибкость.

Люсинда прекрасно знала, где находятся его руки, обжигающие ее сквозь платье. Но тот поцелуй, такой быстрый, что закончился, не успев начаться, был первым намеком на

возможность победы. Несмотря на волнующий каскад чувств, вызванный мимолетной лаской, она была полна решимости не отступить. Если она, пусть неосознанно, один раз пробила брешь в его обороне, она обязательно сделает это снова. Едва дыша, она опустила глаза на его руки.

— Однако я не смею больше занимать ваше время, мистер Лестер.

Гэрри нахмурился. Он не видел блеск глаз Люсинды, спрятанных за опущенными ресницами.

— Ничуть. — Он умолк, затем добавил, поскольку осторожность вновь вернулась к нему:

— Как я говорил раньше, вы гостя моей тети, по моему настоянию, и это меньшее, что я могу сделать.

Ему послышалось раздраженное хмыканье. Подавив улыбку, он поднял глаза и встретил взгляд Долиша, полный глубокого сочувствия.

Лицо Гэрри сделалось тотчас бесстрастным, и он опустил руки. Отступив на шаг, он предложил Люсинде руку и галантно, открыто выражая презрение дурным предсказаниям своего преданного слуги, проводил ее вверх по ступенькам.

Ожидая, пока Ферпос откроет дверь, Люсинда подняла глаза и перехватила обмен взглядами между Гэрри и Долишем.

— Долиш кажется очень подавленным. Что-то случилось?

— Нет. Он просто не привык рано вставать.

— Неужели?

— Да. — Дверь открылась. Увидев их, Фергюс просиял и широко распахнул ее. Гэрри поклонился. — До свидания, миссис Бэббакум.

Переступая порог, Люсинда оглянулась через плечо и улыбнулась ему — нежно, соблазнительно. Затем она отвернулась и медленно удалилась. Совершенно зачарованный, Гэрри следил, как она пересекает холл, как нежно покачиваются ее бедра.

? Сэр?

Гэрри очнулся. Едва кивнув Ферпосу, он повернулся и спустился по ступенькам. Сев в двуколку, он предостерегающе посмотрел на Долиша, затем занялся лошадьми.

Глава седьмая

Неделю спустя Гэрри сидел за письменным столом в маленькой библиотеке своего лондонского убежища. Окно выходило на тенистый двор. Заканчивался май, и бомонд был охвачен лихорадкой помолвок и бракосочетаний. Гэрри цинично скривил губы: его волновало совсем другое.

Стук в дверь заставил его поднять голову. Дверь приотворилась, и в комнату заглянул Долиш.

— А... вот вы где. Думал, захотите узнать: сегодня вечером они отправляются к леди Хеммингхерст.

— Проклятье! — Гэрри скривился. Амелия Хеммингхерст питала слабость к повесам: все братство будет представлено на ее балу. — Полагаю, мне придется поехать.

— Так я и думал. Вы пойдете пешком или запрячь экипаж?

Гэрри подумал, затем отрицательно покачал головой.

— Лучше пройдуся.

К тому времени наступят сумерки; короткая прогулка до Гросвенор-сквер, возможно, позволит справиться с беспокойством, вызванным добровольно наложенными на себя ограничениями. Хмыкнув и кивнув, Долиш удалился.

Поигрывая гусиным пером, Гэрри освежил в памяти свои недавние действия. Покинув Ньюмаркет и упрямо придерживаясь первоначальных планов, он вернулся в Лестер-Холл, где нашел брата Джека с его будущей женой мисс Софией Уинтертон и ее опекунами: дядей и тетей, мистером и миссис Уэбб. Гэрри не имел ничего против мисс Уинтертон, явно одурманившей его брата, но ему не понравился задумчивый блеск, появлявшийся в серебристо-голубых глазах миссис Уэбб всякий раз, как она смотрела на него. Ее интерес к нему нервировал Гэрри. В конце концов он решил, что Лондон с его знакомыми опасностями будет безопаснее Лестер-Холла.

Он приехал в город за день до прибытия тетушки с компанией. Зная, что Эм никогда не путешествовала без сопровождающих, он не считал поездку опасной для миссис Бэббакум. Да и происшествие на Ньюмаркетской дороге было, похоже, случайностью. Под охраной Эм и ее слуг Люсинде Бэббакум ничего не грозило.

Однако, когда они устроились в городе, ситуация изменилась. Он таился сколько мог, избегая любых появлений в свете и скрывая свое присутствие в Лондоне от светских матрон. Он скрывался в клубах — «Мэнтонсе» или «Джексонсе», — не появляясь в Гайд-парке в те часы, когда туда выезжал свет, не прогуливался по модным улицам и в основном достиг своей цели.

Поскольку Долиш проводил время на кухне Хэллоуз-Хауса, Гэрри был в курсе всех событий и выползал на свет Божий только тогда, когда это было абсолютно необходимо.

Как сегодня вечером. Таким образом, ему пока удавалось защищать эту несносную женщину от назойливых постояльцев гостиниц и светских повес... к всеобщему замешательству бомонда. Когда он появлялся среди нежных созданий, явно сосредоточив внимание на Люсинде Бэббакум, дуэньи и мамыши мало что могли предпринять.

Гэрри отложил перо. Без всякого сомнения, у него нет причин праздновать победу: сезон еще не закончился. Он нахмурился и встал, с надеждой думая о том, что сможет вести себя как джентльмен в оставшееся время.

А затем, расправив плечи, отправился переодеваться.

— Скажите, мистер Лестер, вы получаете наслаждение от светских развлечений?

Вопрос застал Гэрри врасплох. Он взглянул на лицо партнерши, вежливо-вопросительное, затем сосредоточился на том, чтобы без приключений докружить ее до конца бального зала леди Хеммингхерст. По прибытии на бал он обнаружил ее уже окруженной... толпой самых известных лондонских повес. Не теряя времени даром, он извлек ее из этого окружения.

— Нет, — ответил он и, осознав смысл собственного ответа, умолк.

— Тогда почему вы здесь? — Люсинда не сводила глаз с его лица и надеялась на честный ответ. Вопрос, который она задала, с каждым днем становился для нее все важнее, а он не предпринимал ничего, чтобы сблизиться с ней.

Сравнение его с лошадью, предложенное Эм, оказалось очень точным. Он последовал за ней в Лондон, но, казалось, был полон решимости не навязывать ей свое общество. Сопровождал ее во все четыре столичные гостиницы Бэббакумов, не отходя от нее ни на шаг во время инспекций, но ни разу не предложил отвезти ее куда-нибудь еще. Совершенно не реагировал на все ее замечания о Гайд-парке и развлечениях Ричмонда и Мертонa. А когда она завела разговор о посещении театра, просто окаменел.

Что касается того, как он вел себя на балах, она могла сравнить его только с собакой на сене. Некоторые, лорд Рутвен например, находили ситуацию чрезвычайно забавной. Другие, как и она сама, начинали терять терпение. Гэрри снова взглянул на нее, наткнулся на пристальный взгляд и грозно нахмурился.

— Как это понимать? Вам хотелось бы заняться вашими лошадьми? — мило спросила она.

Гэрри раздраженно сдвинул брови.

— Да. Я предпочел бы оказаться в Лестершэле.

— В Лестершэле?

Его взгляд сделался отстраненным.

— Лестершэл-Мэнор — мой конезавод. Он назван по деревне, которая, в свою очередь, получила имя от главного имения семьи.

Старый фамильный дом крайне нуждался в ремонте. Теперь у них имелось достаточно денег, чтобы восстановить его. Обширное здание обладало всеми данными, чтобы стать замечательно удобным домом; когда он женится, то будет жить там.

Когда он женится? Гэрри стиснул зубы и заставил себя снова взглянуть на лицо партнерши. Люсинда с вызовом смотрела на него.

— Так почему же вы не там?

Потому что дом пуст. Несовершенен. Слова прыгнули в его сознание прежде, чем он смог от них отказаться. Ее голубые глаза влекли его к опасной грани; слова жгли язык. Мысленно скрежеща зубами, он улыбнулся одной из своих самых отработанных улыбок.

— Потому что я здесь и вальсирую с вами.

В его тоне не было и намекa на обольщение. Люсинда продолжала невинно смотреть на него широко распахнутыми глазами.

— Смею ли я надеяться, что вы получаете удовольствие?

— Моя дорогая миссис Бэббакум, вальс с вами — одно из редких вознаграждений за мой нынешний образ жизни.

Люсинда позволила себе недоверчиво прищуриться.

— Значит, ваша жизнь тяжела и однообразна?

— Вы угадали. Моему нынешнему образу жизни не позавидовал бы ни один повеса.

— Тогда почему вы так мучаете себя?

Гэрри услышал заключительные такты вальса и автоматически остановился. Ее вопрос звучал в его ушах, ответ звенел глубоко внутри. Ее глаза, нежно-голубые, не отпускали его, маня, успокаивая. Усилием воли он заставил себя отступить, ища спасения в цинизме, так долго спасавшем его.

— Действительно, почему, миссис Бэббакум? Боюсь, что мы этого никогда не узнаем.

Люсинда чуть не заскрежетала зубами. Она положила ладонь на его рукав, раздумывая о том, что единственный вальс, который он себе позволял на каждом балу, никогда не длится настолько долго, чтобы разрушить его оборону. Почему он так упорно не желает признавать то, что они оба знают? Этот вопрос все больше тревожил ее.

— Ваша тетя удивилась, увидев вас в городе. Она сказала, что вас будут... преследовать дамы, желающие женить вас на своих дочерях.

Неужели он действительно считает брак ловушкой?

— Она права, — ответил Гэрри. — Лондон во время сезона никогда не считался безопасным местом для знатных и богатых джентльменов. Несмотря на их репутацию.

— Так вы смотрите на это... преследование только как на неизбежную реальность?

— Таковую же неизбежную, как весна, хотя неизмеримо менее приятную... Пойдемте, я отведу вас к Эм.

— Ах... — Люсинда огляделась и увидела тихо колышущиеся драпировки застекленных высоких дверей, выходящих на веранду. За верандой лежал сад, мир теней и лунного света. — Вообще-то, — она искоса взглянула на него, — мне немного жарко.

Ложь очень кстати окрасила ее щеки румянцем.

Гэрри внимательно посмотрел на нее. Как лгунья она безнаджна. Ее глаза туманились всякий раз, когда она пыталась хитрить.

— Мы могли бы выйти на веранду. — Люсинда постаралась говорить высокомерно. Она притворилась, что пытается разглядеть то, что происходит за окнами. — Там гуляют, почему бы и нам не пройтись по саду.

Именно в такие моменты она больше всего чувствовала недостатки своего воспитания. Замужество в шестнадцатилетнем возрасте лишило ее малейшей возможности научиться флиртовать. Гэрри не ответил, и она настороженно взглянула на него.

Он ждал этого. И выражение его лица говорило о гневе мужчины, понимающего необходимость оставаться в рамках приличий.

— Дорогая миссис Бэббакум, вы доставили бы мне огромное удовольствие, если бы вбили в свою хорошенькую головку, что я нахожусь здесь — в Лондоне — с одной-единственной целью: ограждать вас от всевозможных опасностей.

В ее глазах отразилось искреннее удивление.

— Неужели?

— Да. — С вынужденным спокойствием Гэрри увел ее от окна, не выпуская локоть, дабы быть уверенным, что она следует за ним. — Я нахожусь здесь, чтобы, несмотря на мое желание, ваше желание и, несомненно, желания одурманенных вами поклонников, вы закончили этот сезон так, как начали. Добродетельной вдовой.

Люсинда снова замигала, затем оцепенела.

— В самом деле? — Она надменно подняла голову и уставилась прямо перед собой. — Мистер Лестер, я не помню, чтобы назначала вас на должность хранителя моей добродетели.

— Ах... но ведь вы это сделали. — (Она удивленно взглянула на него, пытаясь отрицать, и встретила уверенный взгляд.) — Когда приняли мою руку и позволили вытянуть себя из кареты на Ньюмаркетской дороге.

Люсинда тут же вспомнила тот момент, то мгновение, когда стояла на коленях в его объятиях на опрокинутом набок экипаже. Она подавила трепет и задрала нос еще выше.

— Чепуха.

— Напротив. — Повеса рядом с нею казался невозмутимым. — Я помню, читал где-то: если мужчина кого-то спасает, он берет на себя ответственность за спасенную жизнь. Вероятно, то же правило справедливо по отношению к женщине.

Люсинда нахмурилась.

— Это восточная философия, а вы англичанин до мозга костей.

— Восточная? Одной из тех стран, где женщин закутывают в покрывала и держат за закрытыми дверями, — несомненно. Я всегда считал, что такие в высшей степени разумные правила создаются цивилизациями гораздо более древними, чем наша.

С этими словами они достигли ее поклонников. Люсинда боролась с желанием вспылить или закричать от ярости. Услышь она еще хоть одну из его бойких отговорок, она бы... ей-Богу не выдержала... и смутила бы и себя, и Эм, и всех вокруг. Она сумела выдавить радостную улыбку и позволила восхищенным поклонникам утешать комплиментами ее оскорбленную гордость.

Гэрри постоял рядом минут пять, затем молча покинул свой пост. Он бродил по залу, но не слишком отдаляясь, обмениваясь репликами с некоторыми из знакомых, затем занял удобную нишу, откуда мог не выпускать из вида Люсинду.

Одного его присутствия было достаточно, чтобы отпугивать от нее опасных фатов, хотя те, кто собрался вокруг нее, были благородны душой и не стали бы атаковать без приглашения. Его интерес служил дополнительным сдерживающим средством, но он не собирался рисковать и не хотел позволить хоть одной душе заподозрить, что он задумал.

Мрачно ухмыльнувшись, он прислонился к стене и смотрел, как Люсинда подает руку Фредерику Эмберли. Снова вальс. Вальсы были навязчивой идеей леди Хеммингхерст.

Люсинда приноровилась к шагам мистера Эмберли, более коротким, чем шаги Гэрри, и отдалась музыке.

Через три сложных фигуры она встретила несколько озабоченный взгляд партнера и сурово напомнила себе о необходимости улыбаться. Что было не так-то легко, поскольку она кипела от ярости.

Повесы, как всем известно, соблазняют женщин, особенно вдов. Неужели она так безнаджна, что не может сломить сопротивление Гэрри? Не то чтобы она хотела быть соблазненной, но, учитывая его статус... и ее статус... ей приходилось мириться с тем фактом, что для них это был бы самый разумный первый шаг. Она испытывала чувство гордости за свой прагматизм... раз уж приходилось быть реалисткой.

Он приехал в Лондон; как тень, ходил за нею. Но все же этого было недостаточно. Требовалось что-то еще.

Они сделали третий круг по залу, и Люсинда сосредоточилась на мистере Эмберли. По-видимому, если в зрелом возрасте необходимо научиться поощрять повесу, то следует

организовать уроки.

Вальс очень своевременно привел их в другой конец зала. Люсинда подхватила веер, свисавший на ленточке с ее запястья. Открыв его, она помахала им.

— В зале так жарко, вы не находите, мистер Эмберли?

— Вы правы, милая леди.

Люсинда следила, как его взгляд скользнул в сторону веранды. Пряча улыбку, она невинно предложила:

— Я вижу стул. Если я подожду там, вы не могли бы принести мне бокал лимонада?

Кавалер замигал и попытался скрыть свое разочарование.

— Конечно. — Он заботливо проводил даму к стулу, затем, явно не желая покидать ее, исчез в толпе.

Люсинда удовлетворенно откинулась на спинку стула, лениво обмахиваясь веером в ожидании своего первого подопытного.

Мистер Эмберли вскоре появился с двумя бокалами подозрительного цвета жидкости.

— Я подумал, что вы предпочтете шампанское.

Люсинда приняла бокал и изящно отпила глоток. Гэрри обычно приносил ей шампанское к ужину, и оно на нее не действовало.

— Благодарю вас, сэр, — она одарила своего кавалера улыбкой. — Мне совершенно необходимо было освежиться.

— Я не удивлен, дорогая миссис Бэббакум. Такое столпотворение, — мистер Эмберли удостоил толпу вокруг них ленивым взмахом руки. — Но я не понимаю, какое удовольствие находят в этом устроительницы балов. Невозможно поговорить, не так ли?

Люсинда отметила должный блеск в глазах мистера Эмберли и снова улыбнулась.

— Бесспорно, сэр.

Без дальнейшего поощрения мистер Эмберли продолжал болтать, перемежая соображения о погоде, высшем свете и предстоящих событиях осторожно-многозначительными замечаниями, которые Люсинда без труда отвергала. Через пятнадцать минут, успев вежливо отклонить приглашение на прогулку в Ричмонд, она допила шампанское и вручила бокал своему кавалеру. Он поставил его на поднос проходящего лакея и повернулся, чтобы помочь ей встать.

— Милая леди, я в отчаянии оттого, что предложенная мной экскурсия не привлекает вас. Возможно, мне еще удастся наткнуться на цель, которая найдет у вас большее одобрение?

У Люсинды дернулись уголки губ, и она подавила смешок.

— Возможно.

Ее улыбка стала необычно широкой. Она сделала шаг, тяжело опершись на руку мистера Эмберли, и вдруг на нее нахлынула жаркая волна. Ей стало гораздо жарче, чем прежде.

— Ах... — Мистер Эмберли насторожился. — Дорогая миссис Бэббакум, я думаю, глоток свежего воздуха был бы кстати?

Люсинда повернула голову, рассматривая высокие застекленные двери, и заставила себя выпрямиться.

— Я так не думаю.

Может, она и хочет усвоить несколько приемов кокетства, но у нее нет ни малейшего намерения разрушать свою репутацию. Отвернувшись, она уставилась на появившийся перед ней бокал. .

— Выпейте это, миссис Бэббакум, — раздался резкий приказ. Его тон предполагал, что ей стоит подчиниться, если она не хочет неприятностей.

Люсинда покорно взяла бокал и поднесла его к губам, одновременно поднимая глаза к лицу Гэрри.

— Что это?

— Вода со льдом, — ответил Гэрри и перевел взгляд на невинное лицо Фредерика Эмберли. — Вы свободны, Эмберли. Я провожу миссис Бэббакум к моей тете.

Мистер Эмберли недовольно поднял брови, но спорить не решился и деланно улыбнулся.

— Если настаиваете, Лестер. — Люсинда протянула руку мистеру Эмберли, и он элегантно склонился над ней. — Ваш покорный слуга, миссис Бэббакум.

Люсинда одарила его совершенно искренней улыбкой.

— Благодарю за вашу необыкновенно... восхитительную любезность, сэр.

Прощальный взгляд мистера Эмберли убедил ее в том, что она учится успешно. Гэрри пристально смотрел на нее.

— Дорогая миссис Бэббакум, кто-нибудь когда-нибудь объяснял вам, что поощрение повес не способствует сохранению статуса добродетельной вдовы?

Люсинда удивленно раскрыла глаза.

— Поощрение повес? Дорогой мистер Лестер, что вы имеете в виду?

Гэрри, не отвечая, поджал губы. Люсинда усмехнулась.

— Если вы имеете в виду мистера Эмберли, — искренне заговорила она, — мы просто болтали. Правда. — Ее улыбка снова стала широкой. — Я точно знаю, что неспособна поощрять повес.

Гэрри усмехнулся:

— Ерунда. — И после паузы спросил: — Кто вам это сказал?

Улыбка Люсинды осветила весь зал.

— Ну, вы... разве вы не помните?

Глядя в ее блестящие глаза, Гэрри внутренне застонал. И понадеялся, что Эмберли не заметил, как быстро пьянеет прелестная миссис Бэббакум. Забрав у нее пустой бокал, он поставил его на подвернувшийся поднос, затем взял ее ладонь и положил на свой рукав.

— А теперь, миссис Бэббакум, мы очень медленно пройдемся по залу.

В ее глазах появился вопрос.

— Очень медленно? Почему?

— Чтобы вы не споткнулись. И не попали в руки очередного повесы.

— Ах.

Люсинда глубокомысленно кивнула и, расплывшись в восхищенной, удовлетворенной улыбке, позволила ему повести себя, очень медленно, сквозь толпу.

С дикой болью в висках Люсинда последовала в карету за Эм. Хетер пулей влетела за ними и свернулась калачиком на противоположном сиденье.

Оправив юбки, Люсинда решила, что, несмотря на некоторый дискомфорт, вечер прошел успешно.

— Черт меня побери, если я знаю, что задумал Гэрри, — объявила Эм, как только, судя по ровному дыханию, Хетер заснула. — Вы продвинулись с ним?

Люсинда улыбнулась в темноте.

— Мне кажется, что я наконец нашла щель в его броне.

Эм фыркнула.

— Давно пора. Мальчик слишком упрям и не понимает своего счастья.

— В самом деле. — Люсинда откинула голову на подушки. — Однако я не могу сказать, как быстро эта щель превратится в брешь и сколько еще предстоит трудностей. И не знаю, сработает ли наш план.

В следующем фыркание Эм прозвучало разочарование.

— Все же попытаться стоит.

— Хм. — Люсинда закрыла глаза. — И я так думаю.

В понедельник она дважды танцевала с лордом Ругвенем.

Во вторник она ездила в Гайд-парк с мистером Эмберли.

В среду она гуляла по Бонд-стрит под руку с мистером Саттерли.

К четвергу Гэрри был готов свернуть ее хорошенькую шейку.

— Полагаю, эта кампания проводится с вашего благословения? — Даже не пытаюсь скрыть едва сдерживаемый гнев, Гэрри посмотрел сверху вниз на роскошно одетую Эм, сидящую на диване бального зала леди Харкорт.

— Кампания? — Эм невинно раскрыла глаза. — Какая кампания?

Гэрри ответил ей одним из ее собственных фырканий — тем, который подчеркивал полное недоверие.

— Позвольте мне сообщить вам, дорогая тетя, что ваша протеежка развила нездоровый вкус к опасной жизни.

Высказав это предостережение, он отошел. Но не присоединился к толпе вокруг Люсинды Бэббакум. Он подпер стену неподалеку, но достаточно далеко, чтобы она его не видела, и следил за ней с суровым блеском в глазах.

Он был так поглощен своим занятием, что сильный удар в плечо чуть не свалил его с ног.

— Вот ты где, братец! Искал тебя повсюду. Не рассчитывал увидеть здесь.

Снова приняв свою ленивую позу, Гэрри внимательно посмотрел на брата и решил, что тот еще не слышал о его занятии.

— Помогает убивать время. Но почему ты вернулся в город?

— Из-за подготовки к свадьбе, конечно. Теперь все улажено. — Синие глаза Джека медленно обвели зал и вновь устремились на Гэрри. — В следующую среду в одиннадцать в церкви святого Георгия. — Джек ухмыльнулся. — Рассчитываю на твою поддержку.

Гэрри неохотно улыбнулся.

— Буду.

— Хорошо. И Джеральд... правда, я его еще не нашел.

Гэрри окинул взглядом море голов.

— Он вон там... рядом с белокурыми локонами.

— Ах да. Сейчас я его поймаю.

Гэрри заметил, что нежный взгляд старшего брата редко покидает стройную блондинку, танцевавшую сейчас с лордом Харкуртом. Хозяин бала казался совершенно очарованным.

— Как отец?

— Прекрасно. Доживет до восьмидесяти. Или, по меньшей мере, до того момента, когда увидит всех нас женатыми.

Гэрри проглотил инстинктивный ответ. Джек достаточно часто слышал его предубежденное мнение о браке. Но даже брат не знал истинной причины его горячности. Это навсегда останется его личным секретом.

Следуя за взглядом Джека, Гэрри изучал будущую жену старшего брата. София

Уинтертон — очаровательная, искренняя и честная женщина, которой — Гэрри был в этом уверен — Джек может доверять. Гэрри перевел взгляд на темную головку Люсинды, его губы дрогнули. А эта способна сыграть с ним пару шуток, что сейчас и делает, хотя мотивы ее поступков всегда прозрачны. Она необычайно искренна и не умеет лгать. Просто не того сорта женщина.

Неожиданное желание охватило его, но за ним немедленно последовала прежняя неуверенность. Гэрри снова взглянул на Джека. Найдя свою Златовласку, Джек не сомневался. Как обычно, он принял решение быстро и уверенно. Улыбка Джека вызвала в нем неожиданное чувство... и Гэрри понял, что это зависть.

Гэрри оттолкнулся от стены.

— Ты видел Эм?

— Нет. — Джек оглянулся. — Она здесь?

Гэрри провел его сквозь толпу, показал, где находится тетя, а затем, оставив Джека пробираться к ней, позволил своим ногам самим выбирать путь. Они привели его к Люсинде.

Из другого конца большого зала Эрл Джолифф наблюдал, как Гэрри занимает место в избранном кругу поклонников Люсинды.

— Странно. Очень странно, — вынес он свой вердикт.

— Что странно? — Мортимер Бэббакум расслабил жесткий галстук пухлым пальцем. — Ну и духота, черт побери!

Джолифф презрительно посмотрел на него.

— Странно то, дорогой Мортимер, что если и существует повеса, способный пробраться в будуар вдовы вашего дядюшки, то это — Гэрри Лестер. Но, насколько я понимаю, он мешкает. Вот что странно... Разочарование, Мортимер. Но и она, кажется, тоже разочарована... видите, оглядывает поле боя, в этом нет сомнения. Следовательно, нам просто надо ждать первого шепотка... такие вещи всегда просачиваются даже из-под самых плотно закрытых дверей. Тогда мы достанем маленькое, но убедительное доказательство. Это будет не слишком трудно. Несколько свидетелей: кто куда вошел, кто откуда вышел. И тогда ваша милая кузина... и ее еще более милое Наследство окажутся в наших руках.

Ослепительная перспектива. Джолифф был по уши в долгах, хотя тщательно скрывал свое отчаянное положение от Мортимера. Его бывший друг превратился в дрожащее желе только от мысли о том, что должен Джолиффу пять тысяч фунтов. Мортимер и вовсе превратился бы в трясущуюся развалину, если бы узнал, что Джолифф заложил эти деньги под проценты и теперь должен человеку, которого неразумно было бы подводить. И, если Джолифф хочет спасти свою шею, ему нужен Мортимер, здоровый и бодрый, в трезвом уме и с приличной репутацией.

Если не удастся помочь Мортимеру заполучить наследство Хетер Бэббакум, то он, Эрл Джолифф, светский человек, закончит свою жизнь нищим в спитлфиддзских («Спитлфилдз» — лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов.) трущобах.

Взгляд Джолиффа остановился на темноволосой голове Люсинды, и он почувствовал себя гораздо увереннее. Она оказалась вдовой именно такого типа, что привлекает самых закоренелых распутников. Джолифф распрямил плечи и с суровым блеском в глазах повернулся к Мортимеру.

— Послушайте, Скругторпу придется воздержаться от мести. Вы согласны?

— Э... а... да.

Бросив последний встревоженный взгляд на вдову дяди, Мортимер неохотно последовал за Джолиффом в толпу.

В этот момент вновь раздались звуки вальса. И без того натянутые нервы Люсинды чуть не сдали. Это был третий вальс бала, и наверняка последний. Она испытала некоторое облегчение, когда несколько секунд назад Гэрри материализовался наконец около нее. До того момента она не видела его, хотя чувствовала на себе его взгляд. Затаив дыхание, она приветствовала его радушной улыбкой. Как обычно, он не вступил в разговор, а просто стоял рядом с суровым отстраненным лицом. Она скосила на него глаза, он ответил непроницаемым взглядом. Теперь, с улыбкой на губах, она грациозно принимала обычные дружные приглашения на танец и ждала, охваченная нетерпением, приглашения Гэрри.

Тщетно.

Его каменное молчание было непреклонным.

Воцарилась неловкая тишина.

Люсинда замерла. Усилием воли она сохранила улыбку, хотя ощутила пустоту внутри. Но и у нее есть гордость. Она заставила себя обвести взглядом нетерпеливые лица кавалеров и остановилась на лорде Крейвене.

С того первого вечера две недели назад он не появлялся в ее кругу. Сегодня он излучал усердие.

Скупно улыбнувшись, Люсинда протянула руку.

— Лорд Крейвен?

Крейвен улыбнулся с некоторым превосходством и элегантно поклонился.

— Я счастлив, дорогая. — Выпрямляясь, он посмотрел ей в глаза. — За нас обоих.

Люсинда едва ли слышала его слова и машинально склонила голову. С кроткой улыбкой она восприняла разочарование остальных, но не разрешила себе взглянуть на Гэрри. Внешне безмятежная, она позволила лорду Крейвену увести ее.

За ее спиной вновь воцарилось неловкое молчание. Через мгновение лорд Рутвен, невозмутимый и вдруг такой же отстраненный, как Гэрри, без намека на свою обычную добродушную томность, приподнял бровь.

— Надеюсь, Лестер, вы знаете, что делаете.

Гэрри встретил вызывающий взгляд его светлости с ледяным спокойствием, ничего не ответил и отвернулся туда, где Люсинда начинала вальс в объятиях лорда Крейвена.

Сначала его светлость попытался притянуть ее слишком близко; Люсинда нахмурилась, и он воздержался. Затем она почти перестала обращать на него внимание, наобум отвечая на его отточенные замечания и едва ли замечая их подтекст. К тому времени, когда с последними аккордами его светлость закружил и элегантно остановил ее, буря чувств, бушующих в ней, улеглась. И она с горечью осознала свое поражение.

Но не захотела с ним мириться. Распрямив плечи и гордо подняв голову, Люсинда напомнила себе слова Эм: Гэрри не будет легким завоеванием, и она должна стойко придерживаться своего плана.

Итак... она стояла в дальнем конце бального зала под руку с лордом Крейвеном. Он положил ладонь на ее пальцы, покоящиеся на его рукаве.

— Миссис Бэббакум, не воспользоваться ли нам представившейся возможностью, чтобы лучше познакомиться? — Его светлость показал на ближайшую распахнутую дверь. — Здесь

так шумно. Не пройти ли нам по коридору?

Люсинда заколебалась. Коридор не показался ей уединенным местом, к тому же в зале действительно было очень душно. У нее разболелась голова. Подняв глаза, Люсинда встретила слегка надменный взгляд лорда Крейвена. Она не была всецело уверена в нем, но увидела возможность поддразнить собственнические инстинкты Гэрри, взгляд которого ощущала на себе. Он следил за ней. Она огляделась, но не смогла найти его в толпе.

Повернувшись к его светлости, Люсинда вздохнула. И вспомнила, как говорила Эм о своей храбрости.

— Можно немного пройтись, милорд, — ответила она, совершенно уверенная в правильности выбранной стратегии.

К несчастью, на этот раз она выбрала не того повесу.

В противоположность лорду Рутвену, мистеру Эмберли и мистеру Саттерли, лорд Крейвен не входил в число приятелей Гэрри и потому не понимал ее игры. Те поклонники, все как один, были полны решимости помогать ей всем, чем могли, заинтересованные убрать Гэрри с дороги. Лорд Крейвен, однако, решил, что ее порхание от одного повесы к другому является лишь отражением неудовлетворенности предлагаемыми развлечениями. Увидев, что кротость не далеко завела его собратьев, он решил действовать более решительно.

Быстро и ловко он увлек Люсинду в коридор.

В другом конце бального зала Гэрри выругался, испугав двух вдов, восседавших на ближайшем к нему диване. Не теряя времени на размышления и извинения, он бросился в толпу. Зная репутацию Крейвена, он, не отрываясь, следил за ним и его партнершей, но потерял их из вида в конце вальса и заметил снова, лишь когда Люсинда, оглянувшись, позволила Крейвену вывести ее из зала. Гэрри прекрасно понял ее взгляд. Эта несносная женщина искала его... его... нуждаясь в спасении.

На этот раз помощь ей действительно могла понадобиться.

Толпа бесцельно кружилась по залу. Гэрри боролся с желанием растолкать всех, мешавших ему пройти. С трудом взяв себя в руки, он сосредоточился на своей цели.

Наконец он вырвался из цепких объятий толпы и достиг коридора с дверью на веранду в дальнем конце. Леди Харкурт часто оплакивала тот факт, что ее бальный зал не выходил на веранду и сады, как требовала мода. Гэрри молча вышел на мраморные плиты. Веранда была пуста. С трудом обуздывая ярость, он осмотрел утонувший в сумраке сад.

И, услышав приглушенные звуки, побежал за угол веранды.

Крейвен прижал Люсинду спиной к стене и пытался поцеловать ее. Та, опустив голову, отчаянно сопротивлялась намерению его светлости, отталкивая его своими маленькими ручками и невнятно что-то бормоча.

Ярость поглотила Гэрри.

— Крейвен?

Это единственное слово заставило Крейвена поднять голову и нетерпеливо оглянуться. В тот же момент от мощного удара милорд отлетел в сторону и упал на балюстраду. Люсинда, прижав руки к груди, глотая рыдания, бросилась к Гэрри. Он прижал ее к себе, и она почувствовала его губы на своих волосах. Несмотря на то, что Гэрри стоял неподвижно, она ощущала кипящую в нем ярость. Затем он отодвинул ее в сторону, покровительственно обнимая одной рукой. Прижав щеку к его фраку, Люсинда взглянула на лорда Крейвена.

Несколько неуверенно его светлость поднялся на ноги. Подвигав челюстью, он проверил,

не сломана ли она, и настороженно посмотрел на Гэрри. Тот не шевельнулся, и Крейвен, поколебавшись, оправил фрак и расправил галстук, затем перевел взгляд на Люсинду и снова взглянул на лицо Гэрри, намеренно бесстрастное.

— Я, кажется, неправильно понял ситуацию, — сказал лорд Крейвен, приподнимая брови. — Мои низжайшие извинения, миссис Бэббакум. Умоляю принять их.

Люсинда наклонила голову и снова спрятала горящее лицо на груди Гэрри.

Лорд Крейвен снова посмотрел на Лестера. Теперь в нем появилось нечто совершенно нецивилизованное.

— Лестер, — с коротким кивком его светлость осмотрительно обошел их и исчез за углом.

Оставив на веранде две молчаливые фигуры.

Гэрри стоял напряженный, чувствуя дрожь Люсинды и свое непреодолимое желание успокоить ее. Он закрыл глаза, сопротивляясь собственным порывам и призывая себя к невозмутимости. Все его чувства и инстинкты толкали его обнять Люсинду, поцеловать... положить конец их глупой игре. Его охватило извечное мужское желание заявить свои права на женщину. Но столь же сильна была и ярость оттого, что им манипулируют, что его чувства так обнажены и подчинены ей.

Мысленно проклиная Люсинду за то, что она послужила причиной подобной сцены, он тщетно пытался побороть чувства, которые так долго отрицал.

Момент мучительно затянулся, напряжение казалось осязаемым.

Люсинда не могла дышать, не могла шевельнуться. Рука, обнимавшая ее, казалась стальной, неподдающейся. Затем грудь Гэрри всколыхнулась, он вздохнул.

— Вы успокоились?

Голос был ровным, без эмоций. Люсинда заставила себя утвердительно кивнуть, затем отступила. Его рука упала. Мимолетного взгляда на его лицо ей было достаточно. Она увидела бурю непонятных ей чувств, почувствовала осуждение.

Люсинда отвела взгляд и увидела перед собой его руку.

— Идемте. Вы должны вернуться в зал.

Она положила ладонь на рукав Гэрри и почувствовала, как дернулись мускулы под ее пальцами. Ей так хотелось, чтобы Гэрри приласкал ее, снова обнял, но она понимала: он прав и она должна немедленно появиться в зале. Люсинда подняла голову и, чуть кивнув, позволила ему отвести себя обратно, в какофонию разговоров и смеха, яркого света и беспечных улыбок.

Ее собственная улыбка казалась приличеству-юще веселой, хотя несколько сдержанной, когда она, слегка наклонив голову, поблагодарила Гэрри у дивана Эм. Он немедленно отвернулся и исчез в толпе.

Глава восьмая

— Добрый день, Фергюс. Миссис Бэббакум дома?

Гэрри вручил тетушкиному дворецкому перчатки и трость и с абсолютной невозмутимостью взглянул на лестницу.

— Миссис Бэббакум в верхней гостиной, сэр... она использует ее как кабинет. Ее светлость прилегла. Эти долгие вечера утомительны в ее возрасте.

— Неудивительно. — Гэрри решительно направился к лестнице. — Нет необходимости ее беспокоить и объявлять о моем приходе. Я уверен, что миссис Бэббакум ждет меня.

— Хорошо, сэр.

Верхняя гостиная была маленькой комнатой в задней части дома: высокие окна, выходящие в сад; два кресла, диван и несколько столиков; возле камина — ковер с цветочным рисунком. Пространство перед окнами занимала большая кушетка. У одной из стен стоял секретер. Когда Гэрри открыл дверь, Люсинда, очаровательная в нежно-голубом муслине, сидела за секретером с пером в руке.

Она оглянулась с рассеянной улыбкой на губах и замерла. Улыбка тотчас растаяла, сменившись маской вежливости. Лицо Гэрри сделалось суровым. Он переступил порог и закрыл за собой дверь.

Люсинда встала.

— Я не слышала объявления о вашем приходе.

— Вполне возможно, потому что никто и не объявлял. — Гэрри умолк, не снимая руки с дверной ручки, изучая высокомерное лицо Люсинды. Она выслушает все, что он собирается сказать, и ничто этому не помешает. Его пальцы сомкнулись на ключе, бесшумно заперев замок. — Это не светский визит.

— В самом деле? — Люсинда подняла голову. — Чему же в таком случае я обязана этой честью, сэр?

— Лорду Крейвену. — Улыбка Гэрри должна была послужить предупреждением.

Он подошел к ней, сверля ее взглядом. Люсинда подавила трусливое желание спрятаться за стулом.

— Я пришел потребовать ваших заверений, миссис Бэббакум, что вы с этого самого момента прекратите ваш маленький спектакль.

Люсинда окаменела.

— Прошу прощения?

— Вы прекрасно поняли, — проворчал Гэрри, не спуская с нее сверкающих глаз. — Та маленькая сцена на веранде леди Харкорт случилась исключительно по вашей вине. Ваш нелепый эксперимент, ваше поощрение повес, необходимо немедленно прекратить.

Люсинда надменно посмотрела на него.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Я просто делаю то же, что и многие дамы в моих обстоятельствах... ищу подходящую компанию.

— Подходящую? Я бы счел прошлый вечер достаточной демонстрацией того, насколько «подходящей» может быть компания повес.

Люсинда почувствовала, что краснеет. Пожав плечами, она отвернулась и отошла от секретера.

— Лорд Крейвен явно был ошибкой. И я искренне благодарю вас за помощь. — Она, не

уклоняясь, встретила его взгляд, затем спокойно прошла к окнам. — Но я должна подчеркнуть, мистер Лестер, что моя жизнь — это мое дело и я могу жить так, как мне нравится. Вас совершенно не касается, если я предпочту... — Люсинда неопределенно взмахнула рукой, — развивать отношения с лордом Крейвеном или с кем-нибудь другим.

Ее заявление было встречено напряженным молчанием. Люсинда ждала, нервно теребя высокую спинку кушетки и устремив невидящий взгляд на пейзаж за окнами.

Гэрри закрыл глаза. Сжав кулаки и стиснув зубы, он пытался сдержать ответ, который, как он точно знал, будет выглядеть провокационным. Пытался подавить бурю чувств, вызванную ее словами. В его закрытых глазах мелькнуло воспоминание о том, как она боролась в руках лорда Крейвена. Он резко открыл глаза.

— Моя дорогая миссис Бэббакум, — выдавил он, подходя к ней, — явно наступило время помочь вам в вашем образовании. Ни один повеса в здравом уме не заинтересован ни в каких других отношениях... кроме как совершенно определенного типа.

Люсинда оглянулась через плечо, увидела, что Гэрри приближается к ней, повернулась... и оказалась прижатой к стене.

Их взгляды встретились.

— Вы догадываетесь, что нас, повес, интересует?

Люсинда видела его хищную улыбку, сверкающие глаза, слышала невысказанное желание во вкрадчивом голосе. Она гордо подняла голову.

— Я не столь целомудренна.

В тот же момент, как ложь слетела с ее губ, она затаила дыхание. Гэрри придвинулся ближе, тесня ее к стене, и остановился только тогда, когда ей некуда было больше отступать. Ее юбки касались его бедер, терлись о сапоги.

Его губы, такие манящие, оказались совсем близко.

— Может, и так. Но когда дело доходит до подобных Крейвену и другим... или мне... вряд ли вам хватит опыта, дорогая.

Люсинда оставалась непреклонной.

— Я более чем способна защитить себя.

Его глаза вспыхнули.

— Способны?

Гэрри уже не чувствовал себя цивилизованным. Она будила в нем демона страсти, лишала разума.

— Может, мы подвергнем ваше утверждение испытанию?

Он взял ее лицо в ладони и приблизился еще немного, прижимая Люсинду к стене, и почувствовал, как она быстро вздохнула и затрепетала.

— Показать, в чем мы заинтересованы, Люсинда? — Он поднял ее лицо к своему. — Показать, о чем мы... — его губы скривились, он явно насмехался над самим собой, — о чем я думаю каждый раз, когда смотрю на вас? Вальсирую с вами?

Люсинда не ответила. Она смотрела на Гэрри широко распахнутыми глазами, судорожно дыша, сердце ее билось как сумасшедшее. Его брови насмешливо поднялись, приглашая ее ответить, глаза горели. Затем его взгляд упал на ее губы. Она нервно провела по ним кончиком языка.

И почувствовала его дрожь, услышала стон, который он попытался и не смог подавить.

Гэрри опустил голову и нашел губами ее губы.

Это была ласка, на которую она так долго надеялась... и все же не ожидала ничего

подобного. Его губы были твердыми, сильными, властными. Они терзали ее изысканными наслаждениями, будя чувства, которые она до сих пор подавляла. Поцелуй захватил ее, победил, освободил от реальности и унес туда, где господствовала только его воля. Он потребовал — она подчинилась. Совершенно.

Гэрри просил, и она давала. Гэрри хотел больше, она, не колеблясь, подчинялась. Она чувствовала его желание и жаждала удовлетворить его. И без всяких раздумий ответила на поцелуй, страстно желая почувствовать необузданную страсть, такую же, как ее собственная. И чем дольше длился поцелуй, тем дальше уходило все, кроме дикого желания, охватившего ее.

Гэрри не знал, что заставило его прийти в себя. Настоятельные требования бушующих желаний и жажда удовлетворить их? Что бы там ни было, он вдруг осознал опасность. И использовал все остатки сил, чтобы отступить.

Когда Гэрри поднял голову, он весь дрожал.

Пытаясь обрести душевное равновесие, он смотрел на ее лицо: ее веки медленно поднялись, и он увидел такие голубые, такие нежные, такие сияющие, такие обольстительные глаза, что у него перехватило дыхание. Ее губы, смятые поцелуем, горящие и, как он теперь знал, сладкие, не давали ему отвести взгляд. Он чувствовал, как снова подпадает под ее чары, склоняется к ней, к ее губам.

Он мучительно вздохнул и взглянул в ее глаза.

И увидел в их нежно-синих глубинах понимание и уверенность в своих женских чарах.

Этот взгляд потряс его до глубины души.

Гэрри вздрогнул и на мгновение закрыл глаза.

— Не надо.

Это была мольба побежденного.

Люсинда слышала и все поняла. Но если она не воспользуется своим преимуществом сейчас, она его потеряет. Эм сказала, что он будет потрясен... но он так упрям. Если она не разыграет эту карту сейчас, он может и не дать ей другого шанса.

Она медленно подняла руки на плечи Гэрри. Увидела ужас, наполнивший его глаза. Он был напряжен, парализован... и не мог сопротивляться ей.

Гэрри понимал это. Сопротивление всепоглощающему желанию отняло все его силы. Он не мог шевельнуться, мог только следить за приближением своей судьбы. Она замкнула руки на его шее и потянулась к нему.

Когда ее губы были в дюйме от его губ, она подняла глаза и увидела полный муки взгляд. Затем ее веки опустились, и она прижалась губами к его губам.

Сопротивление Гэрри длилось не дольше двух ударов сердца. В эти мгновения так долго обуздываемое желание сделалось неуправляемым, превращая в прах последние добрые намерения, здравый смысл, логичные оправдания.

Со стоном, вырвавшимся из самой глубины его души, он схватил ее в объятия.

Никаких преград больше не существовало, он целовал и ласкал ее, разжигая обоюдное желание. Она отвечала на его поцелуи, вцепившись в него, безудержно, соблазнительно извиваясь.

Желание росло, безумное и сильное. Люсинда не сопротивлялась взрыву их страсти, отчаянно надеясь таким образом скрыть любое ложное движение, любую неуверенную реакцию. Если он почувствует ее невинность, все пойдет прахом — в этом она была уверена.

Его ласки были волшебными. Чувства, которые они вызывали в ней, могли бы

шокировать ее... но она не позволяла себе ни о чем думать. К счастью, желание путало все ее мысли. Горячие ладони на груди вызвали настойчивое непреодолимое влечение, какого она никогда раньше не испытывала.

Одной рукой Гэрри прижал к себе ее бедра, она почувствовала его желание, тихо застонала и не отшатнулась.

Разгорающаяся страсть поглотила их с такой силой, что у Гэрри закружилась голова. Усилием воли он старался побороть внезапно охватившую его неловкость и начал освобождать ее от платья и нижних юбок, нежно отталкивая ее мечущиеся руки, удовлетворенный тем, что она слишком одурманена, чтобы разумно помогать ему. Желание подгоняло их и влекло все дальше и дальше. Оставшись в одной нижней сорочке, Люсинда сняла и швырнула на пол галстук Гэрри, затем принялась расстегивать пуговицы его рубашки. И вскоре замерла, не в силах отвести глаз от его обнаженной груди. Гэрри поднял Люсинду на руки, отнес на кушетку и сел, чтобы стянуть с себя сапоги.

Люсинда была зачарована... ощущением разумной неизбежности происходящего, теплым желанием, несущимся по ее венам. Она чувствовала себя совершенно свободной, не сдерживаемой ни скромностью, ни приличиями, уверенная, что все так и должно быть. И когда Гэрри разделся и повернулся к ней, она обхватила его руками, наслаждаясь его теплом, загораясь от его прикосновений. Их губы встретились, желание усилилось. Он снял ее сорочку, их тела встретились, Люсинда задрожала и закрыла глаза. Целуя, он положил ее на мягкие подушки. Люсинда полностью отдалась его власти.

Гэрри лег рядом, лаская ее, но желание быстро положило конец любовной игре. Лежа с закрытыми глазами, Люсинда чувствовала внутри болезненную пустоту, сокрушительную жажду, которую он вызвал к жизни и только он мог утолить. Облегчение и предвкушение нахлынули на нее, когда он приподнялся, и его тяжесть пригвоздила ее к кушетке. Она старалась дышать, собиралась с силами... и вдруг одним плавным движением сильного тела он соединил их.

Ее тихий вздох отразился эхом от стен. Оба поражение замерли.

Медленно, отчетливо слыша звук собственного сердца, Гэрри поднял голову и посмотрел на ее лицо. Ее глаза были закрыты, лоб нахмурен, нижняя губа закушена. Под его взглядом ее тело и лицо расслабились.

Гэрри ожидал, что будет разгневан, почувствует себя обманутым, одураченным.

Вместо этого его охватило ошеломляющее чувство собственника, не тронутое вожделением, вызванное чем-то более мощным, вытеснившим все сожаления. Это чувство росло, радостно расцветало, сильное и уверенное.

Гэрри не стал спрашивать себя, что это за чувство.

Опустив голову, он коснулся губами ее губ.

— Люсинда...

Она вздохнула и поцеловала его. Ее пальцы пробежали по его щеке. Гэрри нежно убрал с ее лица упавшие завитки волос.

Затем, с бесконечной нежностью, он научил ее любви.

Довольно значительное время спустя, когда Люсинда вновь обрела возможность воспринимать реальность, она обнаружила себя в объятиях Гэрри, прижатой спиной к его груди. Она томно вздохнула, блаженство медленно угасало в ней.

Гэрри наклонился, и она почувствовала его губы у своего виска.

— Расскажите мне о своем браке.

Люсинда чуть нахмурилась, кончиком пальца потянула завитки волос у него под мышкой.

— Чтобы понять, вы должны вспомнить, что я осиротела в четырнадцать лет. От моих родителей отреклись обе их семьи.

Используя минимум слов, она рассказала ему свою историю, медленно водя ладонью по его руке, обнимающей ее.

— Поэтому мой брак не был настоящим. Мы с Чарльзом жили очень дружно, но без близости... такой близости.

Гэрри оставил свои сомнения при себе, мысленно благодаря Чарльза Бэббакума за то, что он оберегал Люсинду, за то, что любил ее так сильно, что оставил нетронутой. Прижавшись губами к ее волосам, вдыхая их нежный аромат, Гэрри дал молчаливую клятву тени покойного мужа Люсинды, что отныне всегда будет охранять ее.

— Вы должны выйти за меня замуж. — Он произнес эти слова, как бы размышляя вслух, едва только они пришли ему в голову.

Люсинда прищурилась. Наполнявшая ее радость сразу угасла. После короткой паузы она спросила:

— Должна?

— Вы были девственницей. Я джентльмен. Предопределенный результат наших недавних действий — бракосочетание.

Его слова были решительны, акценты точно расставлены. Люсинда закрыла глаза, не желая верить своим ушам. Последний отзвук томительного воспоминания исчез; обещания, таившиеся в их невыразимо нежной близости, разрушились.

Люсинда подавила вздох, нервно сжала губы. Открыв глаза, она повернулась в его руках и посмотрела ему в глаза.

— Вы хотите жениться на мне потому, что я была девственницей? Я правильно поняла?

Гэрри нахмурился.

— Именно это от меня и ожидалось.

— Но вы хотите этого?

— Мои желания не имеют значения, — проворчал Гэрри, прищуриваясь. — Дело, слава Богу, достаточно простое. У общества есть правила... мы им следуем... к удовлетворению всех заинтересованных лиц.

Люсинда долго изучала его лицо, ее мысли хаотично метались. Это было предложение... в некотором роде... от мужчины, которого она хотела завоевать.

Но этого ей было недостаточно. Она хотела, чтобы он не только женился на ней, но и полюбил ее.

? Нет.

Гэрри ошеломленно смотрел, как она вырвалась из его объятий, нашла и натянула на себя сорочку.

Он сел.

— Что значит «нет»?

— Нет... я не выйду за вас замуж, — ответила она, надевая нижние юбки.

Гэрри удивленно вытаращил на нее глаза.

— Господи, почему нет?

Она метнулась к своему платью и чуть не упала, зацепившись за его штаны. Тихо выругавшись, она наклонилась, схватила их и швырнула в него.

Также бормоча проклятья, Гэрри оделся, натянул сапоги и подошел к Люсинде, боровшейся с рукавами платья. Положив руки на бедра, он стоял, возвышаясь над ней.

— Черт побери... я соблазнил вас! Вы должны выйти за меня замуж.

Ее глаза сверкнули, и она бросила на него разъяренный взгляд.

— Это я соблазнила вас, вспомните! И я вовсе не «должна выходить за вас замуж».

— А как насчет репутации?

— А что такое? — Люсинда надела платье. Повернувшись к Гэрри лицом, она ткнула его пальцем в грудь: — Никто никогда не поверит, что миссис Люсинда Бэббакум, вдова, была девственницей, пока вы не появились на ее пути. У вас нет против меня никакого оружия.

Люсинда спокойно встретила его ошарашенный взгляд и резко сменила тактику.

— Кроме того, — сказала она, сосредоточиваясь на пуговицах своего лифа, — я уверена, что у повес не принято предлагать брак каждой соблазненной ими женщине.

— Люсинда... — произнес Гэрри сквозь зубы.

— И я не давала вам права называть меня по имени! — Люсинда злобно взглянула на него. Она не позволит ему произносить ее имя... он шептал его со всеми мыслимыми ласковыми словами, когда занимался с ней любовью.

Любовь... она была уверена, что он любит ее, но не желает признавать.

А без этого признания она не примет его предложение.

Люсинда отвернулась и гордо прошествовала к двери.

Гэрри выругался. Застегивая рубашку, он поспешил за ней.

— Это безумие. Я сделал вам предложение, сумасшедшая женщина. Ведь вы именно этого добивались с того момента, как я вытащил вас из проклятого экипажа!

Люсинда подошла к двери и резко обернулась.

— Если вы так умело читаете мои мысли, тогда вы прекрасно поймете, почему я вам отказываю!

Она схватилась за дверную ручку, повернула ее и дернула. Ничего не произошло.

— Где ключ? — спросила она, не отводя взгляда от двери.

Совершенно сбитый с толку, Гэрри машинально полез в карман.

— Здесь.

Люсинда прищурилась, схватила ключ и с лязгом воткнула его в замочную скважину.

Гэрри смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Черт побери, я сделал вам предложение... чего еще вы хотите?

Положив ладонь на дверную ручку, Люсинда собралась с духом и повернулась к нему лицом.

— Я не хочу, чтобы мне делали предложение из-за каких-то светских условностей. Я не хочу, чтобы меня спасали или... или защищали, или женились из жалости. Чего я хочу... — Она умолкла, чтобы перевести дух. Затем посмотрела ему в глаза и медленно произнесла: — Я хочу, чтобы вы женились на мне по любви.

Гэрри окаменел. Лицо сделалось суровым.

— Любовь не считается важным условием брака среди аристократии.

Люсинда поджала губы и отчетливо объявила:

— Галиматья, — и распахнула дверь.

— Вы не понимаете, о чем говорите. — Гэрри провел рукой по волосам.

— Я очень хорошо понимаю, о чем говорю, — заявила в ответ Люсинда. Она-то полюбила его всем сердцем! Оглядев комнату, молодая женщина заметила у кушетки его

сюртук и галстук. Она быстро пересекла комнату и схватила их.

Когда Люсинда вернулась, Гэрри стоял, загородив дверь.

— Вот, — она сунула ему сюртук и галстук. — Теперь убирайтесь вон!

— Люсинда...

? Вон!

Без предупреждения она сильно ударила его в грудь. Гэрри чуть не вывалился за порог. Люсинда схватилась за ручку двери.

— Прощайте, мистер Лестер. Можете не волноваться, ради вашего спокойствия я буду выполнять все ваши инструкции в ближайшие недели.

С этими словами она захлопнула дверь перед его носом и заперла ее.

Ярость, поддерживавшая ее, тут же иссякла. Прижавшись к двери спиной, она закрыла лицо руками.

Гэрри хмуро смотрел на окрашенные белой краской двери, размышляя, не стоит ли ворваться обратно... затем услышал сдавленные рыдания. Его сердце разрывалось... терзаемое разочарованием. Но он мысленно отодвинул разочарование подальше от себя и запер его на замок. Помрачнев, он развернулся и пошел по коридору. И заметил свое отражение в зеркале. Гэрри резко остановился и натянул сюртук, затем намотал на шею измятый галстук.

Только с третьей попытки ему удалось завязать его более или менее прилично. Фыркнув, он повернулся и направился к лестнице.

Он сделал предложение. Она отказала.

Несносная женщина может отправляться ко всем чертям.

И защищать ее он больше не намерен!

Увидев два часа спустя Люсинду с темными тенями под распухшими, красными глазами, Эм была поражена. Молодая женщина не решилась опровергнуть подозрения своей хозяйки.

— Не могу понять. Какой дьявол в него вселился?

Люсинда шмыгнула носом и промокнула глаза кружевным платочком.

— Я не знаю. — Ей хотелось плакать, но она упрямо сжала губы. — Но такого предложения я не приму.

— И совершенно правильно! — Эм фыркнула. — Не волнуйтесь, он вернется. Возможно, вы застали его врасплох.

Люсинда немного подумала, затем устало пожала плечами.

— Мне кажется, что мы чего-то не знаем, — размышляла вслух Эм. — Знаю Гэрри всю жизнь... он всегда был таким предсказуемым... за его действиями всегда стояли разумные причины и убедительные доводы... он не импульсивный человек. — Она усмехнулась, ее взгляд стал рассеянным. — Джек импульсивен. Гэрри осмотрителен.

Люсинда ждала, надеясь на какое-нибудь спасительное озарение, но Эм оставалась глубоко погруженной в свои мысли.

Затем Эм ухмыльнулась и пришла в движение, ее накрахмаленное бомбазиновое платье зашелестело.

— Что бы там ни было, ему просто надо смириться и сделать вам предложение должным образом.

Люсинда сглотнула комок в горле и кивнула. Должным образом, то есть он должен сказать, что любит ее. После всего, что произошло сегодня, на меньшее она не согласна.

Вечером Эм взяла командование в свои руки и заставила Люсинду остаться дома и лечь

пораньше спать, чтобы успокоиться и восстановить красоту.

— Последнее, что вам сейчас нужно, — это показать ему и бомонду такое лицо.

Подавив таким образом вялое сопротивление Люсинды, Эм оставила ее на попечении грозной Агаты, суетившейся с холодными огуречными компрессами, и, с брызжущей весельем Хетер под крылышком, отправилась давать сражение на балу леди Колдекотт.

Она заметила Гэрри в толпе, но совершенно не удивилась, когда ее грешный племянник не выказал намерения приблизиться к ней даже на расстояние выстрела. Да и не его она хотела видеть.

— Недомогание? — Холодные серые глаза лорда Рутвена выразили искреннюю озабоченность. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Ну, так... и не так. — Эм многозначительно приподняла бровь. — Вы гораздо проницательнее, чем кажется, так что, смею сказать, вы заметили, как миссис Бэббакум пытается научить послушанию некоего упрямца. Нелегкая задача, конечно. Трудная дорога... вся в ухабах и рытвинах. Сейчас она немного хандрит. — Эм снова взглянула на его светлость. — Видите ли, когда она появится завтра, ей не помешала бы поддержка.

Лорд Рутвен изучал тетушку Гэрри настороженно и зачарованно.

— Да... действительно. — После паузы, за которую Рутвен вспомнил бесчисленные случаи, когда Гэрри отрезал его от намеченной ими обоими дамы, он сказал: — Пожалуйста, передайте мои пожелания скорейшего выздоровления миссис Бэббакум. Конечно, я буду счастлив приветствовать ее снова в нашем кругу... с нетерпением и необычайным предвкушением жду ее возвращения.

Эм усмехнулась.

— Не сомневаюсь.

Царственным жестом она отпустила его. Лорд Рутвен изящно поклонился и удалился.

Пятнадцать минут спустя около дивана Эм остановился мистер Эмберли. Покончив с формальностями, он сказал:

— Хотел попросить вас передать мои наилучшие пожелания миссис Бэббакум. Как я понял, ей сегодня нездоровится. Мы, бедные холостяки, так скучаем без нее. Хотел уверить ее в моей беспредельной поддержке, когда она снова украсит наше общество.

Эм одобрительно улыбнулась.

— Я обязательно передам ваши любезные слова, сэр.

Мистер Эмберли поклонился и отошел.

К удовлетворению Эм, в этот вечер ее часто отвлекали подобными заявлениями. Один за другим близкие друзья Гэрри подходили выразить поддержку святому делу Люсинды.

Глава девятая

Роскошный прием леди Мотт обещал стать самым шумным раутом сезона. Во всяком случае, так думала Люсинда, медленно продвигаясь в толпе под руку с лордом Коммервиллом.

— Ну и ну! — Лорд Коммервилл бросил на нее извиняющийся взгляд. — Жаль, что конец танца застал нас так далеко от ваших спутников. Обычно я наслаждаюсь прогулкой по залу, но не в таком столпотворении.

— Действительно. — Несмотря на подавленное настроение, Люсинда старательно сохраняла веселую улыбку. Ей было душно среди теснящихся тел. — Должна признать, что не перестаю удивляться, как столь безумная толкотня может считаться такой желанной.

Лорд Коммервилл кивнул с мудрым видом.

Люсинда подавила слабую усмешку. Милорд был примерно ее возраста, но она чувствовала себя неизмеримо старше. Он только боролся за место среди повес высшего света. По ее мнению, ему предстояло еще многому научиться, чтобы соперничать с некоторыми, кого она могла назвать по именам.

Она вспомнила Гэрри и усилием воли отогнала его образ. Какой смысл оплакивать то, что нельзя исправить?

С того момента, как она безоговорочно отказала ему, ее мучили сомнения... нежеланные сомнения. Больше она его не видела; он не вернулся и не бросился на колени. Вероятно, он еще не осознал свои заблуждения. Или, несмотря на ее твердое убеждение — да что она понимает в этих делах, в конце концов? — он не любит ее по-настоящему.

Она продолжала говорить себе, что все к лучшему. Когда Гэрри вынудил ее облечь свои мысли в слова, она осознала, как много значит для нее брак, построенный на любви. У нее в жизни было все... кроме любящего мужа, с которым она могла бы построить будущее. А какая польза во всем остальном, если нет этого?

Она знала, что права... но ее уныние не развеивалось, свинцовая тяжесть давила грудь.

Лорд Коммервилл вытянул шею.

— Похоже, толпа впереди редет.

Чуть улыбнувшись, Люсинда кивнула. Пара перед ними остановилась поговорить со знакомыми. Им также пришлось остановиться. Люсинда взглянула влево... прямо на золотую булавку в форме желудка, покоящуюся в белоснежных складках безупречно завязанного галстука. Она знала эту булавку... она сама отколола ее менее двадцати четырех часов назад.

Ей будто сжали тисками сердце. Она подняла голову.

Глаза цвета штормового моря встретили ее взгляд. Испуганная Люсинда пыталась понять выражение этих полуприкрытых глаз. Суровые, безразличные, непроницаемые. Потерпев первое поражение, Люсинда перевела взгляд на губы Гэрри.

Только чтобы увидеть, как они твердеют и вытягиваются в строгую линию.

Она снова растерянно взглянула в его глаза и заметила в них мимолетную неуверенность.

Расстояние в пять футов и две пары плеч разделяли их.

Он вздрогнул, его губы дернулись, уголки их поднялись.

— Ах... наконец! — Лорд Коммервилл поклонился, указывая на образовавшуюся перед

ними брешь.

Гэрри отвернулся, чтобы приветствовать величественную матрону с жеманной дочерью на буксире. Его представили, и он сдержанно поклонился девице.

Люсинда вздохнула и заставила себя с некоторым подобием интереса прислушаться к болтовне лорда Соммервилла.

Краем глаза Гэрри наблюдал, как она удаляется, и не отводил взгляд, пока ее не поглотила толпа. Только тогда он переключил внимание на леди Аргайл.

— Небольшая вечеринка... только для избранных, — просияла леди Аргайл. — Чтобы вы, молодежь, могли поболтать и получше узнать друг друга. Разве это возможно в такой толпе, не так ли?

Выпученные глаза леди Аргайл приглашали его согласиться. Однако Гэрри был слишком опытен, чтобы попасться на удочку. С холодной невозмутимостью и отстраненностью он посмотрел на даму.

— Боюсь, леди Аргайл, что я занят. Я не могу проводить много времени на балах в этом сезоне. — Он заметил подозрительный взгляд ее светлости. — Меня ждут неотложные дела в другом месте.

Изящно поклонившись, он воспользовался просветом в толпе и ускользнул, оставив леди Аргайл в недоумении.

Освободившись, Гэрри поколебался, затем последовал за Люсиндой. Собственное заявление о том, что он раз и навсегда расстался с ней, насмешливо зазвенело в его ушах, но Гэрри усилием воли заглушил внутренний голос. Поплутав немного по залу, он наконец обнаружил ее в центре неизбежного круга. Рутвен, Эмберли и Саттерли. Гэрри прищурился.

Эмберли стоял рядом с Люсиндой, болтая со своей обычной непринужденностью и жестикулируя. Все вокруг смеялись, включая Люсинду. Затем настала очередь Саттерли. Хьюго наклонился и улыбнулся, явно пересказывая слухи или какой-то случай. Рутвен, стоявший по другую сторону от Люсинды, следил за ее лицом. Гэрри поджал губы.

Скрытый толпой, он не сводил глаз с Люсинды. Она улыбалась истории Саттерли, однако ее улыбке не хватало так хорошо известной Гэрри теплоты. Разговор стал общим, она засмеялась и что-то сказала, но без обычной уверенности. Опасное напряжение, охватившее его, ослабло.

Она была подавлена... вероятно, очень несчастлива, но старательно скрывала это под внешней веселостью.

Гэрри охватило чувство вины, но он его тут же безжалостно заглушил. Поделом ей: он сделал предложение — она отказала.

Ему следует благодарить Бога за то, что он избежал опасности. Логика подсказала бежать от дальнейших искушений. Пока он колебался, лорд Рутвен предложил Люсинде руку.

— Позвольте предложить небольшую прогулку по веранде, дорогая. — Озабоченный ее угасшим, затравленным взглядом, постоянно блуждавшим по толпе, Рутвен не смог придумать ничего более утешительного. — Глоток свежего воздуха поможет вам забыть об этом душном зале.

Люсинда улыбнулась, понимая, что ее печаль слишком заметна.

— Действительно, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Здесь слишком душно, но... я не уверена...

Она умолкла, не в состоянии выразить свои сомнения словами.

— О, не беспокойтесь об этом! — воскликнул мистер Эмберли. — Я вот что предлагаю: мы все пойдем. Никто ничего не сможет сказать, правда? — И он ободряюще улыбнулся.

Люсинда взглянула на лорда Рутвена и мистера Саттерли.

— Прекрасная мысль, Эмберли. — Его светлость снова галантно предложил Люсинде руку.

— Именно то, что надо, — кивнул мистер Саттерли и отступил, пропуская Люсинду.

Люсинда не сразу поняла, что они все ждут ее ответа, искренне озабоченные только ее самочувствием, и ничем другим. Она улыбнулась и почувствовала, как расслабляется.

— Благодарю вас, джентльмены. Вы действительно очень любезны.

— Счастлив услужить, — сказал мистер Саттерли.

— Буду рад, дорогая, — сказал мистер Эмберли. В глазах лорда Рутвена мерцала печаль. Он криво улыбнулся.

— Видите ли, ничего не может быть «очень» для друга.

Люсинде стало еще спокойнее, и она улыбнулась.

Из толпы Гэрри следил за ними. Впереди шли Саттерли и Эмберли, за ними Рутвен с Люсиндой. Когда до Гэрри дошло, что цель Рутвена — одна из застекленных дверей, выходящих на веранду, напряжение снова охватило его. Он сделал шаг вперед... и остановился как вкопанный.

Люсинда больше его не интересуется.

Саттерли и Эмберли пропустили Люсинду и Рутвена на веранду, затем последовали за ними. Гэрри прищурился. Мгновение он пристально смотрел на тихо колышущиеся драпировки, за которыми исчезла четверка.

Затем его губы цинично скривились. С такими кавалерами прелестная миссис Бэббакум не нуждается в его защите. Несколько скованно он повернулся и направился к карточным столам.

— Орелия Уилокс всегда давала самые лучшие балы. — Шелковое платье Эм зашелестело в темноте кареты, катившейся по Хайгейт-Хилл. Через мгновение она неуверенно добавила: — Что-то я не видела Гэрри сегодня.

— Его там не было, — устало проговорила Люсинда, радуясь, что Хетер спит, свернувшись на противоположном сиденье. Если бы не падчерица, которая так невинно наслаждалась первыми светскими впечатлениями, Люсинда серьезно подумала бы об отъезде из столицы, хотя это было бы равносильно признанию поражения.

Она и чувствовала себя побежденной. Еще один вечер прошел без Гэрри. Она не видела его с субботнего бала леди Мотт, он больше не являлся на балы и вечеринки, которые они посещали. Она тосковала не столько о его присутствии, сколько о его неотступном взгляде, возбуждавшем в ней совершенно особенные чувства.

И по этим чувствам она ужасно теперь скучала.

— Вероятно, он уехал из Лондона? — Голос прозвучал ровно, но слова выразили ее сильнейший страх. Она разыграла свои карты — и проиграла.

— Нет, — зашевелилась Эм. — Фергюс упоминал, что Долиш все еще торчит в кухне, — она фыркнула. — Один Господь знает, с какой целью.

Через мгновение Эм тихо продолжила:

— С самого начала было ясно, дорогая, что легкой победы не будет. Он упрям, как осел, то есть как большинство мужчин в подобных делах. Вы должны дать ему время привыкнуть

к этой мысли, и его сопротивление иссякнет само собой. Он появится в конце концов, надо только подождать.

Подождать. Карета гроыхала по булыжной мостовой. Люсинда откинула голову на подушки и вспомнила свои недавние действия. Чем бы все это ни кончилось, она не сожалела ни об одном из них. Попав снова в такую же ситуацию, она вела бы себя точно так же. Но ни грустные размышления о прошлом, ни праздное времяпрепровождение в настоящем не приближали ее к цели. Вряд ли она когда-либо снова сможет соблазнить Гэрри, если он сейчас не вернется к ней.

Хуже того, он перестал беспокоиться о ее безопасности, хотя лорд Рутвен, мистер Эмберли и мистер Саттерли с безмерным усердием ухаживали за ней. Если бы не их энтузиазм и совершенно платоническая поддержка, она вряд ли смогла бы выдержать все эти светские развлечения с высоко поднятой головой. Да и балы, которые она вначале находила захватывающими, потеряли свою привлекательность. Танцы ей наскучили, вальсы превратились в тяжелые испытания. Что касается прогулок, бесконечных визитов, постоянных появлений на балах, требуемых светским этикетом, она все более видела в них пустую трату времени. Несомненно, в ней возродилась деловая женщина. По правде говоря, она теперь считала светские развлечения очень плохим капиталовложением, поскольку больше не надеялась получить от них прибыль.

К несчастью, она понятия не имела, какую новую стратегию избрать, как вернуть свою цель в пределы досягаемости. Гэрри взял дело в свои руки и оставил ей одно лишь ожидание. Подобный сценарий Люсинда находила крайне раздражающим.

Она подавила желание фыркнуть — привычка Эм оказалась заразной.

Но, вероятно, Эм снова права. Надо ждать. Она разыграла свои карты.

Теперь очередь Гэрри.

Примерно двенадцать часов спустя Гэрри в своей обычной позе подпирал стену длинного бального зала резиденции Уэббов на Маунтстрит, лениво наблюдая за толпой, собравшейся на бракосочетание его брата. Их отец восседал в кресле в другом конце зала. Рядом с ним сидела Эм в роскошных темно-синих шелках. Ее почетная гостья отсутствовала.

Конечно, теперь ему не надо забивать себе голову мыслями о том, где она и чем занимается. Поведение его друзей делает это совершенно ненужным. В последние пять дней они сопровождали ее повсюду, поглядывая на него холодно и очень критично. Рутвен с высокомерным пренебрежением считал возможным назвать его «проклятым идиотом». Рутвен, который, будучи на полгода его старше, совершенно не собирался беспокоить себя поисками жены! Рутвен, который должен был сохранить титул в семье! Гэрри с отвращением усмехнулся и предложил бывшему другу попытать счастья, если уж он так очарован данной леди.

Рутвен заморгал и слегка смутился.

Прикрыв глаза, Гэрри глотнул бренди для утешения.

И, получив удар по плечу в самый критический момент, поперхнулся. Восстановив дыхание, он повернулся к нападавшему:

— Черт побери, надеюсь, твоя жена научит тебя хорошим манерам!

Джек засмеялся.

— Возможно, но вряд ли тебя это коснется. Она считает тебя опасным. И думает, что тебе необходима женщина, способная затупить твоё смертоносное оружие.

— Неужели? — подчеркнуто холодно ответил Гэрри, глотнул еще бренди и отвернулся. Джек не унимался:

— Клянусь жизнью. Она считает, что тут понадобится отважная женщина — Боудикка (Вдова вождя британского племени иценов. Возглавила антиримское восстание в Британии в 61 г. н.э., которое было с трудом подавлено римской армией. Боудикка покончила с собой, приняв яд), как я понял. Другая с тобой не справится.

Гэрри закатил глаза... но тут же представил себе Люсинду, полуобнаженную, разукрашенную синей краской, на колеснице.

— У твоей жены типично женское экстравагантное воображение.

Джек хихикнул.

— Я подожду с выводами до конца медового месяца. Мы отправляемся на неделю в Роулинг-Коттедж. Сейчас в Лестершире тихо и мило.

Гэрри покачал головой, улыбаясь блеску глаз брата.

— Только не потеряй что-нибудь жизненно важное... голову, например.

Джек засмеялся.

— Думаю, справлюсь. — Он нашел взглядом жену в центре толпы у двери и, повернувшись к Гэрри, протянул руку. — Пожелай мне удачи.

Гэрри встретил его взгляд.

— Ты знаешь, что я желаю тебе удачи. И твоей Златовласке тоже.

— Я передам ей. — Уже повернувшись уходить, он искоса взглянул на Гэрри: — Позаботься о себе.

И, кивнув в последний раз, он направился к своему будущему, оставив Гэрри недоумевать, насколько нынешняя затруднительная ситуация отражается на его лице.

Пятнадцать минут спустя, стоя на верхних ступеньках парадной лестницы дома Уэббов, он смотрел вслед экипажу, увозящему Джека и его новобрачную. Экипаж завернул на Саут-Одли-стрит и исчез из виду. Гости повернулись, вздыхая, и отправились в дом. Гэрри задержался, избегая встречи с Эм и отцом, и последним вошел в холл.

Дворецкий как раз вернулся с его перчатками и тростью, когда холодный, спокойный голос спросил:

— Неужели вы не останетесь с нами хоть ненадолго, мистер Лестер? У нас практически не было шанса познакомиться.

Гэрри повернулся и увидел изящное лицо миссис Уэбб и ее серебряно-голубые глаза, которые, как он был уверен, видели слишком много.

— Благодарю, мадам, но я должен идти.

Он элегантно поклонился, только чтобы, выпрямляясь, услышать ее вздох.

— Я искренне надеюсь, что вы примете правильное решение.

К своей величайшей неловкости, Гэрри оказался в ловушке ее пронизательного взгляда.

— Видите ли, это очень просто. Никаких проблем, хотя всегда кажется, что проблема есть. Человек только должен решить, что ему необходимо больше всего в жизни. Поверьте мне. — Она по-матерински хлопала его по руке, в полном несоответствии с ее чрезвычайно элегантной внешностью. — Это так легко, если подумать хорошенько.

В первый раз за очень долгое время Гэрри не нашелся что ответить.

Люсилла Уэбб улыбнулась ему очень искренне и грациозно взмахнула рукой.

— Я должна вернуться к гостям. Но постарайтесь принять правильное решение, мистер Лестер. И желаю вам удачи.

Она ускользнула в гостиную.

Выйдя на улицу, Гэрри остановился в раздумье. Куда идти? Домой? В один из клубов? Нахмурившись, он покачал головой.

Незванный образ Боудикки предстал перед его мысленным взором. Гэрри перестал хмуриться, губы дернулись в улыбке. Странная фантазия. Неужели он так опасен, что женщине необходима броня для общения с ним?

Сидящий в нем повеса не возражал против такого сравнения, но сам Гэрри не знал, комплимент ли это. Однако он был уверен — и у него было предостаточно доказательств, — что Люсинда Бэббакум не относится к тем женщинам, которые способны осознать опасность, еще менее — предусмотреть ее. Она, как он представлял, просто посмотрела бы в глаза римским командирам и спокойно указала им на то, что они незаконно вторглись в ее владения. А потом, сложив на груди руки и нетерпеливо топая ножкой, приказала бы им удалиться.

И очень вероятно, они бы ушли.

Как ушел он...

Гэрри встряхнулся, отгоняя эти мысли. Глубоко вздохнув, он поднял голову и увидел, что стоит в конце Саут-Одли-стрит. Впереди маняще зеленели тенистые лужайки Грин-парка.

Решив прогуляться, он пересек Пиккадилли. Еще было рано для прогулок аристократов, и большинство наверняка отправится в Гайд-парк по соседству. Грин-парк оккупировали няни с детьми и влюбленные пары, прогуливавшиеся по дорожкам.

Он медленно шел, впитывая мирную тишину, стараясь ни о чем не думать.

Пока крикетный мяч не ударил его по колену.

Гэрри подавил недовольный возглас, уже готовый было сорваться с его губ, остановился и поднял мяч, оглядываясь в поисках владельца.

Вернее, как оказалось, владельцев.

Их было трое, один чуть постарше, но и ему едва ли было больше семи лет. Они выступили из-за дерева и осторожно приблизились к нему.

— Я... мне очень жаль, сэр, — пропищал старший. — Вам не больно, сэр?

Гэрри едва не засмеялся.

— Ужасно больно, — сурово ответил он. Все три личика испуганно вытянулись. — Но полагаю, я выживу.

Они облегченно вздохнули и с надеждой посмотрели на него. Огромные глаза, опущенные длинными ресницами, лица невинные, как у ангелов.

Найдя пальцами шов мяча, Гэрри сдался и улыбнулся. Он присел на корточки, чтобы сравняться с ними ростом, и закрутил мяч, как волчок, на ладони.

— Ох... здорово!

— Как вы это делаете?

Мальчики окружили его, забыв о вежливой сдержанности. Гэрри показал им трюк, усвоенный во время длинных летних детских каникул. Они охали, ахали и пробовали сами повторить его.

— Джеймс! Адам! Куда же вы подевались? Марк?

Троица виновато оглянулась.

— Нам надо идти, — сказал старший. Затем улыбнулся так, как может улыбаться только маленький мальчик. — Огромное спасибо, сэр.

Гэрри усмехнулся, встал и смотрел, как троица спешит к толстой нетерпеливой няне.

Он все еще усмехался, когда слова миссис Уэбб зазвучали в его ушах: «Человек должен решить, что ему необходимо больше всего в жизни».

Он не думал о своем самом заветном желании уже много лет. Десять лет. Десять лет назад он преследовал свою цель с тем, что было в то время его главным качеством, — самоуверенной импульсивностью. И обнаружил, что он и его мечты преданы.

И он спрятал свои мечты подальше, запер их в самых глубоких тайниках души и никогда больше не выпускал на свободу.

На его губах появилась циничная улыбка. Он отвернулся и продолжил прогулку.

Но не мог свернуть мысли с выбранного ими пути.

Он прекрасно знал, чего больше всего хочет от жизни — и тогда, и сейчас; несмотря на прошедшие годы, он мало изменился.

Гэрри остановился и заставил себя сделать глубокий вдох. За спиной еще слышались тонкие голоса его новых знакомых, покидавших парк со своей няней. Вокруг него под строгим наблюдением играли подростки. Тут и там прогуливались джентльмены под руку с женами, окруженные детьми.

Другие жизни были полны, его оставалась пустой.

Может быть, в конце концов пора рискнуть? Первая попытка обернулась катастрофой, но неужели он так труслив, что не сможет попробовать снова?

Вечером он отправился в театр. Его мало занимал сам спектакль и еще меньше — маленькие светские драмы, разыгрываемые в коридорах, но, к его несчастью, прелестная миссис Бэббакум изъявила желание познакомиться с игрой великого трагика Эдмунда Кина. Эмберли с удовольствием повиновался.

Из тени у стены партера, напротив ложи, заказанной Эмберли, Гэрри смотрел, как рассаживается маленькая компания. Только что прозвенел звонок, и публика засуетилась. Сливки общества занимали места в ложах, щеголи из партера пялили на них глаза, менее удачливые наблюдали с галерки.

Гэрри увидел, как Эмберли эффектно усаживает Люсинду. Она была, как обычно, в синем платье, но сегодня — с сиреневым оттенком. Серебряная вышивка украшала декольте. Ее темные, высоко поднятые волосы открывали бледное лицо. Расправив юбки, она подняла глаза на Эмберли и улыбнулась.

Гэрри почувствовал, как холод пробирается до самой глубины его существа.

Эмберли засмеялся и заговорил, наклонившись, чтобы Люсинда не напрягала слух.

Гэрри перевел взгляд на остальных. Саттерли болтал с Эм, сидевшей рядом с Люсиндой. Хетер Бэббакум с размаха плюхнулась в кресло позади Эм. Гэрри заметил стоящего за Хетер Джеральда. Его поза красноречиво говорила о том, как он относится к своей очаровательной подопечной.

Ошеломленный, Гэрри нахмурился. Он легко читал по лицу Джеральда даже с такого расстояния. Его брат выглядел слишком заинтересованным. Гэрри подумал, что надо будет предупредить брата, но тут же осекся. Хетер Бэббакум, конечно, юна, но искренна и честна. Кто он такой, чтобы выступать против нее?

Его взгляд снова устремился на Люсинду. Он скривился, насмехаясь над самим собой.

Кто он такой, чтобы спорить с любовью?

Какая другая причина могла привести его сюда, если не сильнейшее стремление успокоиться?

Даже Долиш стал смотреть на него со странным чувством, похожим на жалость. На

раздраженный вопрос «Что, черт побери, случилось?» его преданный слуга, почесав подбородок, ответил: «Просто очень похоже, что вам невесело... Если вы понимаете, о чем я».

Гэрри свирепо посмотрел на него и прошел в библиотеку... но он прекрасно понял, что имел в виду Долиш. Последняя неделя была сущим адом. Он думал, что достаточно легко будет вычеркнуть Люсинду Бэббакум из своей жизни, учитывая, как недавно она в нее вошла. В конце концов, умение покидать женщин и избегать обещаний входит в обязательный набор уловок светских повес.

Но изгнать прелестную миссис Бэббакум из своих мыслей оказалось невозможным.

Что оставляло ему только один путь.

Как коротко сформулировала миссис Уэбб — уяснить, чего он хочет больше всего.

Но нужен ли еще он ей?

Гэрри следил за Эмберли, продолжающим болтать и элегантно жестикулировать. Эмберли не дурак и прекрасный рассказчик. Мысль о том, что Люсинда, отвергнув его, Гэрри, предложение, может забыть его, решить, что он недостойн ее усилий, и поискать поддержки в другом месте, не способствовала его утешению.

Еще менее утешительным явилось осознание того, что ему может не представиться второй шанс... и у него нет права требовать или вмешиваться в ухаживания друга.

Грудь Гэрри будто сжало тисками. Эмберли снова зажестиковал, и Эм рассмеялась. Люсинда, улыбаясь, подняла глаза на Эмберли. Гэрри прищурился, отчаянно пытаясь разглядеть выражение ее глаз.

Но она была слишком далеко, а когда повернулась, ее глаза были полуприкрыты веками.

Из оркестровой ямы послышался звон фанфар, встреченный громким свистом из партера и вежливыми аплодисментами из лож. Люстры в зале погасли, лампы на сцене зажглись. Актеры вышли из-за кулис, и взгляды публики обратились на них.

Все, кроме взгляда Люсинды.

Привыкнув к темноте, Гэрри увидел, что она смотрит вниз, а не на сцену — возможно, на руки, возможно, играет веером. Она высоко держала голову, и никто из ее спутников не мог заподозрить, что ее внимание не сфокусировано на пьесе. Мерцающий свет играл на ее лице, спокойном, но рассеянном и печальном, сдержанном и одновременно красноречивом.

Гэрри глубоко вздохнул и выпрямился. Ему стало немного легче.

Люсинда оглянулась... не на сцену, а на публику. Гэрри окаменел, когда ее взгляд скользнул по ложам над ним.

Даже в полумраке он увидел надежду, осветившую ее лицо, и то, как потом она медленно угасла.

Люсинда разочарованно замигала, затем не спеша откинулась на спинку кресла. Ее лицо стало невыразимо печальнее, чем прежде.

Сердце Гэрри болезненно сжалось. На этот раз он не попытался подавить свои чувства. Он повернулся и неторопливо пошел вдоль стены к двери уже в гораздо более радостном настроении.

Он не ошибся в Люсинде Бэббакум. Эта проклятая женщина была так уверена в себе, что не видела опасности в любви к нему.

Выходя из темного партера, он улыбался.

Двумя ярусами выше, на переполненной галерке, Эрлу Джолиффу было не до улыбок. Он

мрачно смотрел на Люсинду и всю компанию в ложе Эмберли.

— Проклятье! Что, черт побери, происходит? — прошипел он.

Мортимер Бэббакум, сидевший рядом с ним, повернулся к нему с недоуменным видом.

Джолифф с отвращением показал на ложу напротив.

— Что она с ними делает? Она превратила целую стаю самых опасных лондонских волков в кошечек!

— Кошечек? — заморгал Мортимер. Джолифф чуть не зарычал.

— Ну, болонок! Проклятая ведьма... точно, как сказал Скругторп.

— Эй, потише! Тсс! — раздалось вокруг.

Мгновение Джолифф раздумывал, как поглубже ответить, затем благоразумие восторжествовало. Он заставил себя смолчать, но его взгляд оставался прикованным к его жертвенной овечке... превратившейся в укротительницу волков.

Мортимер склонился к нему.

— Наверно, они смягчают ее... пускают пыль в глаза. Мы можем позволить себе еще немного подождать... не так уж отчаянно нам нужны деньги.

Джолифф пристально посмотрел на него, затем подпер голову руками.

— Когда светские распутники охотятся за женщиной, они не ведут себя так, как с вдовой вашего дяди, — объяснил он сквозь сжатые зубы. Его злобный взгляд переключился на Эмберли и Саттерли. — Они действительно милы. Боже мой! Разве вы не видите?

Нахмурившись, Мортимер посмотрел на ложу Эмберли.

Джолифф проглотил проклятье. Что касается их положения... так отчаяннее и быть не может. Неожиданная встреча с его кредитором прошлым вечером ярко продемонстрировала, насколько оно отчаянное. Джолифф подавил дрожь при воспоминании о странном бесплотном голосе, раздавшемся из экипажа, остановившего его на окутанной туманом улице.

— Скоро, Джолифф. Очень скоро. — Последовала пауза. — Я нетерпелив.

Джолифф был наслышан о нетерпеливости этого человека... и обычных последствиях данного недостатка.

Он был в полном отчаянии. Но Мортимер слишком глуп, чтобы доверять ему эти новости.

Джолифф сосредоточил все свое внимание на женщине в темной ложе.

— Нам необходимо что-то сделать... вмешаться.

Он говорил скорее с самим собой, чем с Мортимером.

Но Мортимер услышал.

— Что? — он повернул к Джолиффу удивленное глуповатое лицо. — Но... я думал, что мы пришли к соглашению... нет необходимости в открытом вмешательстве... мы не должны ничего делать сами! — Он уже почти кричал.

— Шшш! — раздалось со всех сторон. Раздраженный, Джолифф схватил Мортимера за сюртук и поставил на ноги.

— Пойдемте отсюда. — Он злобно взглянул на Люсинду. — Я видел достаточно.

И он стал подталкивать Мортимера к выходу. Как только они достигли коридора, Мортимер обернулся и схватил Джолиффа за лацканы.

— Но ведь вы сказали, что нет нужды похищать ее.

Джолифф смотрел на него с отвращением и презрением.

— Я не говорю о похищении, — рявкнул он, освобождаясь. — Есть лучший способ

достижения нашей цели. Идемте... нам необходимо посетить одну вечеринку.

Глава десятая

Когда утром в пятницу Эм села завтракать, она уже подумывала, не навестить ли ей Гэрри самой. Она не надеялась, что этот визит принесет какую-то пользу, но чувствовала себя крайне беспомощной каждый раз, как смотрела на лицо Люсинды. Вот и сейчас ее гостья, спокойная и бледная, рассеянно играла кусочком холодного тоста.

Эм удержала желание фыркнуть, наливая себе чай. Она сама была подавлена.

— Мы сегодня куда-нибудь едем? — Хетер уселась в дальнем конце стола, устремив огромные умоляющие глаза на Эм.

Эм искоса взглянула на Люсинду.

— Может, стоит передохнуть? Днем — прогулка в Гайд-парке. Вечером — бал у леди Галифакс.

Люсинда натянуто улыбнулась.

— В Гринвиче было так весело. — Хетер постаралась вложить в свои слова побольше уверенности. Лорд Рутвен организовал накануне поездку в обсерваторию, надеясь развеять Люсинду. Он и мистер Саттерли сражались героически, но все их усилия были тщетными.

— Лорд Рутвен был так любезен. Я должна послать ему записку с благодарностью, — сказала Люсинда.

Эм сомневалась, что лорд Рутвен оценит этот знак внимания. Бедняга выбивался из сил, но было совершенно ясно, что Люсинда едва замечает его. Нет, она не говорила о том, что занимает ее мысли. Ее самообладание было безупречным. Те, кто не знал ее раньше, ничего бы не заметили. Но те, кто знал, видели поверхностность ее улыбок, не достигавших теперь затуманенных более, чем всегда, и удрученно отстраненных глаз. Раньше она была естественно сдержанна, теперь казалось, что, даже находясь среди них, она удалилась в совершенно другой мир.

— Может быть, — отважилась Хетер, — поедem в музей? Мы еще не видели коллекцию мраморных скульптур лорда Эджина. Вы говорили, что хотели бы посмотреть.

Люсинда склонила голову.

— Может быть.

Хетер беспомощно посмотрела на Эм.

Эм покачала головой. Раньше она думала, что Хетер слишком юна, слишком неопытна, чтобы чувствовать молчаливую скорбь Люсинды. Но в последние дни поняла, что Хетер и видит, и понимает, но с юношеской уверенностью считает, что все как-нибудь уладится само собой. Теперь даже уверенность Хетер пошатнулась. Она тревожилась так же, как Эм, и от этого Эм беспокоилась еще больше.

Дверь открылась, Фергюс с серебряным подносом для визитных карточек и писем подошел к Эм.

— Почта, мадам. И только что посыльный вручил письмо для миссис Бэббакум. Он не стал ждать ответа.

Эм взяла белый запечатанный конверт и с болью отметила неожиданное напряжение, охватившее Люсинду. Одного взгляда на адрес хватило Эм, чтобы понять — не от Гэрри. Она беспомощно, без комментариев передала письмо Люсинде, стараясь не смотреть, как та ломает печать, как моментально гаснет осветившая ее лицо надежда.

Люсинда нахмурилась, читая короткое послание, и отложила его. Снова уставилась на

свой тост, теперь совершенно остывший, а затем с едва заметным вздохом потянулась к чайнику.

Эм отбросила щепетильность.

? Ну?

Люсинда взглянула на нее, пожала плечами.

— Это приглашение на несколько дней в какой-то загородный дом.

? Чей?

Люсинда нахмурилась.

— Не могу припомнить эту даму. — Она отпила чаю и взглянула на записку. — Леди Мартиндейл из Астерли-Плейс.

— Мартиндейл? — Эм начала хмуриться, но вдруг лицо ее прояснилось. — О, это Маргерит, дочь Эльмиры, леди Астерли. Должно быть, она помогает матери. Но ведь это чудесно! То, что надо! Немного свежего воздуха и светских развлечений вам просто необходимо. Эльмира — одна из моих старейших подруг, хотя мы вечность не встречались. Значит, она еще дышит. Когда прием?

— Начинается сегодня... но приглашение только для меня.

Эм заморгала.

— Только для... — И она снова заморгала. — Ах, понимаю!

? Что?

— Только что вспомнила. Гэрри — близкий друг сына Эльмиры — Альфреда, лорда Астерли. Они неразлучны с Итона.

Люсинда снова потянулась к приглашению.

— Вот как?

— В самом деле. — Глаза Эм засверкали. — Во всех шалостях вместе. — На минуту она погрузилась в свои мысли, затем взглянула на Люсинду, изучавшую приглашение. — Знаете, совсем не удивительно, что приглашены только вы. Я теперь вижу, как все это могло случиться: кто-то из гостей отказался в последнюю минуту и Эльмира попросила Альфреда заполнить брешь... А Альфред и Гэрри очень близки.

Чем больше Эм думала, тем больше убеждалась в том, что за этим неожиданным приглашением стоит Гэрри. Очень на него похоже: интриговать, чтобы заманить Люсинду в деревню одну, без наставников, поклонников и падчериц, и искупить свою вину вдали от заинтересованных глаз. Совсем в духе Гэрри.

Эм фыркнула.

Атмосфера за столом мгновенно изменилась. Вместо смирения, граничащего с угрюмостью, воздух просветлел от радостных размышлений, в разной степени отражавшихся на лицах трех дам.

Оттолкнув свою тарелку, Хетер облекла общие мысли в слова.

— Вы должны ехать.

— Безусловно, — согласилась Эм. — Мы с Хетер вполне способны несколько дней развлекать друг друга.

Люсинда, заметно оживившаяся, оторвала взгляд от приглашения.

— Вы уверены, что приличия позволяют мне ехать одной?

— В Астерли-Плейс? Конечно! — Эм отмахнулась от ее сомнений. — Вы же не юная девица, впервые выехавшая в свет. И вы там встретите множество знакомых, я не сомневаюсь. Приемы Эльмиры очень модны.

— Поезжайте, — перегнулась через стол Хетер. — Мне будет так интересно услышать обо всем. Может быть, в следующий раз нас всех пригласят.

Колебания Люсинды были чистым увиливанием от прямого ответа. Если есть хоть какая-то вероятность того, что приглашение организовал Гэрри, она должна ехать.

Люсинда распрямилась и глубоко вздохнула, к ней снова вернулась надежда.

— Хорошо. Если вы уверены, что можете справиться без меня...

Эм и Хетер шумно заверили ее, что прекрасно справятся.

После ленча Эм удалилась в маленькую гостиную. Опустившись на диван, она удовлетворенно огляделась, затем, сняв комнатные туфли, откинулась на подушки, закрыла глаза и облегченно вздохнула. И сама удивилась: не слишком ли рано она упивается успехом?

Эм погрузилась в мечты о будущей свадьбе, о белом тюле и конфетти, когда щелчок дверного замка вернул ее к действительности.

Что это Фергюс позволяет себе?

Приготовившись устроить дворецкому взбучку, она повернула голову... и увидела Гэрри.

Эм замигала и открыла рот... затем заметила белый цветок в петлице Гэрри.

Он носил бутоньерки только на свадьбы.

Заметив, к чему приковано внимание тети, Гэрри внутренне скривился. Надо было снять бутоньерку. Но он одевался с безмерной тщательностью, и в тот момент этот штрих показался ему необходимым.

Он решил сделать все как следует. Если бы дамы вчера остались дома, это тяжелое испытание было бы уже позади. Обуздывая нетерпение, Гэрри закрыл дверь и повернулся к тете как раз в тот момент, когда она снова задышала.

— Ах...

— Вот именно, — сказал Гэрри, в его голосе не осталось ни следа былой лености. — Если не возражаете, тетя, я бы хотел увидеть миссис Бэббакум. — Он выдержал взгляд слегка выпученных глаз Эм. — Одну.

Эм снова заморгала.

— Но она уехала.

— Уехала? — Его лицо вытянулось. У него перехватило дыхание. — Куда уехала?

Эм приложила ладонь к закружившейся голове.

— Но... в Астерли, конечно. — Она села, удивленно раскрыв глаза. — Разве ты туда не едешь?

В полном смятении Гэрри вытаращил глаза.

— Я получил приглашение, — осторожно признал он.

Эм упала на подушки, прижав руку к груди.

— Слава Богу. Она только по этой причине и поехала. — Вспомнив главное, она хмуро посмотрела на Гэрри. — Но теперь ясно как день, что это не ты организовал ее приглашение.

— Организовал?.. — Гэрри смотрел на тетю как на сумасшедшую. — Ничего я не организовывал! — И после паузы спросил: — А какого черта вы решили, что это я?

Чопорно поджав губы, Эм пожала плечами.

— Ну, я так подумала... Я уверена, что Альфред мог вписать ее имя в список гостей Эльмиры, если бы ты его попросил.

— Эльмиры?

— Я знаю, что приглашения рассылала Маргерит, но это все равно прием Эльмиры.

Сжав кулаки, Гэрри закрыл глаза и подавил поднимающийся гнев. Его отец был старше Эм и страдал тем же: странно выборочной памятью. Эм ясно помнила его дружбу с Альфредом, но абсолютно забыла, что мать Альфреда Эльмира умерла лет восемь назад.

В эти дни приемы в Астерли-Плейс сильно отличались от тех, что помнила Эм.

Гэрри глубоко вдохнул и открыл глаза.

— Когда она уехала?

Эм раздраженно нахмурилась.

— Около одиннадцати. — Она посмотрела на часы на каминной полке. — Она уже на полпути туда.

Гэрри развернулся.

— Куда ты идешь?

Он оглянулся, уже подойдя к двери; его лицо было суровым.

— Спасать Боудикку от развратных римлян.

С этими словами он удалился, закрыв за собой дверь. Эм ошеломленно смотрела на деревянные панели, но они не давали ей ответа.

— Боудикку?

Гэрри вернулся домой, выдернул на ходу белый левкой из петлицы и бросил его на столик в холле.

— Долиш! Где ты, черт побери?

— Я здесь, — донеслось бормотанье из коридора. Появился Долиш в фартуке на форменной одежде, с серебряными ложками и тряпкой для их полировки в руках. — Теперь-то что стряслось? Я думал, вы поехали все уладить.

Гэрри заскрежетал зубами.

— Поехал... но, похоже, надо было предупредить заранее. Эта несносная женщина уехала на тихий отдых в деревню... в Астерли-Плейс.

Редко случалось Гэрри видеть Долиша таким ошарашенным.

— Астерли?

— Вот именно. — Гэрри стряхнул с плеч пальто. — Эта проклятая женщина не изменила стиль жизни. Она понятия не имеет, куда так беспечно едет.

Глаза Долиша округлились.

— Господи, помоги ей.

Он подхватил пальто Гэрри.

— Я искренне сомневаюсь, что он поможет. — Гэрри стянул перчатки и бросил их на столик к цветку, затем повернулся к лестнице. — Скорее... Очнись. Нам понадобятся серые скакуны... Она опередила нас больше чем на два часа.

Пока Гэрри поднимался вверх, Долиш продолжал моргать, затем встряхнулся.

— С вашим огнем и резвостью лошадей мы сократим разрыв вдвое.

Гэрри не слышал. Он вошел в спальню, за несколько минут собрал необходимую одежду. Долиш вошел, когда он надевал сюртук бутылочного цвета, уже сменив панталоны цвета слоновой кости на бриджи из оленьей кожи.

— Не переживайте так, — посоветовал Долиш, поднимая чемодан. — Мы явимся через час после нее.

И все это время она должна будет отражать атаки целой стаи волков, каждый из которых

сочтет ее желанной добычей.

Люсинда вышла из экипажа перед парадной лестницей Астерли-Плейс и огляделась. Дом казался относительно новым. Ионические колонны поддерживали классический портик, геометрические линии очерчивали высокие окна. Дом стоял в большом парке, лужайки с подстриженной травой отлого спускались к озеру. По обе стороны раскинулись прекрасные сады, нежный аромат роз доносился из-за кирпичной стены. Широкие каменные ступени вели к парадной двери. Лакеи выбежали помочь с багажом, и Люсинда неспешно поднялась по лестнице навстречу к ожидавшим хозяину, хозяйке и мажордому.

— Добро пожаловать в Астерли-Плейс, дорогая миссис Бэббакум. Не могу выразить свое восхищение, — лорд Астерли, джентльмен среднего роста, склонный к полноте, сдержанный, поклонился и пожал руку Люсинды.

Люсинда, улыбнулась в ответ, вспоминая теперь, что встречала его светлость в первые недели своего пребывания в столице.

— Я должна поблагодарить вас за приглашение, милорд. Оно оказалось весьма своевременным... и я оценила его по достоинству.

Люсинда не смогла подавить свои возродившиеся надежды, и ее лицо озарилось счастливой улыбкой.

Лорд Астерли был сражен наповал.

— В самом деле? Очень рад это слышать, дорогая. — Он похлопал ее по руке, затем повернулся к даме рядом с ним. — Позвольте представить мою сестру, леди Мартиндейл. Видите ли, она выполняет роль хозяйки на этих встречах.

Люсинда повернулась и утонула в сердечной улыбке.

Леди Мартиндейл пожала ей руку, улыбка не сходила с ее красивого лица.

— Пожалуйста, называйте меня Маргерит, как и все остальные гости. — Ее светлость, пышная блондинка на несколько лет старше Люсинды, была явно так же благожелательна, как ее брат. — Надеюсь, вы с удовольствием проведете здесь время... пожалуйста, обращайтесь ко мне с любыми вопросами.

— Благодарю вас, — с облегчением ответила Люсинда.

— Все собираются в зимнем саду. Как только освежитесь с дороги, присоединяйтесь. — Маргерит взяла Люсинду под руку. — Полагаю, вы встретите здесь немало знакомых, и, должна вам сразу сказать, мы гордимся непринужденностью наших встреч. — Она наклонилась ближе и добавила: — Можете быть уверены, здесь нет никого, кто не знает, как себя вести, так что единственное беспокойство для вас — выбрать, с кем вы желаете провести время.

Люсинда ответила улыбкой.

— Мы поместили вас в Голубую комнату. — Ее светлость взглянула на голубое батистовое дорожное платье Люсинды. — Исключительно по вдохновению. Мелторп проводит вас и пришлет вашу горничную и багаж. Мы обедаем в шесть.

Люсинда снова поблагодарила и последовала за мажордомом, маленьким скрюченным человечком в темной ливрее. Длинный нос и сгорбленные плечи придавали ему сходство с вороной.

На верхней площадке широкой главной лестницы Люсинда случайно встретила с ним взглядом. Мелторп показал на один из коридоров, и она последовала за ним... нахмурившись. Почему Мелторп смотрит на нее так сурово? Он остановился перед дверью в

конце коридора, открыл ее и отступил, пропуская Люсинду. Проходя мимо, молодая женщина внимательнее взглянула на его лицо.

Окинув комнату профессионально оценивающим взглядом, она выразила кивком свое одобрение.

— Благодарю вас, Мелторп. Пожалуйста, немедленно пришлите мою горничную.

— Как пожелаете, мэм.

Мелторп поклонился и удалился с ледяным, почти оскорбительным видом, а Люсинда хмуро смотрела на уже закрывшуюся дверь.

Вряд ли она неправильно поняла его поведение: слишком большим был ее опыт общения со слугами и подчиненными. Этот человек смотрел на нее, обращался с ней, как если бы... Через мгновение она нашла четкое определение его поведению и застыла как громом пораженная.

Дверь открылась, и появились Агата и лакей. Агата строго и мрачно приказала лакею поставить багаж Люсинды у туалетного столика, затем закрыла за ним дверь.

— Что скажете? — Агата повернулась к своей хозяйке.

Люсинде не понравился суровый блеск старых глаз, но она не ответила. По опыту она знала, что получит больше информации, если позволит Агате выложить ее по-своему. А ей было очень любопытно узнать, что представляет собой Астерли-Плейс.

Стянув перчатки, Люсинда бросила их на постель — широкую кровать с балдахином, украшенным кисточками. За перчатками последовала шляпка. Затем она задумчиво расправила юбки.

— Хм, слишком мягкие. Я переоденусь в новое платье для дневных приемов... до обеда.

Агата хмыкнула, наклоняясь к замкам.

— Я видела не много, но, похоже, модная компания. Полно господских лакеев в кухнях... и по виду дамских горничных я бы сказала, что еще до вечера начнутся драки из-за щипцов для завивки. Лучше позвольте причесать вас сейчас.

— Позже. — Люсинда взглянула на свое отражение в зеркале туалетного столика. — Успеем перед обедом.

— В шесть, они сказали. Нечто среднее между городом и деревней. — Агата вытащила охапку платьев. — Слышала, как кто-то из них упомянул, что в этом случае остается время на их вечерние «маленькие игры», понятия не имею, что это значит.

— Игры? — Может, в Астерли-Плейс развлекаются обычными комнатными играми: шарадами, викторинами, фантами? Люсинда нахмурилась. Она представила лорда Астерли и пышную Маргерит, затевающих подобные игры, — зрелище не показалось ей убедительным. Поджав губы, Люсинда встала. — Помогите мне переодеться. Я хочу взглянуть на остальных гостей до обеда.

Как ей и сказали, гости собрались в зимнем саду, необычайно большом и заставленном кадками с пальмами, что придавало ему сходство с прохладным гротом. В центре находился выложенный плиткой бассейн, вокруг которого и расположились гости. Некоторые сонно сидели в плетеных креслах, другие непринужденно болтали.

Обведя взглядом компанию, Люсинда обрадовалась, что переоделась. Действительно стильная компания, уверенная, весело щебечущая, как разноцветные птички в листве. Люсинда заметила миссис Уокер, элегантную вдову, и леди Моркомб, эффектную замужнюю даму, — их обеих она встречала в городе.

— Дорогая миссис Бэббакум, — подошла к ней Маргерит, шелестя платьем. —

Позвольте представить вам лорда Дьюхерста. Он только что вернулся из Европы и жаждет познакомиться с вами.

Люсинда спокойно повернулась к лорду Дьюхерсту, продолжая мысленно оценивать гостей. И не смогла обнаружить ничего странного, ничего, что подтвердило бы ее беспокойство.

— Действительно, — ответила она на вопрос лорда Дьюхерста. — Я прекрасно провела время в городе. Но балы стали несколько... утомительными. Вы не находите? В такой толпе невозможно расслышать и собственные мысли. А уж дышать...

Его светлость рассмеялся... учтиво, вкрадчиво.

— Совершенно согласен, дорогая. Такие уютные встречи, как эта, гораздо приятнее. — Он слегка подчеркнул последнее слово, и Люсинда подняла на него взгляд. Его светлость смотрел на нее сверху вниз с похотливым блеском в глазах. — Я уверен, дорогая, вы быстро обнаружите, что в Астерли-Плейс есть и время, и место... подумать.

Люсинда пристально смотрела на него и не успела еще собраться с мыслями, как милорд взял ее руку и низко поклонился.

— Если вам понадобится компания, дорогая, прошу вас, не колеблясь обращайтесь ко мне. Я могу быть безмерно внимательным, уверяю вас.

— Ах... да. То есть... — Люсинда отчаянно пыталась привести свои мысли в порядок. — Я запомню ваше предложение, милорд. — И она несколько скованно кивнула.

Милорд снова низко поклонился и грациозно удалился. Тогда Люсинда сделала быстрый вдох и снова, более критически, оглядела собравшихся.

И удивилась, как могла быть так слепа. Все дамы до единой, несомненно, были дамами, но все они были или замужними, или вдовами; все — безупречно воспитанные, но в том возрасте, когда у некоторых проявляется интерес к тайным связям.

Что касается джентльменов, они все, как один, были того типа, с которым она слишком хорошо познакомилась.

На этом ее размышления были прерваны приближением лорда Астерли.

— Дорогая миссис Бэббакум, не могу выразить словами, как я был счастлив, когда узнал о вашем интересе к нашим милым встречам.

— Моем интересе? — Люсинда постаралась не показать свое изумление и вежливо, хотя и холодно, подняла брови.

Лорд Астерли понимающе улыбнулся: Люсинде показалось, что он вот-вот подмигнет ей и ущипнет за локоть.

— Ну... возможно, не столько к нашим встречам, сколько к определенному сорту развлечений, которые мы все находим такими... — его светлость взмахнул рукой, — удовлетворяющими. Я надеюсь, дорогая, что если вы почувствуете подобную склонность, то не колеблясь обратитесь ко мне... я помогу оживить ваше пребывание здесь.

Едва сохраняя вежливые манеры, Люсинда наклонила голову. Она не могла найти подходящих слов для ответа его светлости и позволила ему думать, что он захочет.

Он просиял и поклонился. К своему глубокому сожалению, Люсинда нашла, что очень трудно возмущаться его искренней радостью. Она кивнула и отошла к бассейну. Рядом с миссис Аллердин, светской вдовой, не такой уж добродетельной, как Люсинда теперь поняла, было свободное место.

Миссис Аллердин повернулась к Люсинде.

— Добрый день, миссис Бэббакум... или вы позволите оставить формальности и

называть вас Люсиндой?

Люсинда, прищурившись, взглянула на очаровательно милое лицо Генриетты Аллердин.
— Да, конечно.

Чувствуя, что ее глазам открывается совершенно новая сторона светской жизни, она опять изумленно огляделась.

— Вы здесь впервые, не так ли? — наклонилась к ней Генриетта. — Маргерит говорила об этом. Забудьте о неловкости, — и она похлопала Люсинду по руке. — Мы здесь все друзья, все очень тактичны... Нет нужды бояться слухов по возвращении в город. — Генриетта вела себя совершенно непринужденно. — С тех пор как Гэрри это придумал, прошли уже годы.

— Гэрри? — задохнулась Люсинда. — Гэрри Лестер?

— Мм... — Генриетта обменялась довольно многозначительным взглядом с элегантным джентльменом, стоявшим в другом конце комнаты. — Насколько я помню, идея принадлежала именно Гэрри. Альфред просто следовал его указаниям.

Гэрри... пославший ее сюда.

Мгновение Люсинде казалось, что она упадет в обморок... комната окуталась плотным туманом; по коже пробежали мурашки. Она сглотнула комок в горле, сжала кулаки, борясь с головокружением, и только после томительной паузы прошептала: «Понимаю».

Генриетта, увлеченная своим кавалером, не заметила ни замешательства Люсинды, ни ее неожиданной бледности, и Люсинда успела прийти в себя. Затем с деланным равнодушием спросила:

— Он часто приезжает?

— Гэрри? — Генриетта улыбнулась и, кивнув кавалеру, повернулась к Люсинде. — Иногда. Его постоянно приглашают, но никогда не знаешь, появится ли он. — Улыбка Генриетты стала более нежной. — Гэрри — он не из тех, кого можно запрять.

— Да уж! — Люсинда не обратила внимания на вопросительный взгляд соседки, вызванный этим восклицанием. Ярость, не сравнимая ни с чем испытанным прежде, охватила ее.

Чего добивался Гэрри, приглашая ее сюда? Показать, какого он теперь о ней мнения? Что она стала одной из этих дам, развлекающихся с любым джентльменом, к кому приведет их каприз? Или он послал ее сюда убедиться на собственном опыте, что такое «подходящая компания», которую она, как сама его и заверила, ищет?

Или просто задумал проучить... и собирается прибыть как раз вовремя, чтобы спасти ее от нежелательных последствий?

Люсинда резко встала.

Ей хотелось визжать, топтать ногами, бросаться вещами! Она не была уверена, какие из его возможных мотивов взбесили ее больше всего.

— Надеюсь, он явится, — выдохнула она сквозь сжатые зубы.

— Люсинда... — Генриетта внимательно взглядела в ее лицо. — С вами все в порядке? Люсинда натянуто улыбнулась.

— Абсолютно, благодарю вас.

Кажется, ей не удалось убедить Генриетту.

К счастью, прозвучал гонг, извещавший о том, что пора переодеваться к обеду. Люсинда настолько обуздала свое нетерпение, что даже проводила Генриетту до ее комнаты, затем решительно направилась к себе.

— Что ты слышала? — спросила она Агату, как только закрыла дверь.

Агата отвлеклась от темно-синего шелкового платья, которое раскладывала на кровати. Ей хватило быстрого взгляда на лицо Люсинды, чтобы ответить без уверток:

— Немного, но ничего хорошего. Множество косвенных намеков на проделки аристократов. Двери хлопают всю ночь, и все такое. — Агата угрюмо хмыкнула.

Люсинда села к туалетному столику и начала вытаскивать шпильки из прически, строго глядя на горничную.

— Что еще?

Агата пожала плечами.

— Похоже, что здесь это норма... не просто случайная парочка, как бывает повсюду. — Горничная скривилась. — Услышала, как один из лакеев сравнил происходящее с постоянными дворами: одна почтовая карета въезжает, как раз когда другая отъезжает.

Люсинда выпрямилась и уставилась на Агату в зеркале.

— Боже милостивый, — вымолвила она наконец еле слышно. Затем воспряла духом: несмотря на местные обычаи, она была уверена, что ни один из присутствующих джентльменов не станет навязывать свое внимание не расположенной к нему даме.

Ее взгляд упал на темно-синее шелковое платье.

— Не это, — прищурилась она. — Шелковую кисею.

Агата выпрямилась, уперев кулаки в бока.

— Кисею?

Люсинда, не оборачиваясь, надменно подняла брови.

Агата фыркнула.

— Его едва ли можно назвать приличным.

— Для моей сегодняшней цели оно идеально подходит. — Люсинда почти промурлыкала последние слова. Не она сегодня получит урок.

Ворча под нос, Агата убрала шелковое платье и достала мерцающую кисею небесно-голубого цвета. Аккуратно разложив платье на кровати, она снова неодобрительно хмыкнула, а затем подошла к Люсинде, чтобы помочь одеться. Люсинда нетерпеливо постукивала расческой по столику.

— Это ужасное недоразумение. Ты спрашивала о леди Астерли?

Агата утвердительно кивнула.

— Ее здесь нет. Мать лорда Астерли умерла много лет назад.

— О Боже! — Люсинда прищурилась, затем со вздохом распрямила плечи. — Ну, сегодня ничего не поделаешь, но завтра мы уезжаем.

— Да, я так и думала.

Люсинда услышала облегчение в голосе Агаты и ласково улыбнулась.

— Не волнуйся, несмотря ни на что, все они джентльмены в душе.

Агата хмыкнула.

— Не скажите, джентльмены временами бывают чрезвычайно назойливы.

Люсинда встала, позволив сорочке упасть на пол. Перешагнув через нее, она с помощью Агаты надела облегающее блестящее платье. И только будучи совершенно готовой спуститься в гостиную, соблаговолила ответить на последнее замечание Агаты.

— Надеюсь ты уже знаешь, что я способна управлять любым джентльменом, появившимся на моем горизонте, — сказала она, надменно глядя на горничную. — Так что приберись здесь и скажи Джошуа, что мы утром уезжаем. — И уже подойдя к двери,

обернулась: — И, не волнуйся, старая ворчунья!

С этими словами, очаровательная в мерцающем серебром голубом платье, Люсинда выскользнула за дверь.

Гостиная быстро заполнялась нетерпеливыми гостями. Теперь, уяснив ситуацию, Люсинда легко фланировала в толпе, спокойно принимая комплименты и восхищенный блеск в глазах джентльменов и искусно отклоняя их утонченные предложения. Она снова полностью владела собой, хотя нервы ее и были натянуты до предела.

Наконец наступил момент, которого она ждала.

В комнату вошел Гэрри, вызвав, как она заметила, немедленное общее волнение. Должно быть, он приехал, когда компания переодевалась. На нем были неизменный черный фрак и белоснежная сорочка, белокурые волосы блестели в свете свечей. Маргерит прервала беседу и бросилась приветствовать его... чмокнув в щеку, как заметила Люсинда. Лорд Астерли подошел к нему пожать руку. Остальные джентльмены кивали и громко приветствовали его. Многие дамы встрепенулись, охорашиваясь, радушно улыбаясь.

Быстро почувствовав на себе его пронзительный взгляд, Люсинда не улыбнулась. Ее сердце будто остановилось, затем забило быстрее, грудь сдавило. С отстраненным выражением лица она едва наклонила голову и отвернулась к мистеру Ормсби и леди Моркомб.

В надежде, что он сразу подойдет к ней.

Он не подошел... и, похоже, не собирался. Это стало ясно в ближайшие десять минут. Мучительно ощущая его взгляд на своих плечах и почти обнаженной груди, Люсинда заскрежетала зубами и мысленно выругалась. Что еще он задумал, черт побери?

Точно так же проклиная ее, Гэрри едва сдерживал желание пересечь гостиную, схватить за нежную руку и утащить ее отсюда. Какого черта она напялила такое платье? Из прозрачайшей шелковой кисеи, мерцающей, дразнящей, обольщающей. Тонкая ткань прилипала к телу, где только касалась его, очерчивая изящную фигуру, искусно демонстрируя грациозные линии бедер и ног и красивую спину. Что касается груди, она почти совершенно не была скрыта низким квадратной формы декольте. Поскольку все мужчины в зале были явно зачарованы Люсиндой, Гэрри по крайней мере не требовалось скрывать свой интерес к ней.

— Гэрри, старина! Не думал увидеть тебя здесь. Решил немного расслабиться, а?

Гэрри раздраженно посмотрел на лорда Кранберна.

— Не мой стиль, Бентли. И на кого же ты положил глаз?

Лорд Кранберн ухмыльнулся.

— Леди Моркомб, спелая ягодка. Этот старый скупец, ее муж, не ценит прелестей жены.

— Хм... — Гэрри внимательно осмотрел гостиную. — Обычная компания, не так ли?

— Да, кроме прелестной миссис Бэббакум... но ты ведь все о ней знаешь, насколько я помню?

— В самом деле. — Взгляд Гэрри вновь остановился на Люсинде. И снова он с трудом подавил желание подойти к ней.

— Твой интерес сегодня направлен в ту сторону?

Гэрри искоса взглянул на лорда Кранберна, но вопрос его светлости был явно праздным.

— Не в том смысле, как ты думаешь.

Кивнув, он отошел, прежде чем озадаченный лорд Кранберн успел потребовать разъяснений.

С напускным безразличием Гэрри обошел гостиную, следя, оценивая. Его действительно интересовала Люсинда, но в первую очередь он должен был определить, кто включил ее имя в список приглашенных.

Он рыскал по комнате, тщательно изучая не только Люсинду, но всех, кто приближался к ней, пытаясь определить, кто же из его распутных приятелей чувствовал себя первым.

К тому времени, когда мрачный Мелторп объявил, что обед подан, Люсинда пришла к выводу, что Гэрри чего-то ждет, возможно катастрофы, чтобы снова спасти ее. Поклявшись, что он этого не дожидается, она мило улыбнулась мистеру Ормсби, предложившему ей руку.

— Вы часто приезжаете сюда, сэр?

Мистер Ормсби легкомысленно махнул рукой.

— Иногда. Мирная передышка от городской суеты, не так ли?

— Действительно. — Краем глаза Люсинда заметила, как нахмурился Гэрри. Затем рядом с ним остановилась Маргерит, потребовав, чтобы он повел ее в столовую. Люсинда ослепительно улыбнулась мистеру Ормсби.

— Я буду полагаться на вас, сэр, в знакомстве с обычаями Астерли-Плейс.

Мистер Ормсби просиял от радости.

— Счастлив оказать вам услугу, дорогая.

Люсинда заморгала и понадеялась, что не возбудила в нем ложных ожиданий.

— Скажите, обеды здесь, наверно, весьма изысканны?

Сегодняшний обед не представлял ничего особенного, но состоял из четырех блюд с двумя полными переменами. Беседа, к облегчению Люсинды, оставалась общей, в меру оживленной и касалась в основном последних слухов и светских сплетен — все в самом лучшем вкусе.

Если бы не едва уловимые подводные течения: случайные взгляды, произнесенные шепотом слова, ее удовольствие было бы ничем не ограничено.

— Дорогая миссис Бэббакум, — склонился к ней лорд Дьюхерст, сидевший слева. — Вы слышали о «Поисках сокровищ», которые Маргерит организовала на завтра?

— «Поиски сокровищ»? — Ощущая растущую похоть во взгляде его светлости, Люсинда невольно задумалась, может ли такое развлечение в подобной компании быть невинным.

— Да... и мы сыграем версию «Волков и овец», которая, я уверен, восхитит вас. — Его светлость улыбнулся.

Это Люсинда тоже смогла себе представить, но сохранила безмятежную улыбку, воспользовавшись появившимся перед ней кремом, чтобы отвернуться без комментариев, и тут же наткнулась на взгляд Гэрри. Он сидел напротив нее, чуть наискось, и она почувствовала кипящее в нем раздражение по странной напряженности как будто расслабленного тела, по тому, как сильно его длинные пальцы сжимали бокал с вином. Люсинда ослепительно улыбнулась... подарив эту улыбку мистеру Ормсби.

Гэрри стиснул зубы, затем постарался расслабить челюсти и повернулся к Маргерит, махавшей ему с другого конца стола.

Люсинда надеялась привести в порядок мысли и укрепить свою оборону, когда дамы удалятся в гостиную. Но в Астерли-Плейс портвейн был последним, что занимало джентльменов: они немедленно проследовали за дамами, даже не взглянув на графины, украшавшие буфет.

— Первый вечер мы обычно проводим тихо, — сообщил Люсинде мистер Ормсби, присоединяясь к ней у камина. — Чтобы гости... познакомились друг с другом, если вы

меня понимаете.

— Именно так! — Лорд Астерли не собирался уступать мистеру Ормсби. — Завтра, конечно, все несколько оживится. — Он потер руки и окинул взглядом собравшуюся компанию. — Мы думали начать с катанья по озеру, затем перейти к «Поискам сокровищ». Маргерит все организовала... в садах, конечно. — Он совершенно невинно улыбнулся Люсинде. — В садах полно тихих уголков, где можно найти сокровище.

— Неужели? — Люсинда попыталась изобразить неопределенную вежливость.

— Конечно, все начнется после полудня. Мы обычно встречаемся за завтраком в это время. Чтобы все успели выспаться, видите ли.

Люсинда кивнула, мысленно отметив, что отправится в путь не позже десяти. Какой предлог она придумает, чем оправдает свой отъезд, она пока не знала, но наверняка к утру найдет причину.

К ним присоединились лорд Кранберн и леди Моркомб, разговор завертелся вокруг ожидаемых развлечений следующих нескольких дней — обычных развлечений. Что касается остальных удовольствий, оставшихся неразъясненными, Люсинда ощущала на себе все более настойчивые взгляды мистера Ормсби, лорда Астерли и особенно лорда Дьюхерста.

Впервые с того момента, как она вошла в Астерли-Плейс, ей действительно стало не по себе. Не из страха за свою добродетель, но из отвращения к тем потенциальным неловким ситуациям, в которых, возможно, она скоро окажется. Мистер Ормсби и лорд Астерли не выказывали никакого желания оставить ее, но, к ее облегчению, их обоих Маргерит позвала помочь разнести чай. Люсинда воспользовалась возможностью занять свободное кресло рядом с диваном, в конце которого сидела красивая женщина примерно одного с ней возраста. Люсинда смутно припомнила, что их познакомили на балу в Алмаке.

— Леди Колби, Миллисент. — Женщина улыбнулась, передавая Люсинде чашку чая. — Всегда рада приветствовать новое лицо в нашем кругу.

Ответной улыбке Люсинды явно не хватало тепла, и она спрятала этот недостаток за своей чашкой. Она уже начинала сожалеть, что ей не хватило смелости поднять шум и уехать три часа назад.

— Вы уже сделали свой выбор? — спросила леди Колби.

— Выбор?

Ее светлость обвела рукой гостиную.

— Из присутствующих джентльменов. — (Люсинда озадаченно взглянула на собеседницу.) — О... я забыла, вы же новенькая. — Леди Колби опустила свою чашку и наклонилась к Люсинде. — Все очень просто. Нужно только решить, кто из джентльменов вам нравится больше всего... Один, два или больше, в зависимости от ваших вкусов, и дать им знать... тактично, конечно. Больше ничего, все чудесно организовано.

Глядя в невозмутимое лицо леди Колби, Люсинда отпила глоток чая.

— О... я не уверена.

— Ну, не мешкайте слишком долго, или лучших расхватают. — Леди Колби коснулась рукава Люсинды. — Я наметила Гэрри Лестера, — доверительно сказала она, кивая на Гэрри. — Он не был здесь целую вечность... с тех пор как я стала приезжать, то есть уже больше года. Но вся эта безмерная элегантность, все это сногшибательное изящество... — Леди Колби грациозно вскинула руку. — В тихом омуте черти водятся, как говорят. — Не отрывая взгляда от Гэрри, она отпила чаю. — Никогда бы не поверила, что импульсивный Гэрри так изменится. Ничего не осталось от того стремительного юноши, который делал

мне предложение столько лет назад.

Люсинда окаменела. Затем медленно поставила свою чашку на блюдце.

— Он делал вам предложение?

— О да! Не официально... до этого не дошло. Более десяти лет назад. — Ее светлость постаралась показаться романтической, но тут же захихикала. — Он был ужасно влюблен... ну, вы знаете, как это бывает с молодыми людьми... Без ума от любви. Дикие, страстные признания... это было так захватывающе, ибо он был очень красив даже тогда.

Пока ее светлость изучала лицо Гэрри, занятого беседой с мистером Хардингом, Люсинда изучала лицо леди Колби.

— Но вы отвергли его?

— Господи, конечно! Лестеры бедны, как церковные мыши. То есть были бедны. Однако... — задумчивый блеск осветил глаза леди Колби, — теперь, когда Колби умер, а Лестеры разбогатели... Очень разбогатели, дорогая, так я слышала. Ну... — Она снова повернулась к Гэрри, ее лицо засветилось предвкушением. — Я непременно возобновлю старое знакомство.

В этот момент Гэрри и мистер Хардинг расстались, и пронизывающий зеленый взгляд обратился в сторону Люсинды и Миллисент. Миллисент восхищенно улыбнулась и поднялась, отставив чашку.

— Думаю, лучшего момента не представится. Простите меня, дорогая.

Люсинда заставила себя наклонить голову. Взяв обе чашки, она понесла их к чайному столику, у которого сидела Маргерит, стараясь смотреть прямо на хозяйку.

Гэрри не отрывал хмурого взгляда от Люсинды. Он немного растерялся. Ни один из джентльменов не давил на нее, никто не проявлял собственнического интереса. Трое, если не четверо, были совершенно очарованы, еще несколько следили за ней. Но никто не считал, что имеет право первенства... все жаждали ее благосклонности, как будто она появилась на их орбите по собственному желанию.

Что оставляло его загадку неразгаданной. Мысленно скривившись, он отложил решение до утра. Он уже собирался пересечь комнату, готовясь к тому, что, как он знал, будет непростой встречей, как почувствовал легкое прикосновение к своей руке.

— Гэрри! — Миллисент, леди Колби, взволнованно выдохнула его имя. Широко раскрыв большие карие глаза, она изящно покраснела.

Гэрри чуть кивнул.

— Привет, Милли.

Снова подняв голову, он поискал взглядом Люсинду. Она все еще разговаривала с Маргерит.

— Дорогой Гэрри, — поглощенная изучением его искусно завязанного галстука, Милли не заметила, что он заинтересован не ею, — я всегда была влюблена в тебя... ты ведь знаешь это, не так ли? Мне пришлось выйти замуж за Колби, ты должен это понять. Ты так повзрослел... ты теперь понимаешь, какие законы царят в высшем свете. — Милли многозначительно скривила губы. — Я слышала, что ты здесь хорошо ориентируешься, Гэрри. Может, мы могли бы... погулять вместе сегодня ночью?

Милли подняла глаза как раз в тот момент, когда Люсинда кивнула Маргерит и направилась к двери. Гэрри, собравшийся за нею, вынужден был сфокусировать внимание на Милли, стоявшей прямо перед ним.

— Извини, Милли. У меня другие дела.

С этими словами он кивнул и обошел ее — и остановился как вкопанный: Люсинду перехватили у двери три джентльмена. Сосредоточившись, он умудрился разобрать их слова.

— Дорогая миссис Бэббакум, — первым обратился к Люсинде Альфред. — Смею ли я надеяться, что вам понравился вечер?

— Вы оказались самым чудесным добавлением к нашему кругу, сударыня, — не отстал Ормсби. — Хочется надеяться, что вы будете больше времени проводить с нами... Я лично не могу придумать ничего лучше.

Люсинда прищурилась, но не успела ответить. К ним присоединился лорд Дьюхерст. Взяв ее руку, он низко поклонился.

— Очарован, дорогая. Смею ли я надеяться на продолжение знакомства?

Люсинда встретила спокойное заявление и явно похотливый взгляд его светлости, тут же пожелав оказаться где-нибудь в другом месте. Жаркий румянец окрасил ее щеки, затем краем глаза она заметила Гэрри. Он следил за ней.

Сделав глубокий успокаивающий вдох, Люсинда улыбнулась своим потенциальным чичисбеям (Чичисбей — в Италии, преимущественно в XVIII в., постоянный спутник состоятельной замужней женщины, сопровождавший ее на прогулках и увеселениях.), надеясь, что они поняли ее улыбку, как вежливый отказ, и спокойно сказала:

— Извините меня, джентльмены, я собираюсь пораньше лечь спать.

Улыбаясь, она присела в реверансе, и окружавшие ее мужчины немедленно низко поклонились. Люсинда направилась к двери, уверенная, что избежала возможных затруднений. Высоко подняв голову, она выскользнула из гостиной.

Гэрри пристально смотрел ей вслед.

Затем, с единственным язвительным словечком, он развернулся и покинул гостиную через стеклянную дверь, выходящую на веранду. Поспешно.

Милли, вытаращив глаза, наблюдала за ним, затем, озадаченно пожав плечами, проплыла к мистеру Хардингу.

Люсинда возвращалась в свою комнату, поглощенная мыслями, но не о своем неминуемом отъезде и не о том, чего только что избежала. Ее занимали откровения леди Колби о давнем разочаровании Гэрри.

Она очень ясно представляла, как все случилось, как он, со всей порывистостью юности, положил свою любовь к ногам избранницы и был отвергнут. Огромное потрясение. И этот факт объяснял многое: его циничное отношение к любви — не к самому браку, а к любви, как его неотъемлемой составляющей; энергию, теперь обуздываемую, но заставлявшую многих женщин считать его опасным, волнующе опасным; его осторожность в проявлении чувств.

Люсинда закрыла за собой дверь своей комнаты, поискала ключ и недовольно скривилась, не обнаружив его.

Благодаря отсутствию такта у леди Колби, Люсинда теперь понимала, почему Гэрри такой, какой есть. Однако это не извиняло его поступок, он не имел права вовлекать ее в подобную ситуацию.

Обдумывая его предательство, Люсинда пересекла комнату, освещенную единственным канделябром на туалетном столике, и дернула шнур звонка.

Дверь открылась. Еще сжимая шнур, Люсинда повернулась. И увидела проскользнувшего в дверь Гэрри.

Он обвел взглядом комнату и нашел ее.

— Бесплезно вызывать вашу горничную... правила этого дома запрещают слугам подниматься в верхние коридоры после десяти.

— Что?.. Но вы что здесь делаете?

Гэрри закрыл дверь и снова огляделся. Люсинда была уже сыта по горло. Прищурившись, она приблизилась к нему.

— Хотя, раз уж вы здесь, я должна свести с вами счеты!

Успокоившись, что они одни, Гэрри взглянул на нее.

— Неужели?

— Можете не притворяться! — Люсинда свирепо смотрела на него. — Как вы посмели организовать мне приглашение на подобное сборище? Я понимаю: вы, вероятно, раздражены тем, что я не приняла ваше предложение... — Она осеклась, подумав, что, можно сказать, она отвергла его, как леди Колби. Но обстоятельства были совсем не такими, как с леди Колби. Или кем она тогда была... Люсинда раздраженно отмахнулась от леди Колби. — Каковы бы ни были ваши чувства, я должна сказать, что считаю ваше поведение достойным порицания! В высшей степени грубым и не имеющим никакого оправдания! Уму непостижимо, как вы...

— Я не имею к этому никакого отношения.

Уверенный клинок его ответа пронзил ее негодование.

Остановившись на полуслове, Люсинда заморгала.

? Нет?

— Вы ведь разумная женщина, отчего тогда эти странные фантазии? Я не организовывал ваше приглашение. Наоборот. — Он заговорил не так сурово, но в его голосе послышалась угроза: — Когда я обнаружу, кто это сделал, я сверну ему шею.

— О! — Люсинда отступила, поскольку он сократил расстояние между ними. Их взгляды встретились, она взяла себя в руки и возобновила атаку: — Все это очень хорошо... но что вы делаете здесь?

— Защищаю вас от последствий вашего безрассудства.

— Безрассудства? — Люсинда высокомерно приподняла брови... — Какого безрассудства?

— Безрассудного, хотя и невольного согласия на это приглашение. — Гэрри взглянул на кровать, затем на камин. Огонь был разожжен, рядом лежали дрова. Перед камином стояло кресло. Люсинда нахмурилась.

— Какого приглашения?

Гэрри молча взглянул на нее, слегка приподняв брови.

Люсинда усмехнулась.

— Чепуха. Вы воображаете неизвестно что. Я никого не приглашала... я ничего подобного не делала.

Гэрри направился к креслу.

— Давайте немного подождем и посмотрим, не возражаете?

— Возражаю... я хочу, чтобы вы убрались отсюда. — Выше задрать нос она уже не могла. — Ваше присутствие здесь совершенно неприлично.

Глаза Гэрри засверкали.

— Естественно... в этом и заключается цель этих вечеринок, если вы еще не поняли. — Его взгляд упал на ее грудь. — И, говоря о приличиях... кто сказал вам, что это платье

прилично?

— Множество чутких джентльменов, — сообщила ему Люсинда, воинственно уперев руки в бока. — И можете не разяснять мне цель этих приемов, я не собираюсь ни с кем иметь никакого дела.

— Прекрасно, в этом наши мнения совпадают.

Люсинда прищурилась. Гэрри встретил этот взгляд с упрямством, не уступающим ее собственному.

Раздался стук в дверь.

Гэрри холодно улыбнулся.

— Ждите здесь.

Не дожидаясь ее согласия, он развернулся и, подойдя к двери, открыл ее.

— Да?

Альфред отпрянул назад.

— Ох... Ах! — Он быстро заморгал. — Ох... это ты, Гэрри. Э... я не понял.

— Очевидно.

Переминаясь с ноги на ногу, Альфред неопределенно махнул рукой.

— Ладно... Э! Э... Тогда я зайду попозже.

— Можешь не утруждать себя... прием будет таким же, — зловеще предупредил Гэрри и закрыл дверь перед носом своего старого школьного приятеля, поборов искушение сделать что-нибудь еще с этой бессмысленно-добродушной физиономией.

Повернувшись, он увидел, что Люсинда недоверчиво таращится на дверь.

— Какая наглость!

Гэрри улыбнулся.

— Я так рад, что вы теперь меня понимаете.

Люсинда замигала, затем показала на дверь.

— Но он уже ушел. И вы приказали ему не возвращаться. — Поскольку Гэрри лишь приподнял брови, она сложила руки на груди и снова задрала нос. — У вас больше нет причин оставаться.

Улыбка Гэрри превратилась в хищный оскал.

— Я могу дать вам еще две очень веские причины.

И обе эти «причины» постучали в дверь с часовым перерывом.

Люсинда перестала краснеть после первой.

Она также перестала прогонять Гэрри: на такой вечеринке она не чувствовала себя в безопасности.

Когда после полуночи прошел час и никто больше не подкрался, чтобы постучать в ее дверь, она наконец вздохнула с облегчением. Свернувшись на кровати, она посмотрела на Гэрри. Закрыв глаза, он растянулся в большом кресле перед камином.

Она не хотела, чтобы он уходил.

— Ложитесь спать... я останусь здесь.

Он не шевельнулся и не открыл глаза. Люсинда чувствовала, как колотится ее сердце.

— Там?

— Я вполне способен провести ночь в кресле ради благого дела. — Он поерзал, вытягивая ноги. — Это не так уж неудобно. — (Люсинда подумала, затем кивнула. Его глаза все еще были закрыты.) — Вам нужна помощь, чтобы раздеться?

Она отрицательно покачала головой, затем, поняв, что он не видит, ответила:

— Нет.

— Хорошо. — Гэрри расслабился. — Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Люсинда с минуту следила за ним, затем устроилась под покрывалом. На кровати не было занавесей, и в комнате не было ширмы, за которой она могла бы переодеться. Она растянулась на спине. Гэрри молчал и не шевелился. Она повернулась на бок.

Мягкий отблеск огня играл на лице Гэрри, рельефно выделяя его черты, оттеняя тяжесть век, подчеркивая контуры упрямых губ.

Глаза Люсинды медленно закрылись, и она погрузилась в сон.

Глава одиннадцатая

Когда на следующее утро Люсинда проснулась, огонь в камине угас. Кресло перед камином было пусто.

Она снова закрыла глаза и уютно свернулась под покрывалом. Ее губы изогнулись в томной улыбке. Удовлетворение переполняло ее. Она лениво поискала причину... и вспомнила свой сон.

Как Люсинда догадалась, время было очень позднее, глубокая ночь. Дом затих к тому моменту, когда она проснулась и увидела Гэрри, раскинувшегося в кресле перед затухающим огнем. Он беспокойно пошевелился, и она вспомнила об одеяле, оставленном на стуле у кровати. Она выскользнула из-под покрывала, ее мерцающее платье скользнуло по ногам. Она взяла одеяло и босиком подошла к креслу у камина.

Люсинда остановилась в шести футах от него, предупрежденная каким-то шестым чувством. Его глаза были закрыты, длинные темные ресницы, позолоченные на концах, почти касались высоких скул. Она изучала его лицо, строгое даже в покое. Ее взгляд скользнул дальше, на длинное грациозное тело, расслабленное во сне.

Она подавила тихий вздох.

И почувствовала на себе его взгляд.

Повернув голову, она увидела, что его глаза открыты. Он следил за ней, не оценивающе, но с нежной задумчивостью, от которой она оцепенела.

Люсинда почувствовала сомнения Гэрри и тот момент, когда он отбросил их прочь и протянул ей руку ладонью вверх.

Она стояла, нерешительная, дрожащая, и с долгим глубоким вздохом положила пальцы на его ладонь. Его пальцы ласково, но крепко сомкнулись, и он медленно притянул ее к себе.

Одеяло упало и осталось лежать на полу, забытое. Он притянул ее ближе, посадил к себе на колени. Его руки сомкнулись вокруг нее, и она подняла голову навстречу его поцелую.

Во время их первой близости желание стремительно влекло их друг к другу, не оставляя времени на томительные, долгие ласки. В ее сне минувшей ночью они провели несколько часов у камина, окутанные нежной любовной паутиной.

Люсинда закрыла глаза, сладкое волнение охватило ее.

В своей фантазии она чувствовала нежные опытные руки Гэрри, ощущала мозоли, оставленные вожжами. Он открыл ей дверь в чудесную страну ощущений... терпеливо знакомил с ней, обучал ее чувства, пока не осталось ничего, кроме ее удовольствия... и его тела.

Губы Гэрри искусно ласкали ее шею, сорочка скоро стала препятствием, и она сама жаждала избавиться от нее. Он нежно опустил сорочку, освобождая ее грудь. Она снова чувствовала прикосновение его волос, мягких как шелк, к своей разгоряченной коже.

Сколько времени лежала она, обнаженная, в его объятиях, в умирающих золотых отблесках огня в камине, она не могла вспомнить. Но ей казалось, что прошли часы, прежде чем он отнес ее на кровать.

Он откинул покрывало и положил ее на простыни, затем зажег свечи и поставил канделябр на столик у кровати. Она покраснела и потянулась за покрывалом.

— Нет. Позвольте мне смотреть на вас.

Его голос был тихим и нежным. И страстным, но страсть не была теперь бурной и опасной, а более глубокой, медлительной и бесконечно более сильной. И эта страсть смела все запреты. Она приняла его условия безоговорочно, лежала не шевелясь и смотрела, как он раздевался.

Гэрри лег рядом с ней, и желание вспыхнуло с новой силой. На этот раз он обуздывал свою страсть и учил ее с полной силой чувствовать каждое мгновение, каждое движение, каждую томительную ласку. И конец был таким же восхитительным, но оставил более глубокое ощущение покоя и ошеломляющее осознание власти и силы, связавшей их.

Когда Люсинда открыла глаза, они были полны слез.

И на его лице она увидела то, на что почти перестала надеяться: он покорился судьбе и не роптал больше. Она видела это в его глазах, сверкавших под тяжелыми веками, в смягчившихся чертах его лица. И особенно в губах, потерявших свою твердость и строгость. Они стали мягче, податливее. Он встретил ее взгляд и не попытался ни скрыть свои чувства, ни подавить их.

Гэрри опустил голову и поцеловал ее долгим, томительным поцелуем, затем оторвался от нее и обнял.

Сон... просто сон, ничего более, воплощение всех ее надежд, ответ на ее самые страстные желания.

Люсинда крепко сжала веки, цепляясь за этот полный покой и удовлетворение, пусть даже иллюзорное.

Но день настал; свет струился сквозь открытые окна, играя на ее веках. Она неохотно приоткрыла глаза и увидела одеяло на полу перед камином.

Ее глаза широко распахнулись, замигали. Она увидела канделябр... на столике у кровати. Медленно, затаив дыхание, она повернула голову и увидела хаос, царивший на постели. Она сглотнула комок в горле и упала на спину, осторожно скосила глаза и судорожно выдохнула. Кровать рядом с ней была пуста, но на подушке осталась глубокая вмятина, и на белоснежном льне, как окончательное, неопровержимое доказательство, в солнечном свете сверкнули два золотистых волоска.

Люсинда застонала и закрыла глаза.

В следующее мгновение она резко села и натянула на себя покрывало, только сейчас осознав, что лежит обнаженная. Она обшарила смятые простыни и нашла ночную рубашку, приготовленную вечером Агатой. Бормоча проклятья, Люсинда натянула ее и выскочила из постели.

Она решительно пересекла комнату и яростно дернула шнур звонка.

Она уезжает. Немедленно.

На первом этаже, отправив заинтригованного Мелторпа на поиски хозяина дома, Гэрри нетерпеливо ходил взад и вперед по библиотеке. Он приказал Мелторпу найти Альфреда, где бы он ни был, и передать, что срочно требуется его присутствие.

Дверной замок щелкнул; Гэрри обернулся и увидел входившего Альфреда, аккуратно одетого в клетчатый сюртук, бриджи и высокие сапоги. Сам Гэрри уже оделся для путешествия — в пальто бутылочного цвета и бриджи из оленьей кожи.

— Вот ты где! — С улыбкой, не потускневшей оттого, что его вытащили из чьей-то постели, Альфред приблизился. — Мелторп не сказал, в чем проблема, но ты выглядишь прекрасно. Полагаю, твоя ночь прошла гораздо увлекательнее моей, я прав? Миссис

Бэббакум, похоже, получит титул самой восхитительной вдовы года... если уж ей удалось удержать тебя в постели... и притом на всю ночь. Посмотри на свою счастливую физиономию...

Тирада Альфреда закончилась приглушенным всхлипом в тот момент, когда кулак Гэрри обрушился на его лицо. Гэрри застонал, схватившись за голову.

— Извини, извини. — Его лицо выразило искреннее сожаление, и он протянул руку Альфреду, растянувшемуся на ковре. — Я не хотел ударить тебя, но придержи свои замечания о миссис Бэббакум.

Альфред не попытался взять протянутую руку, не попытался встать.

— Правда, не хотел? — заинтересованно спросил он.

Гэрри испытывал отвращение к самому себе.

— Я ударил инстинктивно. Вставай, я тебя не трону.

— Ну хорошо. — Альфред сел и осторожно ощупал левую скулу. — Я знаю, что ты не хотел меня ударить... ничего не сломано, и ты ударил для видимости. Очень тебе благодарен, если это имеет для тебя значение. Однако я останусь здесь, пока ты не прояснишь ситуацию... на всякий случай, иначе своей обычной болтовней я могу снова затронуть какой-нибудь из твоих инстинктов.

Гэрри скривился. Уперев руки в бока, он взглянул на Альфреда сверху вниз.

— Думаю, кто-то использует нас... эти званые приемы в Астерли-Плейс.

В глазах Альфреда появились проблески мысли.

? Как?

Гэрри поджал губы и заявил:

— Люсинду Бэббакум не следовало приглашать сюда ни в коем случае. Она исключительно добродетельная женщина, поверь мне.

Альфред приподнял брови.

— Понимаю. — Затем нахмурился. — Ничего не понимаю.

— Я хочу узнать, кто предложил тебе пригласить ее?

Альфред обхватил руками колени.

— Ты знаешь, мне не нравится мысль о том, что меня используют. Это был парень по имени Джолифф... сталкивался с ним пару раз в игорных домах. Он везде бывает... Эрнест, Эрл, что-то в этом роде. Встретился с ним в среду в Сассекс-Плейс. Он как бы между прочим сказал, что миссис Бэббакум ищет развлечений и что он пообещал упомянуть ее в разговоре со мной.

Гэрри нахмурился.

— Джолифф? — Он покачал головой: — Не могу сказать, что имел удовольствие быть знакомым.

Альфред усмехнулся.

— Не назвал бы это удовольствием. Беспутный человек.

Взгляд Гэрри вспыхнул.

— И ты положился на слово такого человека в вопросе репутации леди?

— Конечно, нет. — Альфред поспешно отшатнулся, его лицо приняло оскорбленное выражение. — Я проверил... ты знаешь, я всегда проверяю.

— И у кого же ты проверил? У Эм?

— Эм? Твоей тети? — Альфред захлопал глазами. — При чем тут она? Старая фурия. Щипала меня за щеки каждый раз, как приезжала к нам.

— Она не ограничится щипками, если узнает, для чего ты пригласил ее протеже.

— Ее протеже? — в ужасе переспросил Альфред.

— Ты явно не проверил как следует, — прорычал Гэрри, снова зашагав по комнате.

Альфред поежился.

— Ну, видишь ли, времени было в обрез. У нас образовалась вакансия: муж леди Каллан вернулся из Вены раньше, чем она ожидала.

Гэрри хмыкнул.

— Так у кого же ты проверил?

— У кузена леди... или что-то в этом роде. Мортимера Бэббакума.

Гэрри нахмурился и остановился. Он слышал это имя в начале знакомства с Люсиндой.

— Мортимер Бэббакум?

Альфред пожал плечами.

— Безобидный парень, немного слабовольный, но не могу сказать, что слышал о нем что-нибудь дурное... только то, что он друг Джолиффа.

Гэрри подошел к Альфреду.

— Давай проясним: Джолифф сказал, что миссис Бэббакум надеется на приглашение сюда, а Мортимер Бэббакум подтвердил, что ей нравятся пикантные развлечения?

— Ну, не так многословно. Нельзя же ожидать, что он открыто скажет такое о родственнице. Ты же знаешь, как это бывает: я высказал предположения и дал ему достаточно времени, чтобы отрицать их. Он этого не сделал. Все достаточно ясно.

Гэрри скривился. Затем кивнул.

— Ладно. Но теперь она уезжает.

— Когда? — Альфред с трудом поднялся.

— Сейчас. Как можно скорее. И более того, ее здесь никогда не было.

Альфред пожал плечами.

— Естественно. Никого из дам здесь нет.

Гэрри кивнул, радуясь своей предусмотрительности. Именно его изобретательный ум вдохновил эти приемы, где замужние дамы и светские вдовы могли бы насладиться тайными связями, не рискуя своей репутацией. Абсолютная осторожность и благоразумие: все дамы были связаны общей тайной. Что касается джентльменов, честь и положение в обществе — как и надежда на будущие приглашения — обеспечивали их молчание.

Итак, несмотря ни на что, эта несносная женщина вновь избежала опасности. Альфред направился к двери.

— Пойдем. Раз уж пришлось так рано подняться, мы заслужили вознаграждение — можем перехватить кеджери (Жаркое из риса, рыбы и пряного порошка карри.), не откажусь от пары порций.

Все еще хмуясь, Гэрри последовал за приятелем.

Час спустя Люсинда спускалась по парадной лестнице. В трех шагах позади нее следовала мрачная Агата. Люсинда озабоченно хмурилась с того момента, как постучавший в дверь ее комнаты Мелторп внес поднос с завтраком и сообщил, что его светлость готов проводить ее в любой момент, как только она будет готова. Всего пару минут назад, открыв дверь, Агата обнаружила терпеливо ожидавшего в коридоре лакея, готового взять багаж.

Как Люсинда ни старалась, она не могла понять, откуда хозяева узнали, что она уезжает.

Это сбивало ее с толку, но еще более непривычна была совершенно несвойственная ей паника, пошатнувшая ее обычную уверенность.

Когда она ступила на последний пролет лестницы, из столовой вышел лорд Астерли. Увидев появившегося за ним Гэрри, Люсинда мысленно выругалась. Она занялась перчатками и, придав лицу решительное выражение, подняла голову.

— Доброе утро, милорд. Боюсь, мне необходимо немедленно уехать.

— Да, конечно... вполне понимаю. — Альфред ждал внизу с самой очаровательной улыбкой.

Люсинда постаралась не хмуриться.

— Я рада. Прекрасно провела у вас время, но уверена, что будет лучше, если я сейчас уеду, — ответила она, не глядя на Гэрри.

Альфред предложил ей руку.

— Мы, конечно, очень сожалеем о вашем отъезде, но я уже приказал подготовить ваш экипаж.

Люсинда положила руку на его рукав, думая совершенно о другом.

— Как вы любезны, — пробормотала она, взглянув из-под опущенных ресниц на Гэрри, но не нашла в его взгляде ничего, кроме светской учтивости.

— Прекрасный день для поездки... надеюсь, вы доберетесь до места назначения без происшествий.

Его светлость вывел Люсинду из дома, продолжая болтать о пустяках.

Как он и сказал, экипаж ждал ее, Джошуа сидел на козлах. Остановившись на последней ступеньке, Люсинда повернулась к хозяину, а Агата проскользнула за ее спиной. Люсинда спокойно протянула руку:

— Благодарю вас, милорд, за очень интересный, хотя и короткий прием.

— Восхищен, дорогая, восхищен. — Альфред галантно склонился над ее рукой. — Полагаю, мы вскоре увидимся в Лондоне. — Выпрямляясь, он перехватил взгляд Гэрри. — На балах, разумеется, — поспешно добавил он.

Люсинда повернулась к экипажу и обнаружила, что Агата, явно недовольная, сидит рядом с Джошуа на козлах.

— Сюда... позвольте мне, — проговорил Гэрри.

Не успев ничего предпринять, чтобы изменить неожиданное положение своей горничной, Люсинда оказалась в экипаже. Решив, что чем быстрее она уедет, тем лучше, Люсинда устроилась у окна, расправляя юбки. Можно будет пересадить Агату, когда они отъедут от Астерли-Плейс.

Лорд Астерли продолжал болтать через окно:

— Надеюсь, вам у нас понравилось. Мы с нетерпением ждем следующего... — Он осекся. — Ах нет. Не следующего.

— Безусловно, — отчеканил за ним низкий голос.

Его светлость быстро отступил. Люсинда приготовилась равнодушно попрощаться со своим опасным защитником... но увидела, что Гэрри, кивнув его светлости, спокойно садится в экипаж.

Люсинда изумленно взглянула на него.

Гэрри улыбнулся несколько мрачновато и тихо сказал:

— Улыбнитесь Альфреду понежнее, он и так сконфужен.

Люсинда выполнила приказ, выдавив крайне глупую улыбку. Лорд Астерли стоял на ступенях и махал рукой, пока поворот дороги не скрыл его из виду.

Как только это случилось, Люсинда набросилась на Гэрри:

— Что вы себе позволяете? Это еще одна из ваших вынужденных мер?

Гэрри откинулся на спинку сиденья и надменно поднял брови.

— Да. Вы же не собираетесь убеждать меня, что ваше место — в Астерли-Плейс?

Люсинда покраснела и перестроилась.

— Куда мы едем?

Она покинула Астерли-Плейс в такой неприличной спешке не только из-за развлечений его гостей. После событий прошедшей ночи, несмотря на возродившиеся надежды, она понятия не имела, что Гэрри теперь думает о ней. И самое страшное: она осознала... и совершенно уверилась в том, что, стоит ему поманить ее, она пойдет за ним без брачных обязательств, без клятв с его стороны. Необходимо бежать от него и под защитой решительной Эм попытаться преодолеть свою слабость.

Никогда раньше она ни от кого и ни от чего не бежала, но со своими чувствами к Гэрри она не могла бороться.

С сильно бьющимся сердцем, широко раскрыв глаза, Люсинда смотрела, как он откидывает голову на подушки, закрывает глаза, вытягивает и удобно скрещивает свои длинные ноги.

— В Лестер-Холл.

— В Лестер-Холл? — Люсинда прищурилась. Не в Лестершэл, его собственный дом, а в Лестер-Холл, семейную резиденцию.

Гэрри кивнул.

— Почему?

— Потому что там вы находитесь со вчерашнего дня. Вы уехали из города в вашем экипаже и отправились туда с вашей горничной и кучером. Я последовал за вами несколько часов спустя в своей двуколке. Эм и Хетер приедут сегодня утром, так как вчера Эм была нездорова. Именно поэтому они и не смогли сопровождать вас.

— Почему же я уехала без них?

— Потому что мой отец ожидал вас вчера вечером и вы не хотели его разочаровывать.

— Ох! — Поколебавшись немного, Люсинда спросила: — Он действительно ждет меня?

Гэрри открыл один глаз, изучая очаровательное видение в голубом дорожном платье, с аккуратно убранными под шляпку волосами... еще более очаровательное из-за неуверенности, которую он видел в затуманенных голубых глазах и несколько ошеломленном лице. Зеленый глаз снова закрылся.

— Он будет счастлив вас видеть.

Люсинда долго и усердно обдумывала услышанное и наконец спросила:

— Где ваша двуколка?

— Долиш вернулся на ней в Лондон прошлым вечером известить Эм. Не волнуйтесь. Когда мы приедем, Эм уже будет в Лестер-Холле.

Вроде говорить было больше не о чем. Люсинда откинулась на подушки и попыталась разобраться в услышанном.

Через несколько миль молчание нарушил Гэрри:

— Расскажите мне о Мортимере Бэббакуме.

Отвлеченная от своих размышлений, Люсинда нахмурилась.

— Почему вы хотите узнать о нем?

— Он кузен вашего покойного мужа?

— Нет, он племянник Чарльза. Он унаследовал Грейндж и часть наследства.

Не открывая глаз, Гэрри нахмурился.

— Расскажите мне о Грейндже.

Люсинда пожала плечами.

— Это маленькое имение. Только дом и немного земли для его содержания. Чарльз получил наследство от деда по материнской линии и купил на эти деньги гостиницы, увеличившие его состояние.

Следующий вопрос Гэрри последовал примерно через полмили:

— Мортимер Бэббакум имел представление о Грейндже?

— Нет, — ответила Люсинда, оглядывая цветущие поля за окном кареты. — Он, кажется, приезжал за год до нашей свадьбы, но после этого не был ни разу. Поэтому мне так странно, что он изъявил желание поселиться в Грейндже немедленно после смерти Чарльза.

Снова последовало долгое молчание.

— Не знаете ли вы, был ли Мортимер осведомлен о богатстве Чарльза?

Люсинда ответила не сразу:

— Если вы имеете в виду личное состояние Чарльза, то я думаю, он должен был знать о нем, поскольку обращался к Чарльзу за финансовой помощью. Ежегодно. Чарльз смотрел на это как на пенсион своему наследнику, но суммы часто бывали довольно большими. Последние — две и три тысячи фунтов. Однако... — Люсинда умолкла, чтобы перевести дух, и взглянула на Гэрри. Открыв глаза и прищурившись, он сосредоточил взгляд на переднем сиденье, явно обдумывая ее слова. — Если вы имеете в виду, знал ли Мортимер в тонкостях о состоянии Чарльза, в этом я не могу быть уверена. Но знаю наверняка, что в последние десять лет Чарльз не имел обыкновения сообщать Мортимеру подробности. В конце концов, это не имеет к Мортимеру никакого отношения.

— Итак, возможно, он не знает, что деньги Чарльза получены не от имения?

Люсинда хмыкнула.

— Думаю, любой дурак может видеть, что от этого имения невозможно получить даже столько, сколько Чарльз регулярно высылал Мортимеру.

Не из Лондона. И какие у них гарантии, что Мортимер Бэббакум действительно не такой дурак? Однако Гэрри оставил свои мысли при себе. Он закрыл глаза и под громохание колес продолжал жонглировать фактами. Кто-то, как он был теперь убежден, проявлял сильный интерес к делам Люсинды, но с какой целью — он не мог понять. От чьего-то желания причинить ей зло невозможно было отмахнуться, но инстинкт подсказывал Гэрри, что за этим желанием стоит нечто большее. На первый взгляд Мортимер Бэббакум казался самым вероятным подозреваемым, но он не был наследником Люсинды, ее ближайшей наследницей была ее тетя из Йоркшира. И в любом случае зачем посылать ее в Астерли-Плейс?

Кому могут быть выгодны ее тайные любовные связи?

Гэрри не находил ответа и решил отложить это дело до возвращения в Лондон. А до тех пор она будет ежеминутно под его наблюдением днем... и в еще большей безопасности ночью. Лестер-Холл и его окрестности — самое безопасное место на земле для невесты одного из Лестеров.

Поразмыслив, Люсинда пришла к выводу, что поведение Гэрри и его усилия защитить ее имя должны успокоить ее. Она оторвалась от пейзажа за окнами кареты и искоса взглянула на Гэрри. Ей показалось, что он спит. Если вспомнить, как он провел прошлую ночь, едва ли

ей следует удивляться. Она сама необыкновенно устала, но была слишком взволнованна, чтобы расслабиться.

Под стук колес она обдумывала свое положение, и вдруг ей пришло в голову, что у нее нет никаких гарантий того, что Гэрри действительно изменил свою позицию.

Экипаж встряхнуло на выбоине, сильная рука взметнулась и не дала ей упасть на пол.

Люсинда выпрямилась, Гэрри опустил руку. Она повернулась к нему и свирепо уставилась на его еще закрытые глаза.

— Леди Колби разговаривала со мной вчера.

Его брови лениво поднялись.

? Да?

Несмотря на равнодушный тон, она почувствовала, как он напрягся, и с вызовом продолжила:

— Она рассказала, что когда-то вы были влюблены в нее.

Гэрри открыл глаза и очень медленно повернул голову. Их взгляды встретились.

— Я не знал... тогда... что такое любовь.

Он не сразу отвел взгляд, затем отвернулся и снова закрыл глаза.

Экипаж катился дальше, Люсинда пристально смотрела на Гэрри.

Затем глубоко вздохнула. Улыбка... улыбка облегчения и надежды осветила ее лицо. Она откинула голову на подушки и последовала примеру Гэрри.

Глава двенадцатая

Три дня спустя Гэрри сидел в садовом кресле под раскидистыми ветвями дуба на лужайке Лестер-Холла и, прищулив глаза от яркого солнца, смотрел на фигуру в голубом, появившуюся на веранде.

Люсинда увидела его и помахала, затем спустилась на лужайку и направилась к нему. Гэрри улыбнулся.

И смотрел, как его избранница приближается к нему.

Платье из небесно-голубого муслина облегалo ее фигуру. Лицо оттеняла большая шляпа с тремя голубыми маргаритками на ленте. Он сам закрепил их там рано утром, когда лепестки еще сверкали росой.

Удовлетворенная улыбка Гэрри стала шире. Вот то, что он желал... и был полон решимости получить.

Его внимание привлек крик, донесшийся с озера вместе с ответным веселым смехом. Джеральд катал в лодке Хетер Бэббакум. Сияющая Хетер смеялась, Джеральд улыбался ей со своего места на корме.

Гэрри смирился с тем, что, как он сильно подозревал, должно было неизбежно случиться. Но Хетер слишком юна, как и Джеральд. Пройдет еще несколько лет прежде, чем они осознают то, что началось у них этим летом.

Гэрри совершенно не удивился появлению брата в Лестер-Холле спустя всего лишь час после его и Люсинды приезда. Как он и предполагал, Эм и Хетер приехали раньше их, и Эм успела уже взять хозяйство в свои руки.

Тетушка ограничилась любопытным, почти настороженным взглядом и удержалась от комментариев. К великому удовольствию Гэрри, после осечки с приглашением в Астерли-Плейс Эм, казалось, смирилась с его руководством.

Как, впрочем, и его избранница, хотя и не столь безропотно.

Гэрри встал ей навстречу, радушно улыбаясь.

Ответив ему улыбкой, Люсинда придержала рукой шляпу. Легкий ветерок раздувал ее юбки.

— Такой чудесный день. Я бы хотела прогуляться.

— Прекрасная мысль. — Гэрри спокойно, с видом собственника взял ее под руку. — Вы еще не видели грот в конце озера, не так ли?

Люсинда покорно признала свою неосведомленность и позволила ему увлечь ее на тропинку, вьющуюся вдоль озера. Хетер увидела их и помахала рукой, Джеральд крикнул, привлекая их внимание. Люсинда улыбнулась и помахала в ответ. Воцарилась тишина.

И снова наступило ожидание.

Ожидание, в котором она провела три прошедших дня.

Ее пребывание в Лестер-Холле оказалось неизмеримо приятнее визита в Астерли-Плейс. С того момента, как Гэрри ввел ее в гостиную и представил отцу, не осталось никаких сомнений в его намерениях. Все: каждый взгляд, каждый жест, каждое прикосновение, каждое слово и мысли, незримо витавшие между ними, — доказывало этот простой факт. Но ни разу во время их прогулок в сумерках по веранде или во время верховых прогулок по полям и лесам, за все часы, что они провели вместе, он ни словом не обмолвился об этом.

Он даже ни разу не поцеловал ее — и это разжигало ее нетерпение. Однако она не могла

винить его за подобное поведение, в высшей степени галантное. В ней зрело убеждение, что он ухаживает за ней — традиционно, согласно всем принятым нормам, со всей утонченностью, которую подсказывал ему его опыт.

Что было очень приятно, но...

Придерживая одной рукой шляпу, Люсинда подняла голову и посмотрела на небо.

— Солнце светит так упорно, что забываешь о пролетающих днях. Боюсь, нам скоро придется вернуться в Лондон.

— Я отвезу вас в город завтра днем.

— Завтра днем?

— Насколько я помню, мы все приглашены к леди Миклхэм на следующий вечер. Эм, как я подозреваю, необходим отдых.

— Да, конечно. — Люсинда совершенно забыла о бале у леди Миклхэм. И после секундного колебания она добавила: — Мне иногда кажется, что Эм тратит слишком много сил ради нас. Хетер и я никогда не простим себе, если она переутомится и заболеет.

Гэрри невольно ухмыльнулся.

— Не бойтесь. Она — светский стратег: знает, как распределить силы. Более того, могу вас уверить, что роль вашей хозяйки до конца сезона доставляет ей радость.

И он знал, что говорит чистую правду.

Люсинда бросила на него быстрый взгляд из-под ресниц.

— Ваши слова утешают меня, так как должна признать, что с нетерпением ожидаю возвращения в свет. Кажется, будто вечность прошла с тех пор, как я кружилась по бальному залу.

Гэрри холодно взглянул на нее.

— Действительно, я сам с нетерпением жду возвращения в бальные залы.

— Неужели? — Люсинда улыбнулась. — Не думала, что вы так увлечены балами.

— Я не увлечен.

Широко раскрыв глаза, Люсинда посмотрела на него.

— Что же тогда привлекает вас?

Соблазнительница!

— Полагаю, вы поймете это, как только мы снова вольемся в светскую толпу.

Люсинда чуть улыбнулась и уставилась прямо перед собой, стараясь держать себя в руках. Неужели он действительно пытается спровоцировать ее на какой-нибудь безумный поступок? Например, посетить его спальню поздно ночью!

Насколько же она была взвинчена, насколько разочарована, если подобная мысль вообще пришла ей в голову! Но она с сожалением отказалась от нее. Инициатива больше ей не принадлежала; привезя ее в Лестер-Холл, Гэрри ясно дал это понять. И она представления не имела, как вернуть себе контроль над ситуацией... и еще менее была уверена, что Гэрри позволит ей это сделать.

— Вот мы и пришли.

Гэрри указал туда, где тропинка исчезала в густых зарослях. Они приблизились, и он протянул руку, отводя в сторону сплошную завесу из цветущей жимолости и других вьющихся растений, открывая ее взору мраморные ступени, ведущие в прохладную, тускло освещенную пещеру.

Очарованная, Люсинда нырнула под его руку и прошла вперед. Поднявшись по ступеням, она оказалась на мраморном узорчатом полу павильона, сделанного в виде древнего храма.

Купол, покрытый голубыми и зелеными глазурованными плитками, поддерживаемый четырьмя колоннами, ловил солнечный свет, отраженный гладью озера, и разбрызгивал его мириадами бликов от бирюзового до темно-зеленого. Зеленые стебли и желтовато-розовые цветы жимолости обвивали три арки, выходящие на озеро, и четвертую — на скалу. Отбрасываемые ими тени колыхались на легком ветру.

Храм будто висел над водой, а его центральная арка выходила на ступени, спускавшиеся к маленькой каменной пристани. Люсинда остановилась в самом центре храма и обнаружила один из его секретов. В каждой из трех арок открывался совершенно неповторимый вид. Правая выходила на короткий рукав озера и заросшую папоротником и кустарником поляну за ним. В левой виднелся длинный рукав и далекий берег, окаймленный ивами и буками. Самый очаровательный вид был из центральной арки. Как в раме роскошной картины, возвышался монументальный фасад Лестер-Холла, на переднем плане к озеру полого спускались подстриженные лужайки, окаймленные буйной растительностью слева и английскими садами справа.

— Как красиво! — Люсинда отошла к одной из колонн.

Гэрри держался в тени, наблюдая за игрой солнечного света на ее лице. Когда она со счастливым вздохом прислонилась к колонне, он подошел к ней и через мгновение спросил:

— Вы наслаждались лондонским сезоном? Не стали ли вы горячей поклонницей очарования высшего света во всем его великолепии: бесконечной карусели балов и приемов?

Люсинда повернулась к нему, пытаясь понять выражение его глаз, но они не давали ни намек на его чувства. Подумав, она ответила, снисходительно улыбаясь:

— В общем, я нахожу свет с его развлечениями занимательным. Но не забывайте, что это моя первая встреча со светской каруселью! Я наслаждаюсь новизной. Однако свет — ваша среда обитания... разве вы сами не наслаждались балами этого сезона?

Гэрри отвел взгляд и взял ее руку в свою. Маленькая нежная ладонь доверчиво легла в его большую. Гэрри сжал пальцы, его губы дрогнули.

— Были некоторые... приятные моменты.

Он поднял веки и встретил взгляд Люсинды. Ее брови медленно поднялись.

— В самом деле?

Гэрри ничего не ответил, устремив взгляд на озеро, где в лучах солнца купался Лестер-Холл, как и Хэллоуз-Холл будивший в Люсинде воспоминания о прошлом. Она вздохнула.

— Несмотря на все очарование, я очень сомневаюсь, что смогла бы выдержать бесконечную светскую суету. Боюсь, мне понадобится время от времени строгая диета сельского покоя, чтобы перенести сезон. — Она искоса взглянула на Гэрри и обнаружила, что он следит за ней. — Мои родители жили очень уединенно в старом доме в Хэмпшире. Когда они умерли, я переехала в Йоркширские болота, места крайне глухие.

Лицо Гэрри слегка, но вполне определенно расслабилось.

— Так, значит, в душе вы деревенская девушка? — Не сводя с нее глаз, он поднял ее руку. — Наивная? — Он легко коснулся губами кончиков ее пальцев. — Невинная? — Он поцеловал ее ладонь.

Люсинда вздрогнула, не пытаясь скрыть свою реакцию. Она не могла ни дышать, ни здраво рассуждать. Их взгляды встретились.

Губы Гэрри дрогнули, он заколебался, но затем наклонился близко к ней:

— И моя?

Он выдохнул вопрос уже у самых ее губ, прижавшись к ним долгим властным поцелуем.

Люсинда ответила единственно возможным образом: повернувшись к нему и обвив руками его шею, она поцеловала его так же страстно.

Инстинкт подсказал Гэрри отойти, увлекая ее за колонну, в тень, укрывшую их от случайных взоров.

Тишина окутала маленький павильон. Ветерок лениво играл жимолостью, наполняя ароматом воздух; где-то вдали, в заросших камышами берегах, крикнул селезень. Колышущиеся тени нежно ласкали обнявшиеся под защитой колонны фигуры. Лето властно вытесняло цветущую весну, вступая в свои права.

— Ах! Как прелестно... Греческий храм! Можно посмотреть его? — разнесся над водой голос Хетер, резко вернув Гэрри и Люсинду к действительности. Гэрри глубоко вздохнул и, взглянув в глаза Люсинды, увидел в них отражение собственного разочарования.

Тихо выругавшись, он наклонил голову, чтобы в последний раз попробовать вкус губ Люсинды, затем, с трудом оторвав ладонь от ее груди, стал быстро и ловко приводить в порядок лиф ее платья, застегивать крохотные пуговицы, которые он с такой же ловкостью недавно расстегнул.

Мигая, пытаясь успокоить судорожное дыхание, Люсинда поправила воротничок и откинула тяжелый локон со лба. Ее руки неуверенно замелькали, поправляя его галстук.

Гэрри отступил, его длинные пальцы скользнули вдоль накрахмаленных складок платья Люсинды.

— Ваши юбки.

Люсинда посмотрела вниз, чуть не задохнулась от волнения и бросила возмущенный взгляд на Гэрри, на что тот лишь высокомерно поднял брови. Она отряхнула юбки, разглаживая складки, и, увидев лежащую на полу шляпу, бросилась к ней и надела, путаясь в лентах.

— Пойдите, позвольте мне. — Гэрри ловко распутал ленты и завязал их аккуратным бантом.

— Ваши таланты просто удивительны.

Гэрри мрачновато улыбнулся.

— И в высшей степени полезны, вы должны это признать.

Люсинда постаралась изобразить радостную улыбку, повернувшись к лестнице, откуда доносился голос Джеральда:

— Осторожно! Подождите, пока я закреплю лодку.

Люсинда вышла на освещенную солнцем верхнюю площадку.

— Привет... вы хорошо провели время на озере?

Джеральд заморгал от неожиданности, увидев ее. Когда из тени за спиной Люсинды появился Гэрри, Джеральд насторожился.

Однако Гэрри улыбнулся, хотя и несколько холодно.

— Очень удачно, Джеральд. Теперь мы сможем взять лодку, а ты покажешь мисс Бэббакум храм, а после вы вернетесь пешком.

— Ах! Замечательно! — Хетер с трудом дождалась, пока Джеральд помог ей сойти с подпрыгивающего суденышка. — Такое прелестное место... такое уединенное.

— Обычно, — прошептал Гэрри так тихо, что услышала только Люсинда.

Она бросила на него предостерегающий взгляд, но ее улыбка осталась неизменной.

— Плитки свода просто великолепны.

— В самом деле? — Сгорая от любопытства, Хетер взлетела по ступенькам в храм.

Джеральд тем временем неотрывно смотрел на перекосившуюся золотую булавку в виде желудка, которой его аккуратнейший брат закалывал галстук. Ошеломленно замигав, Джеральд взглянул Гэрри в глаза, но увидел лишь ленивое, отчетливо скучающее выражение, которое, как он прекрасно знал, означало приказ исчезнуть как можно скорее.

— Да, конечно. Мы вернемся пешком.

Джеральд очень старательно изобразил безразличие и, кивнув Люсинде, поспешил за Хетер:

— Миссис Бэббакум!

Люсинда повернулась и увидела, что Гэрри, удерживая лодку, предлагает ей руку, чтобы помочь. Как только она уселась на подушках на носу лодки и принялась расправлять юбки, он прошел на корму и оттолкнулся от берега длинным шестом.

Темная вода заскользила вокруг них. Откинувшись на подушки, Люсинда опустила кончики пальцев в воду и занялась созерцанием Гэрри. Он избегал ее взгляда, сосредоточившись, судя по всему, на окружающем пейзаже.

Недоверчиво усмехнувшись, Люсинда отвела взгляд.

Уголки губ Гэрри поднялись в улыбке; его взгляд, упавший на ее профиль, был необычно нежен, хотя и с некоторой долей цинизма. Отталкиваясь шестом от дна, он управлял лодкой; ни один, даже самый неисправимый повеса не был способен соблазнить женщину в такой ситуации. Он не продумал заранее сцену со страстными объятиями в храме и был даже благодарен младшему брату за своевременное вмешательство. У него и так хватало причин, чтобы жениться на своей соблазнительнице, а еще предстояло убедить Люсинду в искренности его намерений. Их ночь в Астерли наверняка только подтвердила в ее глазах его дурацкое заявление о том, что они должны пожениться из-за светских условностей.

Гэрри взглянул на фасад Лестер-Холла, теперь уже чужого дома — дома Джека. Его взгляд сделался отстраненным, лицо — суровым.

Люсинда совершенно ясно дала понять, что должна непременно знать, почему он хочет жениться на ней. За прошедшие дни он осознал, как важно для него, чтобы у них не осталось никаких недомолвок. Поэтому прежде, чем он снова сделает ей предложение, необходимо все прояснить.

Люсинда узнает правду... и поверит в нее.

На следующее утро, открыв глаза, Люсинда обнаружила на своей подушке прекрасную розу. Очарованная, она нежно взяла изысканный цветок. Роса на лепестках блеснула в утреннем солнце.

С изумленной, восхищенной улыбкой она села и откинула покрывало. Каждое утро в Лестер-Холле, просыпаясь, она находила где-то в комнате такой подарок.

Но на подушке?..

Все с той же улыбкой она встала.

Пятнадцать минут спустя с безмятежным выражением лица, с розой в руках она проскользнула в столовую. Как обычно, отца Гэрри не было — будучи почти инвалидом, он не вставал раньше полудня; Эм, придерживаясь городского расписания, не появлялась до одиннадцати. Хетер и Джеральд накануне объявили, что собираются рано утром на верховую прогулку к отдаленным искусственным руинам. Неудивительно, что за столом сидел один Гэрри. Вытянув ноги, он держал длинными пальцами чашку.

Чувствуя на себе взгляд Гэрри, она с невозмутимым видом посмотрела на подарок любимого, затем, нежно улыбаясь, воткнула его в корсаж и нарочито медленно расправила бархатные лепестки в ложбинке груди, открытой низким декольте платья.

Затем посмотрела на Гэрри. Он сидел как замороженный, не сводя глаз с розы. Его пальцы сжались на ручке чашки. Он стал похож на хищника, приготовившегося к прыжку.

— Доброе утро, — беспечно улыбнулась Люсинда и прошла к стулу, отодвинутому для нее дворецким.

Гэрри хотел ответить, но вначале ему пришлось откашляться.

— Доброе утро. — Он заставил себя перевести взгляд на ее лицо, пытаясь понять его выражение. — Я хотел посетить конезавод до нашего возвращения в город и подумал, что вы захотите поехать со мной... возобновить ваше знакомство с Пушинкой.

Люсинда потянулась к чайнику.

— Пушинка здесь?

Гэрри кивнул и отхлебнул кофе.

— Это далеко?

— Всего несколько миль. — Он следил, как Люсинда намазывает джем на горячую булочку. Опершись локтями о стол и держа булочку обеими руками, она откусила кусочек; минуту спустя провела кончиком языка по губам. Гэрри моргнул.

— Мы отправимся верхом? — Люсинда и не подумала высказывать формальное согласие: он с самого начала знал, что она поедет.

Гэрри пристально смотрел на розу, уютно лежавшую на ее груди.

— Нет... мы возьмем кабриолет.

Люсинда улыбнулась... и откусила еще кусочек булочки.

Двадцать минут спустя, все в том же утреннем сиреневом платье с розой на почетном месте, сидя рядом с Гэрри в кабриолете, она уже ехала по узкой аллее.

— Значит, вы мало времени проводите в Лондоне?

Гэрри вопросительно поднял брови, не отвлекаясь от запряженного в кабриолет гнедого.

— Так мало, как только возможно. — Он скривился. — Но такое предприятие, как конезавод, заставляет оставаться на виду у знатоков, которые как раз и являются также любителями светских развлечений.

— Ах... понимаю, — глубокомысленно заявила Люсинда. — Вопреки очевидному вы не любите балы, рауты, приемы... еще меньше вас заботит мнение женской половины бомонда. Тогда... — она широко распахнула глаза, — я не понимаю, как вы заслужили свою репутацию. Если только... — Она вопросительно взглянула на него. — Может быть, это всего-навсего слухи?

Гэрри переключил внимание на Люсинду, и она вздрогнула от его взгляда.

— Моя репутация, дорогая, заработана не в бальных залах.

Лицо Гэрри выразило строгое неодобрение, он щелкнул вожжами, переводя лошадь на рысь.

Люсинда усмехнулась.

Они быстро добрались до конезавода. Гэрри оставил вожжи груму и помог Люсинде спуститься на землю.

— Мне необходимо поговорить с главным конюхом Хэмишем Макдауэллом, — сказал он, ведя ее к конюшням. — Пушинка должна быть в своем деннике. Во втором дворе.

Люсинда кивнула.

— Я подожду вас там. — Конезавод оказался комплексом разнообразных зданий: конюшен, сбруйных и сараев с двуколками и огромными запасами корма. — Вы сами начали дело или оно уже существовало?

— Мой отец создал конезавод еще в юности. Я принял управление после случившегося с ним около восьми лет назад несчастного случая. — Гэрри обвел взглядом конезавод: аккуратные мощеные дворы, каменные здания и огороженные поля. — Когда я живу дома, то часто предлагаю привезти его сюда... но он всегда отказывается... Видимо, лошади напоминают ему об инвалидности. Он был безудержным наездником, пока неудачное падение не приковало его к инвалидному креслу.

— Значит, вы унаследовали любовь к лошадям от отца?

— Да, но это была не единственная страсть в его прежней жизни.

Люсинда взглянула на него и отвернулась.

— Понимаю, — сдержанно ответила она. — Значит, все это теперь ваше? Или это общее семейное дело?

Слегка покраснев, она взглянула на Гэрри, но не сделала попытки извиниться за свой вопрос. Гэрри улыбнулся.

— Юридически конезавод принадлежит моему отцу. А реально я — хозяин всего, что вижу. — Он окинул взглядом весь комплекс и посмотрел на Люсинду.

Та медленно приподняла брови.

— В самом деле? — Если он ее господин, значит, она его любовница? Но нет, она прекрасно знала, что не это его цель. — Вы, кажется, сказали, что Пушинка во втором дворе? — (Гэрри утвердительно кивнул, и она царственно наклонила голову.) — Я подожду вас там.

Высоко подняв голову, она направилась через арку во второй двор. Что заставляет его медлить? Она нашла Пушинку, просто встав посреди квадратного двора и оглядываясь, пока ее внимание не привлекла возбужденно кивающая темная голова.

Кобыла, казалось, обрадовалась ей и стала тыкаться носом в ее юбки. Люсинда вытащила из кармана куски сахара, взятые с утреннего стола. Ее подарок был принят с явным удовольствием.

Опершись о низкую дверь денника, Люсинда смотрела, как кобыла пьет воду из ведра.

— Неужели так трудно сделать мне новое предложение? — (Пушинка вопросительно подняла карий глаз.) — Вот именно, — кивнула Люсинда и рассеянно погладила нос кобылы. — Я имею право передумать. — Она сморщилась. — Ну, по крайней мере пересмотреть свое решение в свете последних событий.

Разумеется, Люсинда не передумала. Она точно знала, чего она хочет, и Гэрри тоже знал. Просто этот упрямец не хотел признавать очевидное.

Люсинда хмыкнула, и Пушинка тихо заржала в ответ.

Из тени у сбруйной Гэрри наблюдал, как кобыла качает головой, слегка подталкивая носом Люсинду. Он улыбнулся, затем повернулся к подковылявшему Долишу.

— Вы уже видели Хэмиша?

— Видел. Жеребенок Колдуни выглядит очень многообещающе, я согласен.

— Да, думаю, он возьмет немало призов. — Долиш вслед за Гэрри взглянул на Люсинду и кивнул в ее сторону. — Может, следует познакомить с ним леди... пусть поболтает с ним немного, как с Пушинкой?

С насмешливым изумлением Гэрри уставился на своего доверенного слугу.

— Неужели одобряешь? Ты, закоренелый женоненавистник?

— Не знаю насчет себя, но вы по крайней мере нашли такую, которую любят лошади... и которая действительно вам подходит. — Долиш ухмыльнулся. — Только я не понимаю, почему вы не можете сделать следующий шаг... чтобы мы наконец знали, чего ждать?

— Мне еще предстоит связать некоторые оборванные концы.

— Теперь это так называется?

— Кстати, — невозмутимо продолжал Гэрри, — ты передал сообщение лорду Рутвену?

— Да, его светлость сказал, что за всем проследит.

— Хорошо. — Гэрри снова взглянул на Люсинду. — Мы уедем около двух часов. Я возьму кабриолет, ты поедешь с Эм.

Он не стал дожидаться жалобного ворчания Долиша и направился к Люсинде. Та оставила кобылу и прошла мимо пустых денников к серой голове, высунувшейся поприветствовать ее.

Люсинда оглянулась к подошедшему Гэрри.

— Он победил в Ньюмаркете?

Гэрри улыбнулся и погладил морду Крибба.

— Победил. — Конь ткнулся в его карманы, но Гэрри покачал головой. — Сегодня, боюсь, яблок нет.

— Когда он побежит в следующий раз?

— Не в этом году. — Гэрри взял Люсинду под руку и повел к воротам. — Победа в Ньюмаркете вознесла Крибба на вершину в его классе. Я решил, что он должен уйти в отставку в пике славы, так сказать. Может, я дам ему пробежаться в следующем году, если только не спадет интерес к нему как к производителю. Было бы глупо тратить его энергию на скаковой дорожке.

Губы Люсинды дернулись, она старательно подавила усмешку. Гэрри заметил.

— В чем дело?

Слегка покраснев, Люсинда бросила на него быстрый взгляд из-под ресниц.

Брови Гэрри поднялись еще выше. Люсинда скривилась.

— Если вам так обязательно знать, — ответила она, глядя на горизонт, — мне просто пришло в голову, что управление конезаводом — странное занятие для... э... человека вашей квалификации.

Гэрри искренне рассмеялся, и Люсинда с удивлением поняла, что не слышала раньше его смеха.

— Дорогая миссис Бэббакум, какое странное наблюдение!

Люсинда свирепо взглянула на него и высокомерно задрала нос.

Гэрри, посмеиваясь и совершенно игнорируя ее румянец, притянул ее ближе.

— Вы первая облекли эту мысль в слова.

Люсинда нашла спасение в одном из фырканий Эм — в том, которое означало сильное неодобрение. Неодобрение уступило место надежде, когда она поняла, что Гэрри ведет ее не к кабриолету, а к леску, граничащему с ближайшим полем. Удобная тропинка вилась между деревьями.

Может быть?.. Она не успела закончить свою мысль, поскольку обнаружила, что лес оказался всего лишь лесозащитной полосой. За нею вымощенная дррозка огибала маленький пруд, в котором лилии боролись с камышами.

— Это необходимо расчистить.

Гэрри взглянул на пруд.

— Мы доберемся до него в конце концов.

Люсинда подняла глаза и увидела дом. Большой, из местного камня, со старомодной, покрытой шифером крышей. На первом этаже окна эркеров были открыты навстречу свежему воздуху. Розовый куст прижимался к одной из стен, кивая бледно-желтыми цветами. Два больших раскидистых дуба стояли по обе стороны, бросая прохладную тень на посыпанную гравием подъездную дорогу, выходящую от невидимых ворот к парадному входу.

— Лестершэл?

Гэрри утвердительно кивнул, не сводя глаз со своего дома.

— Мой дом, — он лениво взмахнул рукой. — Войдем?

Неожиданно задохнувшись, Люсинда склонила голову.

Они пересекли заросшую травой лужайку и нырнули под длинные ветви одного из дубов. Приблизившись к пологим каменным ступеням, Люсинда заметила, что парадная дверь настежь открыта.

— Я никогда не жил здесь. Дом пришел в упадок, так что пришлось нанять бригаду мастеров.

Дородный мужчина в кожаном плотничьем фартуке появился в дверном проеме.

— Доброе утро, мистер Лестер. — Мужчина наклонил голову и радостно улыбнулся. — Все идет прекрасно... вы увидите. Осталось совсем немного.

— Доброе утро, Кэтчбрик. Это миссис Бэббакум. Если мы не причиним неудобства вам и вашим людям, я хотел бы показать ей дом.

— Никакого неудобства, сэр. — Кэтчбрик поклонился Люсинде, в его веселых глазах появилось любопытство. — Никакого неудобства. Как я сказал, мы почти закончили.

С этими словами он отступил в сторону и помахал, чтобы они заходили.

Люсинда переступила порог и оказалась в длинном, удивительно просторном прямоугольном холле. Оштукатуренные стены, пока голые, до середины были обшиты дубовыми панелями. В центре холла под чехлами виднелись круглый стол и большая напольная вешалка с зеркалом. Из большого веерообразного окна над дверью струился свет. Дубовая лестница с витиеватыми перилами вела вверх, каждая площадка щеголяла собственным окном, выходящим, как решила Люсинда, на задние сады. От лестницы в обе стороны расходились два коридора, левый заканчивался обитой зеленым сукном дверью.

— Здесь гостиная.

Люсинда обернулась и увидела, что Гэрри стоит у красивых, широко распахнутых дверей. Мальчик старательно начищал панели.

Гостиная оказалась очень просторной, хотя и меньше, чем в Лестер-Холле. В глубоком эркере стоял диван, длинный низкий камин украшала широкая полка. В элегантной столовой, как и в гостиной, в центре возвышалась мебель, накрытая чехлами от пыли. Люсинда не удержалась и отвернула край чехла.

— Некоторые предметы придется заменить, но большая часть мебели кажется достаточно крепкой, — заметил Гэрри, не сводя глаз с Люсинды.

— Достаточно крепкой? — Люсинда отбросила чехол, обнажив тяжелую крышку старого дубового буфета. — Слабо сказано. Это прекрасная мебель... и кто-то сумел сохранить ее в отличном состоянии.

— Миссис Симпкинс. Экономка. Вы скоро с ней встретитесь.

Опустив чехол, Люсинда прошла к одной из двух открытых застекленных дверей и

выглянула. Окна выходили на веранду, огибавшую столовую и обе гостиные, как она вскоре убедилась.

Стоя перед окнами гостиной, глядя на лужайки с клумбами с распустившимися цветами, Люсинда вдруг почувствовала свое родство с этим домом, ей казалось, что она, как и все эти растения, выросла в эту землю. Она не сомневалась, что смогла бы здесь жить... и растить детей... и наслаждаться счастьем.

— Все три комнаты для приемов переходят одна в другую, — Гэрри показал на раздвижные панели, отделяющие гостиную от столовой. — В результате получается помещение, достаточное для проведения бала.

Люсинда прищурилась.

— Неужели?

Сохраняя невозмутимость, Гэрри кивнул и жестом предложил ей пройти дальше.

— Утренняя гостиная. Комната для завтраков.

Он вел ее через приветливые, пока пустые и гулкие комнаты, освещенные солнечным светом, льющим через окна с ромбовидными оконными переплетами. Люсинда заметила, что, хотя деревянные панели уже начищены, оштукатуренные стены еще не оклеены.

— Осталось лишь отделать интерьер, — сообщил Гэрри, ведя ее по короткому коридору, бегущему из большой комнаты, которую он назвал своим кабинетом-библиотекой. В той комнате книжные полки были освобождены от книг и отполированы до блеска, груды томов в полной готовности ожидали возвращения на свои места. — Но фирма, к которой я обратился, начнет работу только через несколько недель... достаточно времени, чтобы принять необходимые решения.

Люсинда подозрительно посмотрела на него, но не решилась задать наводящий вопрос. Просторная элегантная комната в конце коридора выходила в сад, в широкие окна заглядывали розы. Гэрри посмотрел по сторонам.

— Я еще не решил, как использовать эту комнату.

Люсинда не обнаружила здесь мебели. Ее взгляд остановился на новых полках, украшавших одну из стен. Они были широкими и незастекленными — очень удобно для бухгалтерских книг. И окна большие, светло — очень удобно для расчетов и работы с корреспонденцией.

Ее сердце забилося в странном ритме.

— Неужели?

— Хм... — Он задумчиво показал на дверь: — Пойдемте... я представлю вас Симпкинсам.

Подавив возглас нетерпения, Люсинда позволила ему отвести себя в нижний коридор за обитую сукном дверь. Здесь она заметила первые признаки обустроенной жизни. Кухня была безупречно чистой, на стене сверкали кастрюли, в центре возвышалась современная плита.

Пожилая пара, сидевшая за рабочим столом, быстро поднялась, испуганно уставившись на Люсинду.

— Симпкинс — доверенный слуга, мастер на все руки, в общем, присматривает за домом. Он — племянник дворецкого в Холле. Миссис Бэббакум, Симпкинс.

— Мэм, — низко поклонился Симпкинс.

— А это миссис Симпкинс, повариха и экономка — без нее мебель давно бы погибла.

Миссис Симпкинс, полногрудая розовощекая матрона внушительных размеров, присела

в реверансе перед Люсиндой, не сводя негодующего взгляда с Гэрри.

— Да... и если бы вы предупредили меня, господин Гэрри, вас бы уже ждали чай и лепешки.

— Как вы можете догадаться, — спокойно вставил Гэрри, — миссис Симпкинс была когда-то младшей няней в Холле.

— Да... и я прекрасно помню вас в коротких штанишках, молодой господин, — нахмурилась миссис Симпкинс. — Теперь прогуляйтесь с леди чуть-чуть, а я поставлю чайник. Когда вы вернетесь, в саду будет накрыт чай.

— Я бы не хотела затруднять вас...

Страдальческий вздох Гэрри оборвал заявление Люсинды.

— Не знаю, как вам сказать, дорогая, но Марта Симпкинс — тиран. Лучше грациозно подчиниться. — С этими словами он взял ее за руку и повел к двери. — Я пока покажу миссис Бэббакум верхние комнаты.

Люсинда обернулась, чтобы улыбнуться Марте, и Марта в ответ восторженно просияла. Лестница вела к короткой галерее.

— Здесь нет никаких фамильных портретов, — сказал Гэрри. — Они все висят в Лестер-Холле.

— Там есть ваш портрет?

— Да... но едва ли сходство большое. Мне было восемнадцать лет.

Вспомнив откровения леди Колби, Люсинда воздержалась от комментариев.

— Это хозяйская спальня. — Гэрри распахнул двери в конце галереи, ведущие в большую комнату с эркером. Стены, наполовину обшитые деревом, мягко блеснули. Люсинда с любопытством огляделась: резной камин, необычно большой; громоздкое сооружение в центре, покрытое неизбежными чехлами. Люсинда покорно проследовала за Гэрри в смежные гардеробные. — Боюсь, — заметил он, когда они вернулись в главную спальню, — что в Лестершэле нет отдельных спален для мужа и жены. — (Люсинда вопросительно взглянула на него.) — Конечно, это не должно волновать вас.

Он облокотился об оконную раму, невозмутимо игнорируя выжидательный взгляд Люсинды. Она хмыкнула и переключила внимание на зачехленное чудовище.

— Кровать с балдахином, — решила она и, приподняв чехол, заглянула в темную пещеру. Кровать с витыми столбиками и балдахином была задрапирована парчой. — Огромная.

— В самом деле. — Гэрри следил за ее действиями. — И у нее давняя история, если верить всему, что рассказывают.

— Чему именно?

— Говорят, что кровать, как и дом, берет начало в елизаветинских временах. Ею пользовались все новобрачные дома Лестеров.

Люсинда сморщила нос.

— Меня это не удивляет.

Она опустила чехлы и отряхнула руки.

— Само по себе — конечно. — Он оттолкнулся от окна и подошел к Люсинде. — Но в изголовье укреплены медные кольца. — Его лицо приняло задумчивое выражение. — Очень возбуждают воображение. — Взяв Люсинду под руку, он повел ее к двери. — Напомните как-нибудь, чтобы я вам показал.

Люсинда открыла рот, но тут же его закрыла и позволила вывести себя в коридор. Она еще размышляла о медных кольцах, когда они достигли холла, в который выходило

несколько спален для гостей.

— Эта лестница ведет на верхний этаж. Там детская и комнаты Симпкинсов.

Детская оказалась просторным помещением из пяти комнат, занимавшим половину этажа. Низкие окна спален должны были быть очень удобными для малышей.

— Спальни для главной няни и домашнего учителя, спальни для их подопечных, мальчиков и девочек, а это, конечно, классная. — Гэрри стоял в центре большой комнаты, с гордостью оглядываясь по сторонам.

— Эти комнаты очень просторные.

— Я счел это необходимым. Планирую большую семью.

Люсинда уставилась в его зеленые глаза, удивляясь, как он смеет так говорить с ней.

— Большую семью? — переспросила она, отказываясь обращаться в беспорядочное бегство. — И в этом отношении вы пошли в своего отца? — Она еще секунду выдержала его взгляд и отошла к окну. — Ваша цель, как я полагаю, три мальчика?

— И три девочки... Для равновесия, — добавил он в ответ на ее удивленный взгляд. Раздраженная собственной реакцией и странным мимолетным ощущением в животе, Люсинда усмехнулась. И снова огляделась.

— Даже для шестерых здесь достаточно места.

Она решила, что на этом тема закроется, но безнравственное поддразнивание не закончилось.

— Ах... но я думал оставить немного места еще для нескольких детей, которые могут появиться незапланированно, если вы меня понимаете. Появление на свет мальчика или девочки зависит в конце концов от воли судьбы.

Люсинда пристально смотрела в непроницаемые зеленые глаза и гадала, не шутит ли Гэрри. Но его едва уловимое напряжение оставляло ясное впечатление, что он действительно не шутит.

Чувствуя дрожь... больше не странную, а отчетливо знакомую, Люсинда решила, что с нее достаточно. Если он может болтать о их детях, он должен определиться насчет того, что следует перед этим. Она распрямилась и подняла голову.

— Гэрри.

Он отвернулся и выглянул в окно.

— Миссис Симпкинс приготовила чай и лепешки. Идемте... нельзя ее разочаровывать. — С невинной улыбкой он взял Люсинду под руку и повернул к двери. — Скоро полдень... подозреваю, что после этой импровизированной трапезы нам придется поспешить. Мы должны выехать днем.

Люсинда смотрела на него, не веря своим ушам.

Гэрри улыбнулся.

— Представляю, с каким нетерпением вы ждете возвращения в город... к вальсам в объятиях светских львов.

Разочарование Люсинды было таким сильным, что у нее закружилась голова. Когда Гэрри кротко поднял брови, воплощение самой невинности, она свирепо прищурилась на него.

Его губы дернулись, он показал на дверь.

Люсинда сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Если бы она не была леди...

Стараясь не скрежетать зубами, она взяла его под руку и, неодобрительно поджав губы, позволила отвести себя вниз.

Глава тринадцатая

— Итак, вы все поняли? — Гэрри сидел за столом в своей библиотеке и вертел между пальцами неочиненное перо.

Перед ним на стуле расположился мужчина. С незапоминающегося лица на Гэрри смотрели пронизательные карие глаза. Судя по неброской одежде, мужчина не принадлежал к высшему свету, но определить род его занятий было невозможно. Финеас Солтер мог быть кем угодно — почти кем угодно, что в известной мере и определяло его успехи в избранной профессии.

Бывший сыщик уголовного полицейского суда утвердительно кивнул.

— Да, сэр. Я должен навести справки о джентльменах: мистере Эрле Джолиффе и мистере Мортимере Бэббакуме — с целью выяснить причину, по которой они могли бы желать зла миссис Люсинде Бэббакум, вдове дяди вышеупомянутого Мортимера.

— И вы должны сделать это, не поднимая шума.

Солтер наклонил голову.

— Естественно, сэр. Если эти джентльмены что-то задумали, они не должны ничего подозревать. Пока мы не будем готовы.

Гэрри скривился.

— Совершенно верно. Но я также должен подчеркнуть, что мы ни в коем случае не желаем, чтобы миссис Бэббакум узнала о наших подозрениях. Или о том, что есть причины для расследования.

Солтер нахмурился.

— Не считите за непочтение, сэр, но полагаете ли вы это разумным? Судя по тому, что вы рассказали мне, эти негодяи способны на решительные шаги. Не будет ли лучше предупредить леди?

— Если бы на ее месте была другая дама, такая, которая испугалась бы и была бы счастлива оставить дело в наших руках, я без колебаний согласился бы. Однако миссис Бэббакум не такая. — Гэрри некоторое время внимательно изучал своего нового подчиненного, и, когда заговорил, его тон был поучительным. — Готов держать пари, что, если миссис Бэббакум узнает о связи Мортимера с ее недавними приключениями, она вызовет карету и отправится к нему требовать объяснений. Одна.

Лицо Солтера приняло озадаченное выражение.

— Ах... — Он моргнул. — Она несколько наивна?

— Нет. — Тон Гэрри стал суровым. — Не наивна. Она просто не в состоянии осознать собственную уязвимость и, наоборот, бесконечно уверена в своей способности одержать победу. Поэтому я не хотел бы подвергать ее риску.

— Конечно, — кивнул Солтер. — Из того немногого, что я слышал, этот Джолифф — не тот человек, с которым следует связываться даме.

— Вот именно. — Гэрри поднялся. Солтер тоже встал. Бывший сыщик был коренастым мужчиной, широкоплечим и полным. Гэрри кивнул. — Доложите мне, как только что-нибудь узнаете.

— Хорошо, сэр. Можете на меня положиться.

Гэрри пожал Солтеру руку. Долиш, который по приказу Гэрри молчаливым свидетелем присутствовал при беседе, проводил Солтера. Повернувшись к окнам, Гэрри праздно играл

пером, устремив невидящий взгляд на двор.

Солтер был хорошо известен посетителям клубов Джексона и Крибба. Неплохой боксер, он принадлежал к числу немногих, кого допускали в эти аристократические заведения. Но не эти его качества привели к нему Гэрри. Солтер был хорошим сыщиком, хотя репутация его была несколько запятнана. Магистрат не одобрял его привычку «ловить воров с помощью воров». Успехи Солтера не ослабили неодобрения начальства, и он покинул ряды лондонской полиции по обоюдному согласию. С тех пор, однако, он заработал репутацию надежного человека среди светских джентльменов. К нему обращались, когда дело касалось сомнительного, возможно, противозаконного поведения, которое необходимо было расследовать в строжайшей тайне.

Подобным делом, как считал Гэрри, был явный интерес Мортимера Бэббакума к благополучию Люсинды.

Он сам бы занялся этим делом, но никак не мог понять мотивов Мортимера. И он не мог отказаться от расследования, будучи убежденным, что происшествие на Ньюмаркетской дороге не было случайным. Он решил действовать осторожно и обратился к Солтеру, известному как раз своей ловкостью и осмотрительностью.

— Ну и дела! — Долиш вернулся и закрыл за собой дверь. — Хорошая заваруха. Хотите, чтобы я присмотрел за ней?

— Это мысль. Как ты думаешь, ее кучер... Джошуа, кажется... как он воспримет новости?

— Очень встревожится, точно.

— А ее горничная, грозная Агата?

— Еще больше, если я не ошибаюсь. Очень трясется над ней и — после того, как вы организовали отъезд из Астерли и замели следы, — изменила свое мнение о вас.

Губы Гэрри дернулись.

— Хорошо. Тогда заручись и ее поддержкой. У меня такое чувство, что мы должны набрать столько телохранителей миссис Бэббакум, сколько возможно... просто на всякий случай.

— Да, не стоит рисковать. — Долиш направился к двери. — Не после стольких трудов.

Брови Гэрри взлетели. Он обернулся, но Долиш уже сбежал.

Трудов? Его губы вытянулись в упрямую линию. Самая тяжелая часть еще была впереди, но он наметил курс и не собирался сворачивать.

Когда в следующий раз он сделает предложение своей соблазнительнице, у нее не будет оснований сомневаться в его любви.

— Ох! — Голова Долиша высунулась из-за двери. — Только что вспомнил. Сегодня бал у леди Миклхэм. Хотите, чтобы я организовал выезд, когда увижу Джошуа?

Гэрри кивнул.

— Пока не ушел, подготовь серых.

— Вы собираетесь прокатиться?

— Да. — Гэрри помрачнел. — В Гайд-парке.

Пятнадцать минут спустя Фергюс открыл ему дверь тетиного дома. Гэрри вручил слуге перчатки и снял плащ.

— Полагаю, тетя отдыхает?

— Да, сэр, она прилегла часа два назад.

— Я не буду ее беспокоить... я хочу видеть миссис Бэббакум.

— Ах, — Фергюс заморгал. — Боюсь, миссис Бэббакум занята, сэр.

Гэрри медленно поворачивал голову, пока его взгляд не упал на невозмутимое лицо Фергюса.

— В самом деле?

Он ждал. Фергюс, к его облегчению, сообразовал ответить на невысказанный вопрос без неловкой подсказки.

— Она в задней гостиной — ее кабинете — с мистером Мавверли. Учтивый джентльмен, ее агент, как я понял.

— Ясно. — Гэрри заколебался, затем, совершенно уверенный, что Фергюс все прекрасно понял, отпустил его кивком. — Не объявляйте меня.

С этими словами он поднялся по лестнице, сдерживая свое нетерпение настолько, чтобы казаться праздным. Но, когда он достиг верхнего коридора, его шаги удлинились. Он задержался у двери, услышав приглушенные голоса.

С суровым выражением лица он открыл дверь.

Люсинда сидела на диване с открытым грессбухом на коленях. Она подняла глаза и осеклась на полуслове, увидев его.

Юный джентльмен, аккуратно и скромно одетый, наклонился из-за ее плеча, разглядывая цифры, на которые она указывала.

— Я не ожидала вас, — сказала Люсинда, приводя в порядок разбежавшиеся мысли.

— Добрый день, — сухо сказал Гэрри.

— Добрый день. — Во взгляде Люсинды явно содержалось предупреждение. — Полагаю, что я говорила вам о мистере Мавверли — он мой агент. Он помогает мне с управлением гостиницами. Мистер Мавверли — мистер Лестер.

Мистер Мавверли несколько нерешительно протянул руку. Гэрри разглядывал ее с секунду, затем сдержанно пожал и немедленно повернулся к Люсинде.

— У вас еще много дел?

— По меньшей мере на полчаса.

Мистер Мавверли нервно переступил с ноги на ногу, переводя взгляд с Люсинды на Гэрри и обратно.

— Э... может быть...

— Нам еще нужно проверить эдинбургские счета, — заявила Люсинда, закрывая толстый грессбух и поднимая его с колен. Мистер Мавверли поспешил освободить ее от тяжести. — Теперь та книга... третья. — Пока мистер Мавверли поспешно пересекал комнату, чтобы принести требуемый том, Люсинда невинно взглянула на Гэрри. — Может быть, мистер Лестер...

— Я подожду. — Гэрри повернулся, отошел к ближайшему стулу и уселся.

Люсинда невозмутимо следила за ним... не смея улыбнуться. Затем Энтони Мавверли вернулся, и она занялась тремя эдинбургскими гостиницами.

Пока Люсинда проверяла счета, тарифы и итоговые суммы, сравнивая их с результатами предыдущего квартала и предыдущего года, Гэрри изучал мистера Мавверли. Через пять минут он увидел достаточно для собственного спокойствия: возможно, мистер Мавверли и относился к своей нанимательнице как к богине, но у Гэрри создалось четкое впечатление, что его восхищение вызвано ее деловой хваткой, а не личностью. Через десять минут он готов был поклясться в том, что чувства мистера Мавверли исключительно интеллектуального свойства.

Расслабившись, Гэрри вытянул ноги и позволил себе сосредоточиться на своем главном деле.

Люсинда почувствовала перемену в его настроении, что было не очень легко, поскольку перемена совершилась далеко не сразу. Если бы он отказался смириться с тем, что ей приходится общаться с Энтони Мавверли или с каким-либо другим деловым человеком, что, кроме всего остального, у нее в жизни есть важное занятие, в их отношениях возникли бы серьезные осложнения, и очень скоро. Ожидая, пока мистер Мавверли принесет последний том, она взглянула на Гэрри и не отметила больше в его глазах недовольства, а только скуку.

Гэрри вопросительно поднял брови, но промолчал.

Люсинда вернулась к работе и быстро ее закончила.

Мистер Мавверли не бездельничал, но и не спешил. Он очень вежливо попросил у Люсинды разрешения уйти, затем церемонно поклонился Лестеру и пообещал перед уходом выполнить поручения Люсинды и, как обычно, доложить на следующей неделе.

— Хм! — Гэрри встал, наблюдая, как закрывается дверь за мистером Мавверли.

Взглянув на его лицо, Люсинда заметила:

— Очень надеюсь, вы не собираетесь объяснять, что во встречах наедине с моим агентом есть нечто неприличное?

Гэрри прикусил язык и, повернувшись, холодно посмотрел на нее. Люсинда отвела взгляд.

— В конце концов, его вряд ли можно считать опасным.

Вслед за нею Гэрри взглянул на кушетку перед окнами и снова перевел взгляд на ее лицо. Его удивило выражение неуверенности, смешанной с ясно различимой тоской. Они снова оказались в полном одиночестве, а его желания, как он знал, совпадали с ее желаниями. Гэрри откашлялся.

— Я пришел уговорить вас прокатиться со мной в Гайд-парке.

— В Гайд-парке? — Люсинда удивленно посмотрела на него. Эм говорила, что Гэрри редко появлялся в парке в те часы, когда туда выезжал бомонд. — Для чего?

— Для чего? — Лицо Гэрри моментально стало непроницаемым. Затем он нахмурился. Что за смешной вопрос? В глазах Люсинды появилось подозрение, и он лениво отмахнулся. — Я просто подумал, что вам может быть скучно и свежий воздух окажется кстати. Балы у леди Миклхэм знамениты своей теснотой.

— О... — Люсинда медленно поднялась, безуспешно пытаясь разгадать выражение его лица. — Возможно, ваша идея неплоха.

— Несомненно. Я подожду внизу.

Десять минут спустя Люсинда, все еще не уверенная, правильно ли она поняла его, позволила ему посадить себя в кабриолет. Однако, раз уж он был здесь, она не видела причин отказываться от его компании. Еще вчера, когда он вез ее из Лестер-Холла на Одли-стрит, она решила, что сыта по горло его редкими сдержанными замечаниями, сейчас же она беспечно расправила юбки и с удовольствием предвкушала новые сентенции.

Он ее не разочаровал.

Когда двуколка, миновав тяжелые кованые железные ворота парка, покатила по тенистой аллее, Гэрри искоса взглянул на Люсинду.

— Сожалею, дорогая, но, поскольку мои лошади полны сил, мы не будем останавливаться, чтобы поболтать. Вам придется ограничиться улыбками и приветственными жестами.

Поглощенная окружающим, Люсинда подняла брови.

— В самом деле? Но тогда зачем мы здесь?

— Себя показать и других посмотреть, конечно. — Гэрри снова переключил внимание с резвого жожака на нее. — Именно в этом, как я понимаю, заключается цель светских прогулок.

— Ах!.. — Люсинда радостно улыбнулась ему, ни капли не смущаясь. Ей было достаточно сидеть рядом с ним под ярким солнцем и смотреть, как он ловко правит лошадьми.

Он встретил ее взгляд и снова отвернулся к упряжке. Все еще улыбаясь, Люсинда посмотрела вперед, туда, где вдоль аллеи выстроились ландо и коляски светских матрон. Весь высший свет уже собрался в парке. Гэрри осторожно лавировал в потоке экипажей. Леди Сефтон, устроившая прием прямо в своей четырехместной коляске, помахала и кивнула; Люсинда отметила ее удивление.

Леди Сомеркотт и миссис Уинчем приветствовали ее точно так же, графиня Ливен удостоила их долгим пристальным взглядом и только затем изящно наклонила голову.

Гэрри хмыкнул.

— Она так чопорна, что я все время жду, когда же услышу хруст ее шеи.

Люсинда подавила смешок, поскольку они, огибая следующий поворот, приближались к княгине Эстергази. Большие глаза княгини от удивления стали еще больше, затем она просияла и восхищенно кивнула.

Люсинда улыбнулась в ответ, но внутренне нахмурилась и через секунду спросила:

— Вы часто возите дам в Гайд-парк?

Гэрри щелкнул вожжами, и двуколка промчалась между изящным фаэтоном и кабриолетом, напугав обеих владельцев.

— В последнее время нет.

Люсинда прищурилась.

— Как давно?

Гэрри пожал плечами, сосредоточив взгляд на ушах своих лошадей.

Люсинда внимательно посмотрела на него. Поскольку он молчал, она отважилась:

— Со времен леди Колби?

Тут он строго посмотрел на нее, и губы его сжались. Затем он отвернулся и неохотно выдал:

— Она была тогда Миллисент Пэйн.

Ему невольно припомнилось то время. «Миллисент Лестер», как он тогда думал. Гэрри скривился, он должен был сразу понять, что это сочетание звучит фальшиво. Он взглянул на женщину рядом с собой, в голубом, как обычно. Темные мягкие локоны обрамляли бледное лицо под модной шляпкой. «Люсинда Лестер» звучит красиво и гармонично.

Люсинда не смотрела на него и, как он заметил, была задумчива.

Аллея впереди стала свободнее, поскольку они покинули ее наиболее популярную часть. Гэрри натянул вожжи и присоединился к цепочке экипажей, ожидавших своей очереди на повороте.

— Еще раз проедем сквозь строй, и я отвезу вас домой.

Люсинда удивленно взглянула на него, но ничего не сказала, распрямляясь и растягивая губы в улыбке для нового испытания.

На этот раз она видела другие лица, и на многих читалось изумление. Гэрри не

останавливался, у нее не было возможности проанализировать реакцию, которую вызывало их появление. Однако поведение леди Джерси не нуждалось в особом анализе.

Ее светлость, томно раскинувшаяся на подушках в своей коляске, при виде степенно приближающегося кабриолета Гэрри резко выпрямилась.

— Господи милостивый! — с театральной пронзительностью объявила она. — Не думала дожить до этого дня!

Гэрри бросил на нее недоброжелательный взгляд, но соизволил наклонить голову.

— Полагаю, вы знакомы с миссис Бэббакум?

— Конечно! — Леди Джерси помахала рукой Люсинде. — Встретимся в следующую среду, дорогая.

Взгляд ее светлости не оставлял никаких сомнений в том, что она исполнит свое обещание. Люсинда мило улыбнулась, но испытала глубокое облегчение, миновав леди Джерси.

Она бросила взгляд на непреклонное лицо Гэрри. Как только экипажей стало меньше, он щелкнул вожжами.

— Это была очень короткая прогулка, — прошептала Люсинда, когда показались ворота парка.

— Возможно, и короткая, но для наших целей достаточно длинная.

Он произнес это отрывисто и неприветливо. «Наши цели». Каковы же их цели?

Она все еще размышляла над этим, когда, одетая в переливающийся сине-лиловый шелк, спускалась по лестнице Хэллоуз-Хауса, собираясь на бал к леди Миклхэм. Постоянное ожидание предложения медленно истощало ее силы. Она не сомневалась, что Гэрри собирается сделать ей новое предложение, но когда он это сделает и почему он тянет — эти вопросы беспокоили ее все больше. Она подняла глаза только у последней ступеньки... и встретила взглядом с прозрачной зеленью его глаз.

— Что вы здесь делаете?

Она с удивлением посмотрела на его строгий вечерний костюм: черный с ослепительно белым, как всегда. Золотая булавка в галстук озорно сверкнула.

Его губы скривились в гримасе, и он сдержанно сообщил:

— Я здесь, чтобы сопровождать вас... Эм и Хетер на бал к леди Миклхэм.

Он подошел и властно протянул руку.

Люсинда посмотрела на нее, легкий румянец окрасил ее щеки. Она была рада, что никто из слуг не был свидетелем их встречи. Когда ее пальцы сами собой скользнули в его ладонь, она подняла на него взгляд.

Его лицо осталось невозмутимым, глаза полуприкрытыми.

Дверь в конце холла распахнулась, и вышла Агата с вечерней накидкой Люсинды на руке. Она резко остановилась, увидев Гэрри, затем кивнула ему строго, как всегда, но с меньшей, чем обычно, враждебностью и подошла. Гэрри протянул руку, и Агата с готовностью отдала накидку, затем повернулась и удалилась.

Гэрри накинул струящийся бархат на плечи Люсинды. Подняв голову, она встретила с его отраженным в зеркале взглядом. В коридоре наверху открылась и закрылась дверь, послышался голос Хетер, звавшей Эм.

Люсинда затаила дыхание. Если она будет церемониться с Гэрри, он уклонится от прямого ответа.

— Я не знала, что вы считаете необходимым сопровождать нас на подобные

мероприятия.

Мгновение он смотрел на ее лицо, затем его взгляд скользнул к ее шее. Она увидела, как дернулись его губы, в улыбке или гримасе, она не могла сказать.

— Обстоятельства изменились, — тихо сказал он. Он поднял голову, и их глаза встретились. Его брови вызывающе поднялись. — Разве нет?

Люсинда ничего не ответила, она не собиралась возражать ему. Но неужели что-то изменилось? Она больше не была в этом уверена.

Хетер вприпрыжку сбежала с лестницы, за ней не спеша спустилась Эм. Приготовления к отъезду помешали Люсинде обдумать новую тактику Гэрри. Короткая поездка до Миклхэм-Хауса на Беркли-сквер пролетела в веселой болтовне Хетер и воспоминаниях Эм. Люсинда молчала. Гэрри сидел напротив, такой же молчаливый.

Тяжкое испытание в толпе на парадной лестнице Миклхэм-Хауса также не предоставило возможности для интимного разговора. Люсинда улыбалась и кивала знакомым, перехватывая любопытные взгляды, бросаемые на ее спутника. Гэрри оставался невозмутимо учтивым, но, когда они приблизились к встречающим гостей хозяевам, наклонился к ее уху и очень тихо прошептал:

— Мой вальс перед ужином, и я провожу вас в столовую.

Поджав губы, Люсинда красноречиво взглянула на него. «Мой вальс»! Она мысленно хмыкнула и повернулась поздороваться с леди Миклхэм.

Как и предупреждал Гэрри, залы оказались полны.

— Просто смешно, — пробормотала Люсинда, когда они пробирались вдоль стены бального зала, пытаясь найти свободный диван для Эм.

— Как всегда в конце сезона, — ответила Эм. — Будто перед отъездом в провинцию наступает всеобщее помешательство.

Люсинда подавила вздох при воспоминании о провинции — о гроте у озера Лестер-Холла, покое и безмятежности Лестершэл-Мэнор.

— Ну, осталось всего несколько недель, — вмешалась Хетер. — Так что мы должны полностью насладиться балами. — Она взглянула на Люсинду. — Вы решили, где мы проведем лето?

Люсинда сощурила глаза.

— Ах...

— Полагаю, ваша мачеха считает подобное решение несколько преждевременным, — медлительно заметил Гэрри.

Хетер произнесла невинное «О», вполне удовлетворившись его заявлением. Люсинда медленно выдохнула.

Эм нашла место на диване рядом с леди Шеррингбурн, и обе дамы немедленно занялись обсуждением союзов, заключенных в текущем сезоне.

Люсинда повернулась и оказалась в кругу своих обычных кавалеров, ожидавших ее — как они поспешили уверить — с нетерпением.

— Целую неделю вас не было, дорогая. Мы были безутешны, — кротко улыбнулся мистер Эмберли.

— Но я вас понимаю, — заметил мистер Саттерли. — Балы, на мой вкус, становятся настоящим столпотворением. Кому угодно могут надоест. — Он перевел взгляд на бесстрастное лицо Гэрри. — А вы как думаете, Лестер?

— Согласен, — ответил Гэрри, сурово оглядываясь.

Под защитой его мощной фигуры с одной стороны и не менее массивного лорда Рутвена с другой у Люсинды хотя бы оставалась возможность дышать. Остальные джентльмены собрались перед ними, создавая островок относительного благоразумия, за что Гэрри мысленно поблагодарил своих приятелей.

— И где же вы отдыхали, дорогая миссис Бэббакум? В деревне или у моря?

Конечно, неизбежный вопрос был задан лордом Рутвеном. Он ободряюще улыбнулся Люсинде, и за его улыбкой она почувствовала добродушное подшучивание.

— В деревне, — соблаговолила ответить она. И тут, побуждаемая чертенком внутри, разбуженным молчаливой фигурой слева от нее, добавила: — Моя падчерица и я сопровождали леди Хэллоуз в Лестер-Холл.

Рутвен замигал и широко раскрыл глаза.

— Лестер-Холл? — Он медленно перевел взгляд на лицо Гэрри и с самым серьезным видом вопросительно поднял брови. — Гэрри, я заметил, что и вас не было в городе на этой неделе. Воспользовались возможностью восстановить силы?

— Естественно, — протянул Гэрри, цепляясь за свою обычную невозмутимость. — Я сопровождал тетю и ее гостей.

— Ох, конечно, — согласился Рутвен и повернулся к Люсинде. — Гэрри показывал вам грот у озера?

Люсинда посмотрела на его светлость как можно более равнодушно.

— Да, и руины на холме. Виды просто прелестные.

— Виды? — ошеломленно переспросил лорд Рутвен. — Ах да, виды.

Гэрри скрежетал зубами, но у него хватило ума не отреагировать... во всяком случае, не высказать свои мысли вслух. Взгляд его обещал возмездие... однако Рутвен — один из его старейших друзей — не собирался обращать на это внимание.

К облегчению Люсинды, подшучивание его светлости, хотя и довольно невинное, было прервано музыкантами. Люсинда не сразу поняла, что леди Миклхэм решила открыть свой бал вальсом.

На нее тут же посыпался шквал приглашений. Люсинда мило улыбнулась... но не спешила принимать их. Зал был переполнен, среди танцующих будет еще хуже. В котильоне или кадрили, с их размеренными шагами и фигурами, требующими некоторого пространства, мало возможностей для неожиданной близости. Но вальс? В такой толпе?

Эта мысль заставила ее понять, что обстоятельства действительно изменились. Она не хотела вальсировать ни с кем, кроме Гэрри. Он стоял рядом с ней, совершенно неподвижный, собранный — будто понимал ее. Взглянув на нее, он увидел бессознательный призыв в ее глазах и отреагировал немедленно, положив ее пальцы к себе на рукав.

— Полагаю, вальс — мой, дорогая?

Ей стало так легко, что она чуть не забыла наклонить голову, соглашаясь, и мельком улыбнуться своим кавалерам.

Они медленно закружились. Она подняла глаза и встретила с ним взглядом. Его лицо еще было отстраненным, но уже немного смягчилось. Они понимали друг друга без слов, медленно кружась по залу. Люсинда опустила ресницы, рука Гэрри крепче сжалась.

Как она и предвидела, теснота была жуткой, но Гэрри держал ее в кругу своих рук, оберегая от опасности. Она была уверена, что при малейшей угрозе ей нужно только сделать шаг к нему, и он защитит ее. Его сильное тело не было угрозой... она никогда и не считала его таким. Он был ее хранителем в истинном смысле этого слова... ему она доверила свою

жизнь.

Вальс закончился слишком быстро, и Гэрри отпустил ее. Люсинда неохотно отступила, положила ладонь на его руку, и он повел ее сквозь толпу.

Его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах светилась забота. Когда они приближались к ее привычному кругу кавалеров, он наклонился и прошептал:

— Если не хотите вальсировать, просто сошлитесь на усталость. Это самая частая уловка.

Она кивнула.

Его совет оказался очень ценным, и она была невыразимо благодарна за него. Ее предполагаемая усталость была воспринята совершенно спокойно, а через некоторое время она начала подозревать, что ее пылкие кавалеры сами не горят желанием танцевать в такой тесноте.

Неподвижный, подавляюще молчаливый, Гэрри стоял рядом с ней весь долгий вечер, и последний перед ужином вальс она встретила с облегчением.

— Как я понимаю, мистер Эмберли, мистер Сатгерли и лорд Рутвен — ваши близкие друзья?

Гэрри мельком взглянул на нее и неохотно подтвердил:

— В некотором роде.

— Никогда бы не догадалась. — Люсинда невинно взглянула на него. Гэрри хмыкнул и притянул ее чуть ближе.

В конце вальса он повел ее прямо в столовую. Не успев оглянуться, она оказалась за уединенным столиком на двоих, затененным двумя пальмами в горшках. Перед ней появились бокал шампанского и тарелка с горой деликатесов, а Гэрри грациозно расположился в кресле напротив.

Не сводя с нее глаз, он откусил кусок омара, запеченного в тесте.

— Вы заметили парик леди Уолдрон?

Люсинда хихикнула.

— Он чуть не свалился. — Она отпила шампанского, ее глаза сверкали. — Мистеру Энсти пришлось подтолкнуть его на место.

К восторгу Люсинды, Гэрри целых полчаса развлекал ее анекдотами, слухами и случайными бесстрастными наблюдениями. Впервые с ней наедине он был в таком настроении, и она наслаждалась передышкой.

Только когда он отвел ее обратно в бальный зал, она задумалась о причине. Вернее, почему он так открыто ухаживает за ней?

— Вы еще здесь, Рутвен? — Медлительная речь Гэрри вывела ее из задумчивости. Он смотрел на своего друга с вызывающим блеском в глазах. — Вас больше ничего вокруг не интересует?

— Боюсь, ничего. — Лорд Рутвен приложил руку к сердцу и весело взглянул на Люсинду. — Ничто не сравнится с прелестью беседы с миссис Бэббакум.

Люсинда засмеялась. Гэрри, естественно, не засмеялся. С манерной медлительностью он завладел беседой. Слушая его неспешную речь, Люсинда поняла, что с ней он никогда не растягивал слова. И с Эм. С ними он разговаривал четко, очевидно сохраняя модную манеру речи для тех, кого держал на расстоянии.

Гэрри удерживал разговор в до смешного корректном русле. Люсинда, подавляя зевоту, обдумывала средство, которое одновременно могло бы способствовать ее делу и спасти ее

бедных кавалеров.

— Становится довольно душно, вы не находите? — прошептала она, тяжело опираясь на руку Гэрри.

Он посмотрел на нее, затем поднял брови.

— Действительно. Думаю, нам пора уезжать.

Он поднял голову в поисках Эм и Хетер, и Люсинда украдкой позволила себе разочарованно усмехнуться. Она-то думала, что он выведет ее на веранду. Вглядываясь в толпу, она увидела Эм, погруженную в беседу с титулованной вдовой; Хетер болтала с друзьями.

— Ах... может быть, я выдержала бы еще полчаса, если бы выпила стакан воды.

Мистер Саттерли немедленно вызвался достать воду и бросился в толпу.

Гэрри вопросительно взглянул на нее.

— Вы уверены?

Люсинда выдавила слабую улыбку.

— Абсолютно.

Гэрри продолжал вести себя с упрямой учтивостью, что Люсинда не могла бы назвать осмотрительным поведением, поскольку заметила любопытные и задумчивые взгляды, обращенные на них.

Это наблюдение заставило ее нахмуриться.

Она хмурилась еще больше, когда ехала в экипаже Эм по утихшим улицам и наблюдала за лицом Гэрри в мелькающем свете уличных фонарей.

Его глаза были закрыты, запечатаны тяжелыми веками. Лицо его было не столько расслаблено, сколько лишено всяческого выражения, губы упрямо сжаты. Лицо человека, хранящего свои секреты, лицо крайне скрытного мужчины, редко — если вообще когда-либо — обнажающего свои чувства.

Люсинда почувствовала тупую боль в сердце.

Высший свет — его среда, он знает каждый нюанс поведения, интерпретацию каждого жеста. В бальных залах он чувствует себя как дома. Он контролирует ситуацию здесь, как и в Лестер-Холле.

Подперев голову руками, Люсинда стала смотреть на спящие дома, глубокая складка прорезала ее прекрасный лоб. Почувствовав, что Люсинда отвернулась, Гэрри открыл глаза. Изучая ее профиль в лунном свете, он чуть улыбнулся, откинул голову на подушки и снова закрыл глаза.

В тот момент в квартире Мортимера Бэббакума на Грейт-Портленд-стрит шло совещание.

— Ну, ты узнал что-нибудь?

Джолифф, уже не похожий на того тщательно одетого джентльмена, который подружился когда-то с Мортимером, прорычал свой вопрос, как только Браун вошел в комнату. С опухшими от недосыпа глазами, раскрасневшимся от алкоголя, которым он успокаивал нервы, лицом, Джолифф уставился на своего самого юного сообщника, угрожающе сверкая глазами.

Браун был слишком юн, чтобы учесть предостережение. Плюхнувшись на стул у стола, за которым уже сидели Джолифф, Мортимер и Скругторп, он ухмыльнулся.

— Да, узнал немного. Поболтал с молодой горничной. Она успела кое-что сболтнуть,

пока не явился этот грум с соломенными волосами и не увел ее. Слышал, как он устроил ей нагоняй за болтовню с незнакомцами, так что не думаю, что мне там что-нибудь светит. — Браун снова ухмыльнулся. ? Жаль... я бы не возражал.

— Продолжай, черт побери! — проревел Джолифф, ударив кулаком по столу с такой силой, что кружки подпрыгнули. — Что случилось, черт побери?

Браун посмотрел на него скорее удивленно, чем испуганно.

— Ну, леди в тот день действительно уезжала из города, как вы и планировали. Но похоже, что она ездила в другой дом... называется Лестер-Холл. Все домочадцы сорвались на следующий день — горничная думает, что так и было предусмотрено.

— Проклятье! — Джолифф отхлебнул портера. — Неудивительно, что я ничего не мог добиться от тех, кто ездил в Астерли. Я думал, они просто скрывают, как обычно, но эта ведьма действительно туда не поехала!

— Похоже. — Браун пожал плечами. — Так что теперь?

— Теперь пора заканчивать игры и похитить ее, — Скругторп поднял голову от своей кружки. — Как я твердил с самого начала. Есть только один надежный путь... все попытки заставить повес сделать нашу работу ни к чему не привели.

Слова «ни к чему» он произнес с неприкрытым презрением.

Джолифф пригвоздил Скругторпа взглядом, и тот в конце концов снова уткнулся в свою кружку.

— Я от своих слов не отступаю, ? пробормотал Скругторп, отхлебывая пиво.

— Хм, — скривился Джолифф. — Я начинаю соглашаться с вами. Похоже, мы должны активно вмешаться.

— Но... я думал... — впервые вступил в разговор Мортимер и тут же умолк под взглядами Джолиффа и Скругторпа.

— Да? — подсказал Джолифф.

Мортимер покраснел и, засунув палец за галстук, стал расслаблять небрежные складки.

— Просто... ну... если мы сделаем что-то сами... ну... разве она не узнает?

Джолифф оскалился.

— Конечно, узнает... но вряд ли захочет разоблачать нас... после мести Скругторпа.

— Да! — Черные глаза Скругторпа вспыхнули. — Только предоставьте ее мне, и она точно не поспешит рассказывать об этом.

Он важно кивнул и вернулся к своему пиву.

Мортимер смотрел на него с возрастающим ужасом. Он открыл было рот, но заметил взгляд Джолиффа и съезжился, пробормотав:

— Должен быть другой путь.

— Очень возможно. — Джолифф осушил свою кружку и потянулся за кувшином. — Но у нас больше нет времени на сложные схемы.

— Времени? — озадаченно спросил Мортимер.

— Да, времени! — рявкнул Джолифф. Мортимер побледнел, его глаза забегали, как у испуганного кролика. Усилием воли Джолифф подавил вспышку гнева, но его улыбка была больше похожа на оскал. — Но не берите в голову. Просто предоставьте все Скругторпу и мне. Когда мы скажем, вы сыграете свою роль, и все пройдет прекрасно.

— Да, — неожиданно вмешался Браун. — Я как раз хотел вам сказать, что нужен другой план. Из слов горничной я понял, что леди ожидает «получить предложение», как они говорят. Не знаю, прав ли я, но кажется совершенно бесполезным представлять ее шлюхой,

если она собирается замуж за светского франта.

— Что? — От восклицания Джолиффа все вздрогнули и уставились на своего жожака так же, как он уставился — в крайнем изумлении — на Брауна. — Она собирается замуж?

Браун настороженно кивнул:

— Так сказала горничная.

— За кого?

— За какого-то франта, Лестера.

— Гэрри Лестера? — Джолифф успокоился и хмуро посмотрел на Брауна. — Ты уверен, что эта горничная правильно поняла? Гэрри Лестер не из тех, кто женится.

Браун пожал плечами.

— Этого я не знаю. Девушка сказала, что этот Лестер заезжал за леди сегодня днем и возил ее на прогулку в Гайд-парк.

Джолифф пристально смотрел на Брауна, быстро теряя уверенность.

— В Гайд-парк, — тупо повторил он. Браун кивнул и осторожно отхлебнул пива. Когда Джолифф снова заговорил, его голос звучал хрипло.

— Мы должны действовать быстро.

— Быстро? — спросил Скругторп. — Как быстро?

— Пока она не вышла замуж, а еще лучше — пока не приняла предложение. Нам не нужны никакие юридические осложнения.

Мортимер нахмурился.

— Осложнения?

— Да, черт побери! — Джолифф постарался приглушить свой рев. — Если она выйдет замуж, опекунов над ее падчерицей перейдет к мужу. А с Гэрри Лестером в этом качестве мы можем забыть о состоянии вашей прелестной кузины.

— Ох! — Мортимер раскрыл глаза.

— Да, ох! И, к слову, у меня есть для вас новости... просто чтобы укрепить вашу решимость. — Джолифф устремил грозный взгляд на бледное лицо Мортимера. — Вы должны мне пять тысяч фунтов. Я передал ваше обязательство вместе со своим одному человеку под проценты. Сейчас мы вместе должны ему кругленькую сумму — двадцать тысяч, Мортимер. И если мы не заплатим в ближайшее время, он шкуру живьем с нас дерет. Я понятно объяснил, Мортимер?

Смертельно побелев, выпучив глаза и дрожа, ошеломленный Мортимер не мог даже кивнуть. Скругторп оттолкнул пустую кружку.

— Ну что ж! Кажется, пора заняться новыми планами.

Джолифф протрезвел буквально на глазах и застучал ногтем по столу.

— Нам понадобится информация о всех ее передвижениях.

Он взглянул на Брауна, но тот отрицательно замотал головой.

— Не выйдет. Горничная не будет больше со мной разговаривать после той взбучки, которую устроил ей грум. А больше там никого нет.

Джолифф прищурился.

— Как насчет других женщин?

Браун красноречиво фыркнул.

— Да, там есть несколько других — кислых, как зеленый виноград. Даже вы не смогли бы разговаривать их... и вряд ли они вообще стали бы разговаривать.

— Проклятье! — Джолифф рассеянно сделал глоток портера. — Ладно. — Он со стуком

поставил кружку на стол. — Если это единственный способ, деваться некуда.

— Как это? — спросил Скругторп.

— Будем следить за ней... все время, днем и ночью. Все подготовим и в любой момент, как только судьба предоставит шанс, схватим ее.

Скругторп кивнул:

— Правильно. Но как мы это сделаем?

Джолифф угрожающе посмотрел на Мортимера.

Мортимер съежился.

Презрительно фыркнув, Джолифф повернулся к Скругторпу:

— Слушайте.

Глава четырнадцатая

Через пять дней после этого разговора Мортимер Бэббакум стоял вечером в тени подъезда на Кинг-стрит, наблюдая, как вдова его дяди поднимается по пологим ступеням невзрачного входа в танцевальный зал «Алмак».

— Вот и все, — вздохнув то ли с облегчением, то ли с разочарованием, он и сам не знал, Мортимер повернулся к своему спутнику. — Она вошла, нет смысла наблюдать дальше.

— Нет, есть, — холодно прошипел Джолифф, с которого за последнюю неделю слетел весь лоск. — Идите туда, Мортимер, и не спускайте глаз с вашей родственницы. Я хочу знать все: с кем она танцует, кто приносит ей лимонад — все! Вам ясно?

Мортимер вцепился в дверной косяк, его облегчение быстро улетучилось. Мрачно хмурясь, он кивнул.

— Не думаю, что от этого будет польза, — проворчал он.

— И не думайте, Мортимер. Просто делайте, что я вам приказываю. — Джолифф изучал в полутьме лицо Мортимера, некрасивое и круглое, лицо человека легко управляемого и, как часто бывает в таких случаях, подверженного приступам беспомощного упрямства. — Постарайтесь воскресить хоть немного прежнего энтузиазма. Вспомните, как дядя пренебрег вашими претензиями на опекунство кузины и назначил такую молодую женщину, как ваша тетя, — разве это не оскорбительно!

Мортимер заерзал, дергая пухлую нижнюю губу.

— Да, в самом деле.

— Действительно. Кто такая Люсинда Бэббакум? Просто еще одна красотка, сумевшая обвести вокруг пальца вашего дядюшку.

— Совершенно верно, — кивнул Мортимер. — И не забывайте, я ничего не имею против нее, но любой признает, что дядя Чарльз поступил несправедливо, оставив все ей, а мне — просто бесполезную землю.

Джолифф самодовольно улыбнулся.

— Безусловно. Вы просто собираетесь исправить несправедливость вашего дяди. Помните об этом, Мортимер. — Он хлопнул Мортимера по плечу и подтолкнул к «Алмаку». — Я подожду новостей в вашей квартире.

Мортимер кивнул. Распрямив сутулые плечи, он направился к священному portalу.

В глубине благословенных залов Люсинда кивала, улыбалась и болтала с уверенной легкостью, хотя ее мысли металась по бесконечному кругу между предположениями и фактами. Гэрри возил ее кататься в Гайд-парк все прошедшие пять дней, хотя и ненадолго. Он без предупреждения появлялся каждый вечер — просто стоял внизу лестницы, ожидая их, чтобы сопровождать на балы и приемы, — не отходил от нее ни на шаг, но и не говорил ни слова о своих намерениях.

Она перестала испытывать нетерпение, даже досаду — ее охватило ощущение неизбежности.

Люсинда выдавила улыбку и подала руку мистеру Драмкотту, не очень молодому джентльмену, недавно обручившемуся с юной леди, впервые выехавшей в свет в этом сезоне.

— Прошу вас, окажите честь вашему покорному слуге, подарите мне эту кадрили, миссис Бэббакум.

Люсинда приняла приглашение с улыбкой, но поймала себя на том, что оглядывает зал, и вздохнула. Конечно, она должна радоваться, что Гэрри не явился сегодня вечером: это была бы последняя капля.

Совершенно ясно, что он собирается жениться на ней. Но почему он публично подчеркивает свое намерение? Его возможный мотив приводил ее в уныние. Воспоминание о его первом предложении — и собственном отказе — мучило ее. Тогда она не знала о леди Колби и о том, как та отвергла любовь Гэрри. Ее собственный отказ был вызван верой в то, что он любит ее и, если его подтолкнуть, признается в своей любви. Она жаждала услышать его признание, но все больше и больше сомневалась, нужно ли это ему.

Она не могла избавиться от мысли, что он загоняет ее в угол, что его поведение рассчитано на то, чтобы сделать невозможным ее второй отказ. Если после всех его продуманных спектаклей она снова откажет ему, все сочтут ее бессердечной или, как сказал бы Сим, «чокнутой».

Люсинда скривилась и поспешно замаскировала выражение своего лица улыбкой. Когда они добрались до последних фигур кадрили, мистер Драмкотт, прищурившись, озабоченно посмотрел на нее, и она выдавила еще одну улыбку — пародию на улыбку, учитывая ее истинное состояние. Видимо, ей придется принять следующее предложение Гэрри, даже если вместе с рукой он не предложит ей свое сердце.

Кадриль закончилась, Люсинда опустилась в последнем изысканном реверансе. Поднимаясь, она расправила плечи и решительно поблагодарила мистера Драмкотта, убеждая себя, что не должна больше грустить над мотивами столь странного поведения Гэрри. Возможно, есть и другое объяснение.

Именно в этот момент объект ее мыслей сидел за столом в своей библиотеке, одетый в черный фрак и черные панталоны до колен — подобный наряд он считал давно вышедшим из моды.

— Что вы узнали? — Гэрри оперся локтями о стол, в упор глядя на Солтера.

— Достаточно, чтобы взять след. — Солтер уселся напротив Гэрри. Долиш, проводивший его сюда, закрыл дверь и, опершись о нее, сложил руки на груди. Солтер достал блокнот. — Во-первых, этот Джолифф гораздо хуже, чем мы думали. Настоящий мошенник, специализируется на дружбе с простофилями, предпочтительно только что прибывшими в город, легковерными и обычно молодыми, хотя теперь, когда он сам постарел, его жертвы также стали постарше. Давняя история, но прижать его нечем. В последнее время, однако, кроме своей обычной деятельности, Джолифф пристрастился к игре, и не только в игорных домах. Говорят, что он очень много должен — целое состояние, — но не своим партнерам, с ними он расплатился. Все указывает на то, что Джолифф попал в лапы настоящему кровопийце — некоему типу, который ссужает деньги. На него нет никакой информации, кроме того, что он не любит долго ждать. Ошибка должника часто оказывается смертельной, если вы меня понимаете.

Он мрачно взглянул на Гэрри. Гэрри кивнул.

— Итак, следующий — Мортимер Бэббакум. Безнадежный случай. Если бы не Джолифф, его подобрал бы любой другой мошенник. Родился простофилей. Джолифф взял его под крылышко и подписывал его проигрыши — с этого всегда начинается, а затем мошенники отхватывают самый лакомый кусок того, что простофиля наследует. Так что, когда Мортимер получил свое наследство, Джолифф уже сидел у него на хвосте. Но с того

момента у них все пошло наперекосяк.

Солтер проконсультировался со своими записями.

— Как и сказала вам миссис Бэббакум, Мортимер, похоже, не представлял реально свое наследство. Чарльз Бэббакум ежегодно оплачивал его долги, три тысячи фунтов в последний раз. Очевидно, Мортимер решил, что эти деньги поступают от дядиногo имения и оно стоит намного больше. Мои люди проверили: имение едва окупает расходы. В тех местах все знают, что деньги Чарльза Бэббакума приносит «Бэббакум и Компания».

Закрыв блокнот, Солтер скривился.

— Все точно. И здорово же должен был удивиться Джолифф! Но я только не пойму, почему он охотится за миссис Бэббакум. Даже если они избавятся от нее, это им ничего не даст. Джолифф слишком опытен и знает, что наследница — ближайшая родственница, какая-то старая тетя. Однако они постоянно следят за миссис Бэббакум и вряд ли задумали что-нибудь хорошее.

Гэрри оцепенел.

— Они следят за ней?

— А мои люди следят за ними. Неотступно.

Гэрри расслабился. Немного. Затем нахмурился.

— Мы явно что-то упускаем.

— Я тоже так думаю. — Солтер покачал головой. — Такие ловкачи, как Джолифф, не часто допускают ошибки... После первого разочарования он не стал бы болтаться рядом с Мортимером, если бы не учуял что-то солидное.

— Деньги есть, точно, — сказал Гэрри. — Но они в деле. Как вы знаете, Чарльз Бэббакум завещал их своей вдове и дочери.

Солтер нахмурился.

— Ах, да, дочь. Юная девица, только семнадцать исполнилось. — Он еще больше помрачнел. — Судя по тому, что я видел, миссис Бэббакум — нелегкая цель. Почему же они выбрали ее, а не дочь?

Гэрри замигал как-то по-совиному.

— Хетер, — странно ровным тоном сказал он. Затем глубоко вздохнул и выпрямился. — Так и должно быть.

— Что?

— Мне часто говорили, что у меня изобретательный ум. Возможно, впервые он принесет настоящую пользу. Послушайте. — Его взгляд стал отстраненным, он рассеянно потянулся к своему перу. — Они нацелились на наследство Хетер. Но что, если Люсинда — опекун Хетер, а не только ее воспитательница? В этом случае Джолифф и компания, чтобы добраться до Хетер, должны избавиться от Люсинды.

Солтер задумчиво кивнул.

— Это возможно, но зачем такие фокусы? Зачем посылать миссис Бэббакум во дворец фантастических оргий?

Гэрри понадеялся, что Альфред никогда не услышит, как отзываются о доме его предков. Он похлопал пером по пресс-папье.

— Ключом ко всему делу является опекунство Хетер. Чтобы избавиться от Люсинды, нужно представить ее непригодной для опекунства над юной девушкой. Этого Мортимеру, ближайшему родственнику Хетер, было бы достаточно, чтобы оспорить опекунство в свою пользу. Как только он станет опекуном, они просто прекратят все контакты между Хетер и

Люсиндой и будут тянуть деньги из ее половины наследства.

Глядя в пространство, Солтер кивнул.

— Вы правы: должно быть, так. Окружной путь, но смысл в этом есть.

Вмешался Долиш:

— И теперь, когда им не удалось опозорить леди, они наверняка решат похитить ее и разделаться с ней.

— Вполне возможно, — согласился Солтер, — но мои люди знают, что делать.

Гэрри удержался от вопроса о «людях» Солтера.

— Но они не могут бесконечно наблюдать за ней, — сказал Долиш. — И мне кажется, этому Джолиффу место за решеткой.

— Вы правы, — согласился Солтер. — В прошлом Джолиффа есть несколько необъясненных «самоубийств», смущающих полицейского судью.

Гэрри подавил дрожь. Мысль о том, что за Люсиндой охотятся подобные типы, нелегко было вынести.

— В настоящее время миссис Бэббакум находится в достаточной безопасности, но нам необходимо удостовериться в правильности наших предположений. Если мы не правы, то пойдем по ложному следу... с вероятными серьезными последствиями. Возможное наличие второго опекуна опровергнет нашу гипотезу.

— Если вы знаете поверенного леди, я мог бы тактично навести справки, — предложил Солтер.

— Я не знаю. И скорее всего, он в Йоркшире. — Гэрри задумался, затем взглянул на Долиша: — Горничная миссис Бэббакум и кучер работают в семье много лет. Они могут знать.

Долиш оттолкнулся от двери:

— Я спрошу у них.

— А нельзя ли спросить прямо у леди? — поинтересовался Солтер.

— Нет, вряд ли вопрос об опекунстве Хетер настолько сложен, — твердо ответил Гэрри и скривился. — В данный момент самое последнее мое желание — расспрашивать миссис Бэббакум о ее делах.

— Хорошо. Я предупрежу своих людей, чтобы они сообщили, если учуют перемену ветра. — Солтер встал. — Как только мы узнаем точно, что задумали эти шакалы, мы придумаем способ поймать их.

Гэрри не ответил. Он пожал руку Солтеру, думая о том, что, если ловля Джолиффа подвергает опасности Люсинду, он этого не допустит.

Когда Долиш вернулся, проводив бывшего сыщика, Гэрри стоял в центре комнаты, натягивая перчатки.

— Ну! Ничего себе! Так нарядиться — и сидеть дома! Я вас лучше отвезу туда.

Гэрри мрачно посмотрел на свои брюки, которые давным-давно поклялся никогда больше не надевать.

— Пожалуй.

Старый привратник «Алмака», увидев его у дверей, чуть не упал.

— Никогда не думал увидеть вас снова, сэр! — Уиллис поднял кустистые брови. — Что-то намечается?

— Ты, Уиллис, такой же ревностный сплетник, как твои хозяйки.

Нераскаявшийся Уиллис ухмыльнулся. Гэрри отдал ему перчатки и плащ и прошел в

бальный зал.

Сказать, что его появление вызвало суматоху, значит ничего не сказать. Некоторых дам охватила паника, граничащая с истерией. Остальные стали прихорашиваться и «чистить перышки». Буря чувств поднималась в груди каждой женщины, мимо которой он грациозно, но целеустремленно шел.

Люсинда в смятении следила за ним, снова невольно поддаваясь его очарованию. Ее сердце уже готово было воспарить, губы изогнулись в улыбке... но прежние мысли поглотили ее. Ей стало трудно дышать. Свет свечей мерцал на его золотистых волосах; в старомодной одежде он выглядел менее учтивым и изящным, но, если только это возможно, еще более распутным. Почувствовав на себе взгляд сотни глаз, Люсинда поджала губы. Он использует их всех, бесстыдно манипулирует всем бомондом.

Гэрри приблизился, и Люсинда протянула руку, зная, что, если не сделает этого, он просто сам возьмет ее.

— Добрый вечер, мистер Лестер. Как странно видеть вас здесь.

Он заметил ее легкий сарказм и чуть приподнял брови, а затем наклонился и поцеловал ей руку.

Он делал это так часто, что Люсинда забыла: такое приветствие больше не принято в свете. Общий вздох, пронесшийся по залу, напомнил ей об этом. Ее улыбка не изменилась, но глаза вспыхнули.

Повеса улыбнулся и взял ее под руку.

— Пойдемте, дорогая, я думаю, нам надо прогуляться.

Он извинился перед двумя джентльменами, стоявшими рядом с Люсиндой.

Не успели они пройти и десяти шагов, как путь им преградила леди Джерси. Гэрри быстро поклонился, так изысканно, что получилось почти насмешливо, но изящество поклона исключило возможность воспринять его как оскорбление.

Салли Джерси хмыкнула.

— Я как раз собиралась спросить о вас миссис Бэббакум, — не моргнув глазом, сообщила она Гэрри. — Но раз вы здесь, вряд ли есть необходимость спрашивать.

— Действительно, — манерно протянул Гэрри. — Дорогая Салли, я очень тронут тем, что вы интересуетесь моей бедной личностью.

— Не такой уж и бедной, если вспомнить.

— Ах, да. Поворот судьбы.

— И такой, что заставил дам снова обратить на вас внимание. Берегитесь, мой друг: стоит вам поскользнуться, и вы запутаетесь в их сетях. — С веселым блеском в глазах леди Джерси повернулась к Люсинде: — Я бы поздравила вас, дорогая, но боюсь, он совершенно неисправим... совершенно. Но если вы захотите отомстить, нужно просто прогнать его... и посмотреть, что он будет делать.

Люсинда безмятежно подняла брови:

— Я запомню, сударыня.

Царственно кивнув, Салли Джерси удалилась.

— Только посмейте, — прошептал Гэрри, когда они двинулись дальше. Он накрыл рукой ее ладонь, лежавшую на его рукаве. — Вы не можете быть так бессердечны.

Люсинда снова подняла брови, ее глаза, больше не смеющиеся, встретились с его глазами.

— Вы так думаете?

Гэрри слегка прищурился, пытаясь прочесть выражение ее глаз.

Внезапно задохнувшись от нахлынувших чувств, она сжала его руку и натянуто улыбнулась.

— Но едва ли вам нужна моя защита.

Она невозмутимо уставилась перед собой, сохраняя улыбку.

Последовало короткое молчание, затем у ее уха зазвучал тихий и совершенно бесстрастный голос Гэрри:

— Вы не правы, моя дорогая. Вы мне нужны, очень нужны.

Люсинда не рискнула взглянуть на него. Она быстро замигала и кивнула леди Каупер, ослепительно улыбнувшейся ей с ближайшего дивана. О чем они только что говорили? О защите от сватающих мамаш или о чем-то другом?

Она не успела обдумать этот вопрос: мамыши и дуэньи высшего света бросились в массированную атаку.

К раздражению Гэрри, вечер в «Алмаке» оказался гораздо мучительнее, чем он представлял. Его явный интерес к идущей рядом с ним женщине погасил все надежды, которые он мог возбудить, нечаянно улыбнувшись одной из юных девиц. Дамы все поняли, но, к несчастью, каждая решила, что должна обязательно поздравить их.

Первое из этих едва завуалированных поздравлений поступило от неутомимой леди Аргайл, все еще сопровождаемой бледной некрасивой дочерью.

— Не могу выразить, как я счастлива снова видеть вас на нашем маленьком празднестве, мистер Лестер. — Она лукаво взглянула на Гэрри, затем пробуравила взглядом Люсинду. — Дорогая, непременно проследите, чтобы он в будущем не исчезал. — Она похлопала веером по руке Люсинды. — Как жаль, что самые красивые джентльмены пропадают в клубах. Такая потеря для общества!

Бросив еще один лукавый взгляд и помахав рукой, ее светлость удалилась, потянув за собой молчаливую дочь.

— Интересно, умеет ли девица вообще говорить? — ленивым тоном прошептал Гэрри. Затем взглянул на Люсинду. Никто бы другой ничего не заметил, но он слишком привык видеть ее спокойной, счастливой. Сейчас ее лицо не выражало ни того, ни другого. Оно было напряжено, губы сжаты.

Они выдержали еще два восхищенных излияния, быстро следовавшие одно за другим, затем их перехватила добродушная леди Каупер. Прервать ее светлость, как обычно, было невозможно. Гэрри стойко перенес ее ласковые улыбки и добрые слова, но, как только поздравления иссякли, решительно повел Люсинду к буфету.

— Идемте, я угощу вас бокалом шампанского.

— Это «Алмак», здесь не подают шампанское.

Гэрри не смог скрыть своего раздражения.

— Я забыл. Тогда лимонад. Должно быть, вам жарко.

Она не стала отрицать и не протестовала, когда он вручил ей бокал. Но даже в буфете продолжался поток поздравлений, которые Гэрри вольно или невольно спровоцировал. Как он быстро обнаружил, спасения не было нигде.

С началом следующего танца — единственного за весь вечер вальса — они нашли убежище среди танцующих. Туг он осознал свою ошибку и, воспользовавшись моментом, извинился:

— Боюсь, я не все до конца рассчитал. — Он улыбнулся, глядя в ее глаза, желая понять

их выражение. Они были не просто туманными, они были мрачными, и это его встревожило. — Я забыл, насколько пылко соперничество матронов.

Он не смог придумать более мягкого объяснения: когда дело касается такого приза, как он, матроны скорее примирятся с кем-то вроде Люсинды — не принадлежащей к их кругу, несмотря на положение в обществе, — чем с триумфом одной из них.

Люсинда непринужденно улыбнулась, но глаза ее не прояснились. Гэрри притянул ее ближе, сожалея, что они не одни. Когда вальс закончился, он взглянул на нее, не пытаясь скрыть своего беспокойства.

— Если хотите, мы найдем Эм. Думаю, ей все это уже надоело.

Люсинда кивнула, старательно сохраняя безмятежное выражение лица.

Как и предполагал Гэрри, осажденная дамами Эм с радостью согласилась уехать.

— Все равно что находиться под артиллерийским обстрелом, — ворчливо сообщила она Люсинде, когда, Гэрри усаживал их в экипаж. — Трудно выдержать, когда все они начинают добиваться приглашения на свадьбу. ? Эм красноречиво фыркнула.

Гэрри взглянул на Люсинду, уже сидевшую в экипаже. Свет, падавший через дверцу, освещал ее лицо: огромные глаза, бледные щеки. Она выглядела усталой, даже изнуренной... почти побежденной. Сердце Гэрри сжалось, он почувствовал боль несравнимо большую, чем удавалось вызвать когда-то Миллисент Пэйн.

— Да, не забудь! — Эм ударила его по рукаву. — Обед завтра в семь... мы надеемся увидеть тебя раньше.

— Ах, да. — Гэрри прищурился. — Конечно. — Последний раз взглянув на Люсинду, он отступил и закрыл дверцу. — Я приеду.

Он хмуро посмотрел вслед экипажу и отправился в свой клуб, находившийся всего в нескольких шагах от «Алмака» за углом. У освещенной двери он остановился, затем, все еще хмурясь, направился домой.

Час спустя, раскинувшись на мягкой перине, Люсинда пристально смотрела на балдахин своей кровати. Сегодняшний вечер все прояснил, окончательно и бесповоротно. Не осталось никаких сомнений в намерениях Гэрри. Теперь она должна решить, что ей делать. Следя за перемещающимися пятнами лунного света, она заснула лишь под утро.

На следующее утро, встревоженный сообщением Солтера и неутешительной информацией Долиша, Гэрри остался дома.

— Они не знают, — повторил Долиш для Солтера, когда все трое собрались в кабинете Гэрри в одиннадцать часов. — Оба уверены, что миссис Бэббакум — опекунша мисс Хетер, но, есть ли еще один опекун, сказать не могут.

— Хм... — Солтер нахмурился и взглянул на Гэрри. — Один из моих людей сообщил, что Джолифф нанял экипаж с четверкой сильных лошадей. Место назначения не сообщил и от кучера отказался, для чего заплатил большой задаток.

Гэрри сжал перо.

— Думаю, мы можем сделать вывод, что миссис Бэббакум грозит опасность.

Солтер скривился.

— Вероятно... но я обдумал то, что сказал ваш человек. Мы не можем бесконечно следить за ними... и если они не доберутся до одной, то вполне могут захватить другую. Все же их конечная цель — падчерица.

Теперь скривился Гэрри.

— Вы правы.

Поглощенный обеспечением безопасности Люсинды, он не мог пренебречь вероятностью того, что, если Джолифф находится в крайне отчаянном положении, он может наметить своей жертвой Хетер.

— Я думаю, — продолжал Солтер, — эта история с наемным экипажем даже к лучшему. Она означает, что Джолифф планирует скорую атаку. Мы настороже, а он этого не знает. Если мы проясним ситуацию с опекуном, не прекращая наблюдения за Джолиффом и его компанией, то сможем получить ордер на арест прежде, чем они что-то предпримут. Мои источники уверены, что Мортимер Бэббакум быстро расколется. Похоже, он по уши увяз в этом деле.

Гэрри продолжал вертеть перо между пальцами, обдумывая предстоящие в следующие сутки шаги.

— Если для получения ордера вам необходима информация об опекуне, мы должны продолжать расследование. — Он взглянул на Долиша. — Сходи к Фергюсу... спроси, не знает ли он, как связаться с неким мистером Мавверли из «Бэббакум и Компании».

— В этом нет необходимости, — вмешался Солтер. — Доверьте дело мне. Но что я скажу мистеру Мавверли?

Гэрри поджал губы.

— Он агент миссис Бэббакум, она ему доверяет, как я понимаю. Можете сказать ему все, что считаете нужным. Он вряд ли знает ответ, но по крайней мере скажет, к кому обратиться.

— Все еще не хотите спросить даму?

Гэрри отрицательно покачал головой:

— Но если мы не получим ответ завтра к вечеру, я ее спрошу.

Солтер принял предельный срок без комментариев.

— Вам необходимы дополнительные люди, чтобы следить за дамами?

Снова Гэрри покачал головой:

— Сегодня они не покинут Хэллоуз-Хаус ни днем, ни вечером. Моя тетя устраивает званый ужин.

Это был самый большой прием из всех, которые Эм устраивала в последние годы, и она была полна решимости насладиться сполна своим «маленьким развлечением», как она его называла.

О чем Люсинда и сообщила Гэрри, когда они бок о бок поднимались по лестнице в бальный зал.

— Она вся на нервах. Такое впечатление, что это ее первый выход в свет.

Гэрри усмехнулся. Изысканный обед для избранных, который Эм организовала накануне, прошел прекрасно. Собравшаяся компания могла удовлетворить самую честолубивую хозяйку.

— Она так наслаждается жизнью в эти последние несколько месяцев. С тех пор, как вы и Хетер присоединились к ней.

— Она очень добра к нам.

— Как и вы к ней, — прошептал Гэрри, как раз когда они достигли верхней площадки лестницы, где стояла Эм, готовая к приему первых гостей, уже появившихся в холле.

— Не забудьте похвалить оформление зала, — прошептала Люсинда. — Это полностью

ее заслуга.

Гэрри кивнул. Когда Эм настойчиво помахала, подзывая к себе Люсинду, он поклонился и прошел в зал. Там действительно было на что посмотреть. На пурпурных и золотых — любимые цвета Эм — гирляндах мелькала лазурь. В огромных вазах на столиках вдоль стен синели васильки; голубые ленты, завязанные бантами, поддерживали шторы. Гэрри улыбнулся и оглянулся на трио у дверей: Эм в тяжелом пурпурном шелке, Хетер в бледно-золотистом муслине, с голубой отделкой по декольте и подолу, и Люсинду — его сирену, — неотразимую в сапфировом шелке с тонкими золотыми лентами.

Гэрри решил, что в данном случае легко будет порадовать тетю совершенно искренними комплиментами. Он прошелся по залу, болтая со знакомыми, даже заставил себя побеседовать с несколькими престарелыми родственницами, которых Эм сочла необходимым пригласить. Но он не терял из виду компанию, встречающую гостей. Когда Эм наконец покинула свой пост, он уже стоял рядом с Люсиндой.

Она непринужденно, с искренней теплотой улыбнулась ему, но когда Гэрри взглянул в ее нежно-голубые глаза, еще более ласковые, чем обычно, то с болью почувствовал ее печаль.

— Если гости не прекратят прибывать в том же темпе, прием Эм будет объявлен самым великим столпотворением сезона. — Люсинда положила ладонь на его руку и рассмеялась. — Вполне вероятно, что я стану ссылаться на усталость с первого танца.

Гэрри ответил ей улыбкой, продолжая внимательно смотреть на нее:

— Леди Херсколт — одна из старейших подруг Эм — недвусмысленно приказала мне привести вас прямо к ней.

С безмятежной улыбкой склонив голову, Люсинда позволила отвести себя в толпу. Сияющие гости останавливали их, чтобы поболтать. Леди Херсколт они нашли на диване, и прежде, чем отпустить их, она сполна насладились подшучиванием над ними. Все это время Гэрри внимательно следил за Люсиндой: с той же непоколебимой невозмутимостью и спокойной улыбкой она отклоняла любые слишком настойчивые вопросы.

Первый вальс прервал их разговор — Эм предпочла оживить свой прием тремя танцами, причем только вальсами.

Когда, не спрашивая позволения, Гэрри привлек покорную Люсинду в свои объятия, его брови лукаво изогнулись.

— Нововведение?

— Эм сказала, — объяснила, смеясь, Люсинда, — что она не собирается тратить время на кадрили и котильоны, поскольку на самом деле всех интересуют только вальсы.

Гэрри усмехнулся:

— В этом вся Эм.

Люсинда улыбалась, непринужденно вальсируя, — ничего похожего на ее первый бал. Она казалась податливой в его руках, плавно соразмеряя шаги, без усилий следуя за ним, как будто не подозревая, что он держит ее так близко к себе. Вероятно, ее скорее смутила бы его отстраненность.

Губы Гэрри изогнулись: она заметила. Его улыбка стала шире.

— Почему вы улыбаетесь?

Он смотрел в ее глаза, чувствуя, как тонет в их синеве.

— Я думал о том, как хорошо поработал, научив вас вальсировать.

Люсинда подняла брови.

— Неужели? Разве в этом достижении нет и моей, хотя бы маленькой, заслуги?

Он недовольно скривился.

— Вы достигли очень многого, дорогая. В бальном зале... и за его пределами.

Брови Люсинды поднялись выше, но взгляд она не отвела. Ее лицо было безмятежно, улыбка нежна, губы, казалось, жаждали поцелуя. Затем она опустила голову, на мгновение положив ее на плечо Гэрри.

В перерывах между вальсами музыканты должны были услаждать слух гостей милыми пьесами и сонатами. Бродя с Люсиндой в толпе, перебрасываясь шутками с гостями, Гэрри заметил, что его сирена действительно более спокойна, более похожа на себя, чем была накануне в «Алмаке».

Он облегченно вздохнул, ясно сознавая, как велика была его тревога. Очевидно, прошлым вечером Люсинда была просто потрясена неожиданной лавиной поздравлений; сегодня она казалась непринужденной и, как обычно, уверенной в себе.

Если бы только он смог угадать причину странной печали... и устранить ее, он был бы самым счастливым человеком на свете, на что, по его мнению, имел полное право.

Она — совершенство, она принадлежит ему. Он всегда чувствовал, что так и будет. Все, чего он хотел от жизни, находилось рядом; только время стояло на его пути.

Завтрашний день скоро настанет — но ждать так тяжело! Он завершил все, диктуемое этикетом, теперь она должна поверить ему.

Закончился вальс перед ужином, закончился и сам ужин: множество изысканных блюд, которые, как уверила его Люсинда, старая повариха Эм готовила последние три дня. Полные смеха и шуток часы летели быстро, пока наконец музыканты не заиграли последний вальс.

Третий вальс.

На краю зала Гэрри и Рутвен увлеченно беседовали о лошадях, мистер Эмберли и Люсинда нашли общий интерес в разговоре о ландшафтах. Когда звуки музыки понеслись по залу, Гэрри повернулся к Люсинде, и в тот же момент она повернулась к нему. Их взгляды встретились. Он протянул ей руку, а не подставил локоть.

Люсинда взглянула на его руку, затем в глаза. Ее сердце бешено забилося.

Брови Гэрри медленно поднялись.

— Ну, дорогая?

Люсинда затаила дыхание. С нежной и странно неуверенной улыбкой она вложила пальцы в его ладонь.

Пальцы Гэрри сомкнулись. Он элегантно поклонился. Улыбнувшись увереннее, Люсинда опустилась в реверансе. Такого света в его глазах она прежде никогда не видела. Гэрри обнял ее и с виртуозной ловкостью закружил по залу.

Его сила поглотила ее, он был ее опорой и защитой, возлюбленным и господином, спутником и другом. Она внимательно смотрела на его строгое лицо, словно высеченное из мрамора. Рядом с ним она могла оставаться самой собой. Ее взгляд смягчился, как и линия ее губ. Он это заметил, и тотчас что-то неуловимо изменилось в его взгляде, отчего в ее теле начал медленно разгораться жар, не имевший никакого отношения к толпе вокруг, а только к тому, что связывало их.

С врожденной грацией кружились они по длинному залу, не видя никого, не сознавая ничего за пределами собственного мира, зачарованные вальсом и обещанием в глазах друг друга.

Лорд Рутвен и мистер Эмберли обменялись самодовольными улыбками.

— Ну, думаю, мы можем поздравить друг друга, Эмберли, — сказал лорд Рутвен, протягивая приятелю руку.

— Действительно, ? просиял мистер Эмберли, пожимая ее. — Отличная работа! — Его глаза устремились на танцующую пару. — Никакого сомнения.

Лорд Рутвен последовал за его взглядом и ухмыльнулся.

— Никакого.

Откинувшись на руку Гэрри и отдавшись волшебству момента, Люсинда наслаждалась охватившей ее бурной радостью. Он очень скоро сделает ей предложение, и она больше не сомневалась в своем ответе. Она так любит его, что не сможет отказать, даже если он не скажет о любви. В глубине души Люсинда всегда знала, что он любит ее. И в этом она черпала силы. И надежду на то, что он признается ей в любви. А нет, так нет. Она была слишком реалистична, чтобы роптать на судьбу.

С последним аккордом вальса вечер был объявлен завершенным.

Как член семьи, Гэрри задержался, пока разъезжались гости. Джеральд наконец спустился в холл, оставив Гэрри с Люсиндой на верхней площадке лестницы. Не обращая внимания на Эм, облокотившуюся о перила по другую сторону от Люсинды, Гэрри поднес пальцы Люсинды к своим губам, коснувшись их нежным поцелуем, затем, не сводя глаз с ее лица, перевернул руку ладонкой вверх и поцеловал запястье.

Люсинда ощутила восхитительный трепет, пробежавший по ее телу.

Гэрри улыбнулся и коснулся пальцем ее щеки.

— Мы поговорим завтра.

Он произнес эти слова тихо, очень тихо, но они будто пронзили ее сердце. Она нежно улыбнулась. Гэрри поклонился сначала ей, затем Эм. И, не оглянувшись, спустился в холл — до самой последней черточки воплощение элегантного повесы.

В тени домов напротив Хэллоуз-Хауса, незаметный среди маленькой толпы уличных мальчишек и неизбежных зевак, которую собирал любой бал или прием, Скругторп не сводил глаз с освещенного подъезда, злобно бормоча под нос:

— Погоди, доберусь я до тебя, ведьма. Когда с тобой разделаюсь, ни один джентльмен не захочет пачкаться об тебя. Порченным товаром ты будешь... хорошо и умело порченным.

Он ухмыльнулся, радостно потирая руки, сверкая в темноте глазами.

Мимо, похоже в поисках случайной работы, прошел фонарщик, бросив на Скругторпа безразличный взгляд. Через несколько шагов он миновал метельщика улиц, стоявшего опершись на метлу. Лицо метельщика затемняла обвислая шляпа. Фонарщик ухмыльнулся метельщику, затем неторопливо подошел к ближайшему столбу и прислонился к нему. Скругторп не заметил ни того, как они переглянулись, ни того, как внимательно следили за последними гостями, покидавшими Хэллоуз-Хаус.

— Ты скоро будешь в моих руках, очень скоро, — оскалился он. — Тогда я отучу тебя от дерзости и высокомерия. Быстренько спущу тебя на землю с облаков.

Тихий мелодичный свист отвлек Скругторпа от сладких мыслей. Он замер. А потом принялся настороженно всматриваться в тень. Его взгляд на мгновение остановился на фонарщике. Скругторп хорошо знал этот свист, до последнего придыхания в конце каждой трели.

Он бросил последний взгляд на пустой подъезд напротив и нарочито беззаботно отправился прочь.

Метельщик и фонарщик следили за ним, затем фонарщик кивнул метельщику и скользнул в тень вслед за Скругторпом.

Глава пятнадцатая

Следующим утром, когда спящий Гэрри лежал на животе, обхватив руками подушку, тяжелая рука опустилась на его обнаженное плечо.

Его реакция была мгновенной: он резко поднялся, напрягшись, широко раскрыв глаза, сжав кулаки.

— Ну, ну! — Долиш предусмотрительно отскочил. — Думаю, вам пора отвыкать от этой привычки: рядом нет разгневанных мужей.

Сверкая глазами, Гэрри сделал глубокий вдох и раздраженно выдохнул. Опершись на локоть, он отбросил волосы с лица.

— Который час, черт побери?

— Девять, — ответил Долиш уже от гардероба. — Но у вас посетители.

— В девять утра? — Гэрри перевернулся и сел.

— Солтер... и он привел того агента миссис... мистера Мавверли.

Прищурившись и обхватив руками колени, Гэрри уставился на Долиша.

— Я еще не женился на этой несносной женщине.

— Начинайте потихоньку привыкать. — Долиш повернулся к Гэрри с серым сюртуком на руке. — Это подойдет?

Десять минут спустя Гэрри спускался по узкой лестнице, раздумывая о том, не предпочтет ли Люсинда более просторный дом, когда они будут приезжать в Лондон. Он надеялся, что нет.

Он снимал эти комнаты последние десять лет, и они стали удобны, как старые башмаки.

Гэрри открыл дверь в кабинет и окинул взглядом посетителей. Солтер стоял у письменного стола, Мавверли неловко устроился на стуле.

При виде Лестера Мавверли вскочил.

— Доброе утро, Мавверли, — кивнул Гэрри от двери. — Солтер, приветствую вас.

Солтер кивнул, но ничего не ответил, сжав губы, как будто сдерживая слова.

Мавверли чопорно чуть наклонил голову.

— Мистер Лестер, надеюсь, вы простите наше вторжение, но этот джентльмен, — он взглянул на Солтера, — очень настойчиво расспрашивал о делах миссис Бэббакум, информацию, о которых я считаю в высшей степени конфиденциальной. — Мистер Мавверли перевел взгляд на лицо Гэрри. — Он сказал, что работает на вас.

— В самом деле. — Гэрри взмахнул рукой, предлагая мистеру Мавверли сесть, и сам сел за письменный стол. — Боюсь, нам крайне необходима информация, которую просил у вас мистер Солтер. Дело касается безопасности миссис Бэббакум. — Как Гэрри и ожидал, при упоминании безопасности Люсинды, мистер Мавверли оцепенел. — То есть если вы действительно знаете ответы.

Мистер Мавверли заерзал, настороженно глядя на Гэрри.

— Как раз я... поскольку это необходимо в моем положении — представителя компании, — должен быть абсолютно уверен в том, чьи интересы представляю. — Он бросил взгляд на Солтера, затем снова уставился на Гэрри. — Но вы говорили о безопасности миссис Бэббакум. Какое отношение к этому имеет запрашиваемая вами информация?

Гэрри сжато рассказал о предполагаемом заговоре, придерживаясь основных фактов.

Мистер Мавверли был деловым человеком и без труда принял их гипотезу. Его лицо попеременно отражало изумление, ярость и, наконец, упрямую решимость.

— Негодяи! — Слегка покраснев, он взглянул на Гэрри. — Вы сказали, что собираетесь получить ордер на их арест?

Ответил Солтер:

— У нас достаточно причин, но получить ордер мы сможем, только прояснив ситуацию с опекуном: без этого их мотивы неубедительны.

— Итак, — Гэрри в упор посмотрел на мистера Мавверли, — вопрос в том, можете ли вы нам.

— Я сделаю все, что в моих силах, — страстно поклялся мистер Мавверли. И тут же извинился за свою пылкость: — Миссис Бэббакум очень добра ко мне. Вы понимаете, что мало кто назначил бы такого сравнительно молодого человека, как я, на столь важный пост.

— Конечно. — Гэрри приложил все силы, чтобы его улыбка не выглядела угрожающей, как вполне могло случиться в столь ранний час. — И, как преданный служащий «Бэббакум и Компании», вы, естественно, постараетесь помочь в обеспечении безопасности ваших хозяев?

— Несомненно. — Мистер Мавверли уселся поудобнее. — Миссис Бэббакум действительно является единственным законным опекуном мисс Бэббакум. — Он снова слегка покраснел. — Я совершенно уверен, так как, занимая свою должность, спросил об этом миссис Бэббакум. Она — образец делового этикета — настояла на том, чтобы я увидел документ об опекунстве.

Солтер выпрямился, его лицо просветлело.

— То есть вы не только знаете, что она единственный опекун, но и можете поклясться в этом?

Мистер Мавверли кивнул.

— Конечно. Я, естественно, чувствовал себя обязанным прочитать документ и проверить печать; они, без сомнения, подлинные.

— Прекрасно! — Гэрри взглянул на Солтера, мгновенно подбравшегося и излучавшего теперь еле обуздываемое нетерпение. — Итак, мы можем получить ордер без дальнейших отсрочек?

— Если мистер Мавверли пойдет со мной в магистрат и клятвенно подтвердит статус миссис Бэббакум, я не вижу ничего, что могло бы остановить нас. Мои друзья в полиции уже предупреждены, они произведут арест, но я хочу при этом присутствовать. Должен увидеть своими глазами, как Джолифф попадет за решетку.

— Я готов отправиться с вами немедленно, сэр. — Мистер Мавверли встал. — Как я понял, чем скорее этот Джолифф окажется за решеткой, тем лучше.

— Всецело с вами согласен. — Гэрри встал и протянул руку мистеру Мавверли. — А пока вы оба будете заниматься Джолиффом и его командой, я лично прослежу за миссис Бэббакум.

— Да, это было бы разумно. — Солтер пожал Гэрри руку, и все направились к двери. — Джолифф — отчаянный человек. Надежная охрана даме не повредит... до тех пор, пока он на свободе. Я сообщу, как только мерзавцы будут арестованы, сэр.

— Сообщите мне в Хэллоуз-Хаус, — сказал Гэрри.

Проводив своих гостей в вестибюль, Гэрри вернулся в кабинет и быстро просмотрел письма. Долиш внес кофе.

— Пожалуйста, — Долиш поставил чашку на стол. — И о чем вы договорились?

Гэрри рассказал.

— Хм, значит, этот клерк не так уж бесполезен, в конце концов?

Гэрри отхлебнул кофе.

— Я никогда не говорил, что он бесполезен. Бестолков. И я охотно признаю, что, возможно, неправильно судил о нем.

Долиш кивнул.

— Хорошо! Значит, настал последний день этого грязного дела? Не могу сказать, что я опечален.

Гэрри фыркнул.

— Как и я.

— Я накрою завтрак в столовой. — Долиш взглянул на высокие напольные часы в углу. — У нас еще час до того, как мы должны быть в Хэллоуз-Хаусе.

— Следует использовать это время, чтобы все здесь привести в порядок. Вечером я собираюсь в Лестер-Холл.

Долиш, уже подошедший к двери, оглянулся.

— О, нет! Наконец-то решились? Давно пора, могли бы меня спросить. Хотя не думал, что вы выберете для этого семейный пикник... ведь это кончина вашей холостяцкой жизни.

Гэрри сердито поднял голову, но дверь уже закрылась.

Днем Гэрри угрюмо вспомнил замечание Долиша. В самых диких снах он не представлял, что важнейшее событие его жизни пройдет в подобной обстановке.

Компания расположилась на пологом травянистом склоне, сбегаящем к нежно журчащей реке Ли. Это излюбленное место отдыха молодых семей, ищущих сельского покоя, находилось в нескольких милях к северу от Ислингтона, недалеко от Стамфорд-Хилла. Взорам отдыхающих открывалась долина за сверкавшей на солнце рекой. Дальше луга уступали место болотам, через которые вилась дорога до Уолтемстоу, лежавшего сразу за линией горизонта. Дубы и буки обеспечивали тень. Жужжали пчелы, над головами ворковали голуби — царил великолепный летний день.

Гэрри глубоко вздохнул и бросил задумчивый взгляд на Люсинду, сидевшую рядом с ним. За ней, прикрыв лицо шляпой, полулежала на подушках Эм. На соседнем коврике сидели Хетер и Джеральд и о чем-то увлеченно разговаривали. Поодаль на бревнах устроились Агата, суровая горничная тети, Долиш, Джошуа, Сим и маленькая Эми, в своих черных одеждах похожие на стаю ворон.

Гэрри скривил губы и отвернулся. Судьба выбрала странный момент для его подвига.

Осознав, что целью Джолиффа и Мортимера является опекуновство Хетер, он решил действовать как можно быстрее. Женившись на Люсинде, он автоматически примет на себя всю юридическую ответственность. Это единственный гарантированный способ защитить Люсинду от махинаций негодяев.

Но весь вчерашний день она была занята подготовкой к балу, весь дом стоял вверх дном, и вряд ли он смог бы найти подходящий момент для предложения, не говоря уж о тихом уголке.

Что касается сегодняшнего пикника, то он был намечен еще неделю назад, как спокойный отдых после светских развлечений. Они выехали на двух экипажах — Люсинды и Эм. Слуги сидели на козлах, Агата и Эми ехали в карете вместе с ним и Люсиндой. После мирного ленча на ярком солнце Эм погрузилась в послеобеденный сон, а Хетер и Джеральд

отсели в сторону, полностью поглощенные друг другом.

Итак, брак был его главным шансом оградить Люсинду от опасности. Пряча свою решимость за внешней беспечностью, Гэрри встал. Люсинда подняла голову, прикрыв глаза рукой от слепящего солнца. Гэрри успокаивающе улыбнулся и перевел взгляд на ее сторожевых псов. Легким кивком он подозвал Долиша и отошел к деревьям. Отойдя достаточно далеко, чтобы Люсинда и Эм не слышали разговор, он остановился, ожидая Долиша.

— Что-то не так?

Гэрри вежливо улыбнулся.

— Нет. И только подумал, что должен тебя предупредить. Когда я через несколько минут уведу миссис Бэббакум прогуляться, нам не потребуется эскорт.

Долиш прищурился, раздумывая, не стоит ли поспорить, и Гэрри сурово продолжил:

— Со мной она будет в полной безопасности.

Долиш хмыкнул.

— Не могу сказать, что осуждаю вас. Довольно неловко падать на колени перед публикой.

Гэрри в безмолвной молитве поднял глаза к небесам.

— Хорошо, я предупрежу наших людей.

Гэрри поспешно опустил глаза, но Долиш уже вернулся к остальным. Тихо выругавшись, Гэрри подошел к Люсинде.

— Вы не хотите прогуляться?

Люсинда взглянула на него: тихие слова прозвучали как приказ. Рядом еле слышно похрапывала Эм. Люсинда мгновение изучала выражение его глаз, наслаждаясь пронизавшим ее трепетом радостного предвкушения, затем нарочито спокойно вложила пальцы в его протянутую руку.

Гэрри помог ей подняться. Взяв Люсинду под руку, он повел ее к тенистому лесу.

Лес был небольшим — скорее, рощица, разделяющая поля. В молчании они вышли на большое неспаханное поле, поросшее луговыми травами и цветами.

Люсинда вздохнула и улыбнулась Гэрри.

— Как красиво!

Внимательно осмотревшись по сторонам, Гэрри оглянулся и ответил ей улыбкой. Деревья скрыли их от спутников и всех, кто прогуливался по берегам реки. По молчаливому согласию они прошли к большому, гладкому камню в центре поля.

Люсинда села и расправила голубые муслиновые юбки. Гэрри заметил, что цвет ее платья в точности совпадает с цветом васильков, мелькающих в траве. Новая шляпка болталась на спине, оставляя открытым ее лицо. Она подняла голову, и их взгляды встретились.

Гэрри молчал. Изысканные брови Люсинды слегка изогнулись — вопросительно, приглашающе.

Гэрри набрал в легкие побольше воздуха.

— Мистер Гэрри!

Они оба оглянулись и увидели спешащего через поле Долиша. Гэрри с трудом подавил проклятье.

— Что теперь?

Долиш бросил на него сочувствующий взгляд.

— Посыльный... насчет нашего утреннего дела.

Гэрри застонал.

— Сейчас?

— Подумал, что вам стоит знать все обстоятельства... до того, как... вы... э... отвлечетесь.

Гэрри скривился. Долиш был по-своему прав.

— Посыльный хочет видеть вас лично. Так ему велели. — Долиш кивнул на деревья: — Сказал, что будет ждать вас там, у ступенек за кустами.

Поддавив раздражение, Гэрри бросил задумчивый взгляд на Люсинду. Та ответила ему ласковой улыбкой. Если он потратит пять минут на то, чтобы удостовериться в успешном завершении дела, то потом уже ничто не помешает их разговору. Гэрри взглянул на Долиша.

— Какие ступеньки?

— Там недалеко живая изгородь.

— Мы не проходили никакую изгородь.

Долиш нахмурился, оглядывая лесок, через который только что прошел.

— Вон туда и вокруг налево, я думаю. — Он почесал в затылке. — Или направо?

— Долиш, почему бы вам не показать дорогу мистеру Лестеру? — спросила Люсинда, и Гэрри повернулся к ней. Она сорвала несколько цветков и начала сплетать их.

Он нахмурился.

— Я сам найду ступеньки. Долиш останется здесь с вами.

Люсинда улыбнулась.

— Чепуха! Это займет у вас вдвое больше времени. — Она взяла с коленей василек и подняла голову. — Чем скорее вы туда доберетесь, тем быстрее вернетесь.

Гэрри подумал, затем покачал головой. Вероятно, Джолифф уже за решеткой, но кто знает...

— Нет, я...

— Это нелепо! Я вполне способна одна посидеть несколько минут на солнце. Что может случиться со мной в такой мирной обстановке?

Уперев руки в бока, Гэрри огляделся. Вокруг было открытое пространство, никто не смог бы подкрасться и захватить ее врасплох. В конце концов, она взрослая, разумная женщина и закричит, если случится что-то непредвиденное. И ее непременно услышат.

Чем скорее он встретится с посланником Солтера, тем скорее сможет сосредоточиться на их будущем.

— Ладно. Но вы останетесь здесь, и посмейте только шевельнуться!

Она ответила ему ласковой покровительственной улыбкой.

Гэрри отвернулся и быстро зашагал через поле; самоуверенность этой несносной женщины оказалась заразной.

Как многие сельские жители, Долиш мог уверенно повторить свой путь, но не мог описать его. Он пошел впереди, и через несколько минут они оказались у живой изгороди и маленькой бреши в ней.

Гэрри остановился.

— Какого дьявола?..

Солтер протолкался через разношерстную толпу. Среди конюхов, кучеров, фонарщиков, уличных мальчишек, метельщиков и прочего сброда, обычного для лондонских улиц, — явно «людей» Солтера — Гэрри заметил Мавверли и трех сыщиков полицейского суда. Лицо

Солтера было мрачным.

— Мы получили ордер на арест, но Джолифф и его компания удрали.

Гэрри окаменел.

— Я думал, что вы следите за ними.

— Следили. — Солтер помрачнел еще больше. — Но, видимо, что-то насторожило их. Утром мы нашли двух наблюдателей с разбитыми головами... и никаких признаков наших пташек.

Гэрри встревожился, сердце будто сжали цепкие пальцы.

— Они взяли экипаж?

— Да, — сказал один из конюхов с постоянного двора. — Похоже, что они уехали около десяти, как раз перед тем, как появился командир с ордером.

Вперед выступил мистер Мавверли.

— Мы решили предупредить, чтобы вы получше следили за миссис Бэббакум... пока этот мерзавец не окажется за решеткой.

Гэрри едва ли услышал. Его лицо потеряло всякое выражение.

— О мой Бог!

Он стремительно повернулся и бросился назад, Долиш не отставал от него. Остальные, загипнотизированные его страхом, бросились следом.

Гэрри выбежал из рощи и остановился как вкопанный.

Перед ним на ветру качались травы, поле безмятежно купалось в летней жаре. Короткая непомятая гирлянда из голубых васильков лежала на камне. Ее явно аккуратно положили, а не уронили и не швырнули.

Судорожно дыша, он огляделся.

— Люсинда?!

На его крик никто не отозвался. Гэрри выругался.

— Они схватили ее. — Слова обожгли ему горло.

— Они не могли далеко уйти. — Солтер знаком подозвал своих людей. — Мы ищем леди... высокую, темноволосую, многие из вас видели ее. Миссис Бэббакум.

Мгновенно толпа рассыпалась по полю и лесу. Гэрри, сопровождаемый Долишем, бросился к реке. Воображение рисовало ему страшные картины. Он должен найти ее, просто обязан!

Оставшись одна, Люсинда занялась плетением гирлянды из васильков, в избытке растущих около камня. Под ее внешним спокойствием скрывалось нетерпение, однако она была совершенно уверена в том, что Гэрри вот-вот вернется. Улыбаясь, она потянулась к яркому колокольчику, чтобы оттенить гирлянду.

— Миссис Бэббакум! Э... тетя Люсинда!

Люсинда обернулась, прищурившись, взглядела в тени под деревьями и увидела невысокого хрупкого джентльмена, призывно махавшего ей.

— Господи! Что ему нужно? — Люсинда отложила гирлянду и направилась к деревьям. — Мортимер? — Она нырнула под ветку и ступила в прохладную тень. — Что вы здесь делаете?

— Поджидаем тебя, ведьма, — прорычал за ее спиной надтреснутый голос.

Люсинда вздрогнула; чья-то огромная ручища схватила ее за руку. Изумленно раскрыв глаза, она оглянулась.

— Скругторп! А вы, черт побери, что здесь делаете?

— Похищаю тебя, — оскалился Скругторп и Потащил ее в глубь рощи. — Иди... экипаж ждет.

— Какой экипаж? О Господи! — Люсинда уже хотела начать бороться, но Мортимер схватил ее за второй локоть.

— Это очень печально... но если вы только выслушаете...:это не имеет лично к вам никакого отношения... просто надо исправить ошибку, восстановить справедливость... видите ли.

Вцепившись в руку Люсинды, он не очень-то помогал Скругторпу тащить ее. Его водянисто-голубые глаза молили о понимании.

Люсинда нахмурилась.

— Что все это значит?

Мортимер начал объяснять... обрывочными фразами, междометиями. Пытаясь понять, что он говорит, Люсинда не обращала внимания на Скругторпа, рассеянно позволяя ему тащить ее дальше. Только иногда, перешагивая через бревна, она отвлекалась, чтобы приподнять юбки.

— Проклятая зазнайка! — Скругторп ударил ногой по ее юбкам. — Когда мы останемся одни, я тебе...

— И потом, видите ли, я должен был Джолиффу... должен был расплатиться, вы понимаете... играть и платить... честь и все такое...

— И я тебя свяжу...

— И потом оказалось, что долг довольно большой... не то чтобы очень, но... пришлось найти, вы понимаете... и я прямой наследник дяди Чарльза... но там ничего не оказалась... денег, я имею в виду, но я уже потратил... должен их... пришлось искать выход...

— Ну, я заставлю тебя заплатить за твой острый язык, вот увидишь. А когда я с тобой разделаюсь...

Люсинда отключилась от исступленного бреда Скругторпа, сосредоточившись на лепете Мортимера. Когда он объяснил их конечную цель, у нее отвисла челюсть; их запутанный план достижения этой цели потряс ее еще больше.

— Итак, как видите, все достаточно просто, — заключил Мортимер. — Если вы передоверите мне опекунство, все уладится... вы ведь понимаете, не так ли?

Они уже вышли к реке, впереди лежал узкий пешеходный мостик. Люсинда резким движением вырвалась из рук Скругторпа и остановилась, презрительно глядя на Мортимера.

— Осел! Неужели вы действительно верите во всю эту чушь? Только из-за своей слабости и глупости... — от ярости она не сразу нашла подходящие слова, выдернула руку, в которую вцепился Мортимер, и отчаянно зажестикублировала, — вы попали в руки мошенников. — Ее глаза пылали, Мортимер будто врос в землю, его рот беззвучно открывался и закрывался, он стал похож на кролика, глядящего в глаза удава. — Неужели вы думали, что я кротко вручу вам состояние моей падчерицы, чтобы вы могли набивать карманы какого-то хитрого, безнравственного, ненасытного, жалкого человечешки? — Она повысила голос, в нем появились командные нотки. — У вас в голове вместо мозгов бульжники, сэр!

— Эй, послушай, — Скругторп, несколько ошеломленный ее бешенством, затряс ее руку, — с меня достаточно.

Мортимер побледнел.

— Но дядя Чарльз был должен мне...

— Чушь! Чарльз ничего не был вам должен! На самом деле вы получили гораздо больше, чем заслужили. Мортимер, вот что вы должны сделать, — Люсинда ткнула его кулаком в грудь, — вы должны вернуться в Йоркшир и привести свои дела в порядок. Обратитесь к мистеру Уилсону в Скарборо, он сможет помочь. Встаньте на собственные ноги, Мортимер, поверьте мне, это единственный путь. — И, неожиданно вспомнив, она спросила: — Да, кстати, как поживает миссис Финниган, повариха? Когда мы уезжали, у нее, бедняжки, была язва. Ей лучше?

Мортимер безмолвно таращился на нее.

— Хватит, женщина!

Люсинда резко обернулась и уставилась на прыщавое лицо Скругторпа. Предпочтя словам действие, он схватил ее за плечи и дернул к себе. Люсинда взвизгнула и опустила голову, успев увернуться от его мерзких губ. Она боролась, пытаясь лишить его равновесия. Опустив глаза, она увидела, как его ноги в мягких кожаных башмаках переступают в поисках опоры. Она резко подняла ногу и ударила Скругторпа в пах. И, услышав, как он задохнулся, изо всех сил ударила его каблуком в подъем левой ноги.

— Ух!.. Ведьма! — завизжал он.

Люсинда резко дернула головой, ударив Скругторпа в подбородок. Раздался хруст. Скругторп завопил и схватился одной рукой за ногу, а другой за челюсть. Освободившись, Люсинда метнулась от него, но попала в руки Мортимера.

В ярости она била его по рукам, по лицу; Мортимер — не Скругторп: она освободилась от него достаточно легко, толкнув его в кусты. Тяжело дыша, стараясь набрать в легкие как можно больше воздуха, она подобрала юбки и взлетела на мост. Грязно ругаясь, Скругторп заковылял за ней.

Люсинда оглянулась и побежала быстрее.

На другом конце моста она увидела опрятно одетого джентльмена: в сюртуке, бриджах и высоких сапогах. Она поблагодарила звезды и помахала:

— Сэр!

Вот человек, который наверняка поможет ей.

К ее удивлению, джентльмен остановился, расставив ноги, заблокировав выход с моста. Люсинда прищурилась и замедлила бег. В центре моста она остановилась.

Мужчина держал в руке пистолет.

Люсинда смотрела, как он поднимает пистолет — один из тех длинноствольных, что используются на дуэлях. Солнечный свет отразился от серебряных пластин. Река внизу мирно журчала, спеша к морю, высоко в небе летали и пели жаворонки. Внезапно она услышала свое имя, но крик был слишком слабым, чтобы разорвать окутавший ее туман.

Мороз пробежал по ее коже.

Пистолет медленно поднимался, пока дуло не уставилось ей в грудь.

Во рту у нее пересохло, в висках застучало. Люсинда взглянула в лицо мужчины. Невозможное, невыразительное. Она увидела, как шевельнулись пальцы на курке, услышала красноречивый щелчок.

В сотне ярдов ниже по течению Гэрри выбежал из леса. Тяжело дыша, он огляделся, поднял глаза на мост — и оцепенел.

Мгновение он смотрел, как его будущее, его жизнь, его любовь — все, чего он когда-либо желал, — смотрит в лицо неминуемой смерти. Солтер и несколько его людей быстро

приближались по противоположному берегу, но они не успевали вовремя добежать до Джолиффа. Другие мчались к ближнему концу моста. Гэрри увидел, как пистолет замер... увидел, как дуло слегка приподнялось — необходимая мера, чтобы точно поразить цель.

— Люсинда!

Крик, полный отчаяния и ярости... и чего-то более мощного, чем и то и другое, вывел Люсинду из оцепенения.

Она повернулась, взялась рукой за деревянный поручень — доску, поддерживаемую редкими опорами, — и увидела на ближайшем берегу Гэрри. Схватившись обеими руками за поручень, она нагнулась и прыгнула в реку в тот момент, когда прогремел выстрел.

Гэрри видел, как Люсинда упала и с плеском вошла в воду. Вдруг сильно ударились? Когда река успокоилась, Люсинды нигде не было видно. Ругаясь, Гэрри помчался к берегу. Умеет ли она плавать? Он подбежал к краю воды чуть ниже моста и сел на землю. Он стягивал сапог, когда над водой появилась голова Люсинды. Откинув волосы с глаз, она огляделась, увидела его и помахала рукой. Затем, как будто ежедневно купалась в реке, спокойно поплыла к берегу.

Гэрри сначала зачарованно смотрел на нее, потом, нахмурившись и сунув ногу обратно в сапог, встал и подошел к краю воды. Его обуревали противоречивые чувства — от радостного облегчения до ярости, — такие сильные, что кружилась голова. Краем глаза он различил суету на обоих концах моста, но даже не взглянул туда. Позже ему рассказали, как отличился мистер Мавверли, захватив Мортимера, и как Долиш с превеликим удовольствием отколотил Скругторпа.

Добравшись до отмели, Люсинда встала и взглянула на мост. Убедившись, что ее враги получили по заслугам, она сунула руку за спину и подхватила свою промокшую шляпу. Дернув мокрые ленты, она растерянно уставилась на потерявший форму предмет.

Затем опустила глаза.

— И платье!..

Гэрри не выдержал. Эту несносную женщину чуть не убили, а ее волнует лишь судьба шляпы. Он вошел в мелководье, возвышаясь над Люсиндой.

Все еще скорбя о шляпке, Люсинда показала на нее:

— Ее уже не восстановишь. — Она перевела взгляд на Гэрри и увидела опасный блеск его глаз.

Он шлепнул ее по мокрой попке... так сильно, что загорелась ладонь.

Люсинда подпрыгнула и взвизгнула. И изумленно взглянула на него.

— В следующий раз, когда я прикажу вам оставаться на месте и не двигаться, вы сделаете именно это... Я достаточно ясно объяснил? — Гэрри свирепо смотрел на нее, в ее глаза, в которых даже после всего происшедшего светилась бунтарская решимость. Затем его взгляд упал на ее грудь, и он прищурился. — Боже милостивый! Ваше платье! — И он немедленно стал стаскивать с себя сюртук.

Люсинда фыркнула.

— Именно это я и сказала.

С видом оскорбленного достоинства она ждала, пока он накидывал сюртук ей на плечи, и даже позволила ему застегнуть пуговицы.

— Идемте... я немедленно отвезу вас домой. — Гэрри взял ее за локоть и помог выбраться на берег. — Вы промокли... только простуды не хватает.

Люсинда оглянулась на мост.

— Видите ли, это был Мортимер.

— Да, я знаю.

— Знаете? У него такая странная идея: будто Чарльз лишил его законного наследства, что...

Ведя Люсинду по лесу, Гэрри терпеливо слушал отчет о том, как Мортимер оправдывал свои действия. Ее голос, логическое повествование, трезвые наблюдения бесконечно успокаивали его, убаюкивали страх, что она может испытать запоздалый шок. Удивительно, неохотно признал он, тяжелое испытание не повлияло на нее. Это у него сдали нервы.

Он привел ее прямо к экипажам.

Люсинда удивилась:

— А как же остальные?

Гэрри распахнул дверцу кареты, и в этот момент подбежали Джошуа и Долиш.

— Эм и Хетер обо всем расскажут... Мавверли объяснит.

— Мистер Мавверли? Он здесь?

Гэрри обругал свой длинный язык.

— Да, садитесь в карету.

Он не стал ждать, пока она подчинится, поднял ее и сунул внутрь. Джошуа уже карабкался на козлы. Гэрри повернулся к Долишу:

— Вернись и объясни все Эм и мисс Бэббакум. Успокой их. Миссис Бэббакум в полном порядке, только промокла. — Люсинда внутри кареты чихнула. У Гэрри снова зачесалась ладонь. Он поставил ногу на подножку. — Я отвезу ее в Хэллоуз-Хаус... мы подождем их там.

Долиш кивнул.

— Все остальное уже сделано.

Гэрри схватил свой плащ, оставленный на крыше кареты, и нырнул внутрь. Долиш захлопнул за ним дверцу. Карета покатилась. Гэрри опустил на сиденье и закрыл глаза.

Он оставался в таком положении не меньше минуты. Люсинда настороженно следила за ним. Затем он открыл глаза, швырнул плащ на противоположное сиденье, потянулся и закрыл все шторы. Солнечный свет все же проникал сквозь тонкую кожу, наполняя карету золотистым сиянием.

— Ах... — Не успев решить, с чего начать разговор, Люсинда оказалась на коленях у Гэрри.

Она открыла рот в формальном протесте, но он поймал ее губы долгим, властным, опаляющим поцелуем, лишив всякой возможности соображать. Она ответила ему так же страстно.

Когда он наконец поднял голову, она прижалась к его груди, ошеломленно глядя на него.

Это зрелище вполне удовлетворило Гэрри. Одобрительно хмыкнув, он закрыл глаза и откинул голову на подушки.

— Если вы еще когда-нибудь сделаете что-либо подобное, приготовьтесь есть стоя всю следующую неделю. По меньшей мере.

Люсинда бросила на него затуманенный взгляд и потянулась к пострадавшей части своего тела.

— Больно...

Уголки его губ поднялись.

— Может, мне следует поцеловать?

В ее широко распахнувшихся глазах появился интерес.

У Гэрри перехватило дыхание.

— Пожалуй, мы оставим это на потом.

Люсинда удивленно приподняла бровь, не отводя от него глаз, затем пожала плечами и прижалась к нему.

— Я не предвидела нападения, вы же знаете. И кто были все эти люди?

— Это несущественно. — Гэрри повернул ее лицом к себе. — Я кое-что должен вам сказать... и повторять не буду. Вы меня слушаете?

Люсинда вдохнула, но выдохнуть не смогла. Затаив дыхание, она кивнула.

— Я люблю вас.

Ее лицо засияло. Она наклонилась к нему, губы сами собой раскрылись... Гэрри предостерегающе поднял руку.

— Нет, подождите. Я еще не закончил. Подобные слова от такого мужчины, как я, едва ли могут прозвучать убедительно. Видите ли, я произносил их и раньше, и много раз. И они не были правдивыми, тогда не были. — Его рука нашла ее ладонь, покоящуюся на его груди; он поднес ее пальцы к губам. — До вашего появления я не знал, что значат эти слова, — теперь знаю. Но я не ждал, что мои слова покажутся вам достаточно убедительными. Поэтому я представил вам все доказательства, какие мог: отвез вас погостить у моего отца, показал дом моих предков... — (Люсинда прищурилась, слушая продолжение его списка.) — Вы видели конезавод и дом, который, я надеюсь, будет нашим общим домом. — Он умолк, его глаза, устремленные на Люсинду, блестели, губы улыбались. — И я пошутил насчет шестерых детей — четырех вполне достаточно.

Затаив дыхание, испытывая головокружение от счастья, Люсинда широко раскрыла глаза.

— Только четверо? Вы разочаровываете меня, сэр.

— Может, мы остановимся на четверых для начала? В конце концов, мне бы не хотелось вас разочаровывать.

На щеке Люсинды появилась ямочка, которую он видел так редко. Гэрри нахмурился.

— Так на чем же я остановился? Ах да... доказательства моей преданности. Я сопровождал вас в Лондон и вывозил в Гайд-парк, ухаживал за вами всеми мыслимыми способами и даже бросил вызов опасностям «Алмака». Все ради вас.

— Так вот почему вы все это делали — чтобы убедить меня в вашей любви? — Люсинда казалось, ее сердце вот-вот разорвется. Ей достаточно было заглянуть в его глаза, чтобы узнать правду.

Гэрри улыбнулся, насмехаясь над самим собой.

— Зачем же еще? Что, если не любовь, могло бросить меня к вашим ногам? — Он взглянул на ее ноги и нахмурился. — К слову сказать, ужасно мокрым.

Гэрри потянулся и снял ее промокшие туфли. Затем, подняв мокрые юбки, занялся подвязками. Люсинда улыбнулась.

— И вы танцевали со мной три вальса, помните?

— Как я могу забыть? — Гэрри обернулся, деловито стягивая с нее чулки. — Более ясного признания в любви я не могу вообразить.

Люсинда захихикала, поджимая замерзшие пальцы ног. Гэрри выпрямился и заглянул ей в глаза.

— Итак, миссис Люсинда Бэббакум: после всех моих усилий вы верите, когда я говорю,

что люблю вас?

Улыбка осветила глаза Люсинды. Она обхватила ладонями его лицо.

— Глупый мужчина, вам надо было только это сказать. — И она нежно коснулась губами его губ.

Когда она отстранилась, Гэрри недоверчиво хмыкнул.

— И вы бы поверили мне? Даже после моей оплошности в тот день, когда вы соблазнили меня?

— О да, — на ее щеке вновь появилась ямочка, — даже тогда.

Гэрри решил оставить эту тему.

— Так вы согласны выйти за меня замуж? ? Люсинда кивнула.

— Слава Богу. — Гэрри обнял ее. — Мы поженимся через два дня в Лестер-Холле. Все готово. У меня в кармане разрешение на свадьбу. — Он опустил глаза и увидел мокрые пятна на своем сюртуке, в который закутал ее. Он нахмурился. — Надеюсь, что чернила не расплылись.

Он расстегнул пуговицы и снял с нее сюртук.

Люсинда не смогла сдержать восхищенного счастливого смеха. Она притянула к себе его лицо и жадно поцеловала в губы.

— Вы совсем мокрая, — наконец проговорил Гэрри. — Нам следует снять с вас все это.

Люсинда покорно подчинилась. Он освободил ее от платья, уронив его на пол кареты.

Сорочка, промокшая и почти прозрачная, облепляла ее, как вторая кожа. Покраснев, Люсинда опустила ресницы, следя за руками Гэрри, раздевавшими ее нежно, но решительно.

Гэрри почувствовал ее жар, услышал прерывистость дыхания, когда последний покров упал с нее. Она задрожала, но не от холода. Затаив дыхание, она посмотрела в его глаза.

Люсинда смотрела в затененные густыми ресницами, изумрудные глаза, не скрывающие желания, горевшего в их глубинах.

Она сидела обнаженная на его коленях. Он нежно ласкал ее спину, руки, затем наклонился и прижался губами к синякам, оставленным Скрутторпом на ее плечах. Люсинда затрепетала. Непрошенный, совершенно неожиданный, давно забытый разговор ожил в ее памяти. Она тихонько засмеялась.

Гэрри жадно смотрел на нее — сирену, ставшую его судьбой.

Люсинда рассмеялась, наклоняясь к нему.

— Эм как-то сказала, — прошептала она, — что я должна поставить вас на колени. Не думаю, что она имела в виду именно это.

Он напрягся, обуздывая свое желание.

— Ах да. Необыкновенно мудрая дама моя тетя. — Гэрри ласково поднял Люсинду, посадив так, что ее колени уперлись в сиденье кареты по обе стороны от его бедер. — Но она иногда забывает, что очень трудно повесе... резко менять свои привычки.

У Люсинды внезапно появились сомнения насчет своей новой позы.

— Ах, Гэрри?..

— Хм? — Его больше не интересовали разговоры.

Люсинда осознала это, когда его губы нежно коснулись ее груди, и затаила дыхание.

— Гэрри, мы в экипаже.

Ее протест задохнулся в сладком стоне. Она задрожала и закрыла глаза.

— Вы шутите. — Она наконец умудрилась вздохнуть. — Не здесь же? Не в движущейся

карете?

Он тихо засмеялся в ответ.

— Вполне возможно и здесь, уверяю вас. Качка лишь усилит удовольствие.

Люсинда пыталась освободить мысли от сладострастной паутины, которую он так искусно сплел.

— Да, но... — Ее глаза широко распахнулись. — Боже милостивый! — Ее веки снова опустились. Она прерывисто прошептала: — Гэрри?

После долгого молчания она глубоко вздохнула:

— О, Гэрри!

Час спустя, когда экипаж медленно катился по тенистым улицам Мейфэра (Фешенебельный район Лондона), Гэрри посмотрел на спящую женщину. Он был готов поклясться, что никакая простуда ей не страшна после того огня, что недавно охватил их обоих. Ее одежда лежала на полу мокрой кучей, его сюртук и бриджи займут Долиша на много часов. Гэрри было все равно. Он получил все, что хотел в этой жизни. И, счастливый, поцеловал локоны Люсинды.

Что и говорить, он долго сопротивлялся, но теперь был готов признать, что побежден окончательно и бесповоротно.

Наклонив голову, Гэрри посмотрел на счастливое лицо своей сирены.

Люсинда пошевелилась и прижалась к нему, положив ладонь на его грудь, на его сердце.

Гэрри улыбнулся, закрыл глаза и обнял ее.

FB2 document info

Document ID: 7eef5c20-309a-4bb9-9a14-8f77d38c1d9b

Document version: 1

Document creation date: 2006-11-10

Created using: FB Tools software

Document authors :

- Roland

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon